

РАЗДЕЛ IV

ТРАЕКТОРИИ
БУДУЩЕГО.
ЕСЛИ НЕ ДИАСПОРА,
ТО ЧТО?

ВХОЖДЕНИЕ В ТЕМУ. ДИАСПОРАЛЬНОЕ «ПИРШЕСТВО» – КТО, КАК И ДЛЯ ЧЕГО

Зачарованность красивым иностранным словом «диаспора» многочисленных участников российского публичного и политического дискурса о статусе русскоязычных в ближнем зарубежье поистине поражает воображение. Кто бы ни высказывался по темам, связанным с постсоветскими странами, будь-то геополитика или экология, нефтедобыча или опасность терроризма, при «выруливании» сюжета на «соотечественников» десять шансов против одного, что говорящий или пишущий, нередко известный специалист в своей области, упомянет о «русской диаспоре». Этот дискурс производит впечатление почти научного, поскольку многие российские политики являются обладателями соответствующих степеней и званий, причем обычно в сфере социальных наук. Активно используется слово «диаспора» и в чисто академических кругах.

Термин представляется столь важным, что нередко выносятся в названия книг¹ и статей² (не говоря о его использовании в самих текстах), а также газетных рубрик и даже научных учреждений (так, например, возглавляемый Константином Затулиным Институт стран СНГ ранее именовался «Институтом диаспоры и интеграции»). В какой-то мере такое увлечение является отражением общемировой тенденции — на Западе в последнее десятилетие оживились дискуссии о природе экспатрированных групп в условиях глобализации, формирования транснациональных сообществ и обусловленного этим обстоятельством переосмысления представлений о природе этнической/социальной идентичности. Однако, если говорить именно о русскоязычных нового зарубежья, то «блестящая карьера термина» (выражение Роджерса Брубейкера) имеет в России свои, сугубо внутренние причины. Они слабо связаны с реальными потребностями научной дискуссии и лежат в русле той набирающей силу тенденции, которую Валерий Тишков образно назвал «диаспоризацией всей страны»³.

Что имеется в виду? Спровоцированные распадом СССР изменения государственных границ на пространстве Евразии, активизация миграций, в том числе и трансграничных, с одной стороны, и актуализация этничности (на личностном и политическом уровнях), замещающей уходящую «советскость», с другой, привели к усложнению

этнокофессиональной карты многих российских территорий и всплеску там конфликтности вокруг «пришлых», иммигрантских групп. Рост поликультурности, полиэтничности общества поставил перед властями и экспертами проблему осмысления новых явлений и управления ими, а инструментом ее решения и стало **конструирование так называемых новых российских диаспор**, причем на основе стихийно примордиалистского подхода к социальной реальности.

По словам Виктора Дятлова, «нередко так теперь называют (и таким образом вычленяют и объединяют) всех, кого считают представителями неких национальных групп вне пределов соответствующих государств или “национальных очагов”. Подразумевается не просто конгломерат людей, а некий социальный организм, к которому принадлежат по факту этнической принадлежности. Последняя также оценивается как природная данность... Термину пытаются придать даже правовое содержание. Таким образом, под диаспорой стихийно понимается нечто вроде сословия или крепко спаянной общины»⁴. Культурно-отличительные группы, по сути, подталкиваются к тому, чтобы нести коллективную ответственность за своих членов по факту врожденной этничности, а не в результате добровольного выбора людей или стремления к самоорганизации, а этнические активисты — к узурпации права говорить от имени «всех» и использованию этого «представительства» в качестве символического капитала. «Такая вот мечта о сословно организованном обществе», — заключает ученый⁵.

Проявлением все той же «мифологии группизма, задавившей российское научное и политико-бытовое сознание»⁶, но уже по отношению к интересующим нас сообществам, и является **концепт «русских диаспор»**. Разница лишь в том, что политико-идеологические интересы отдельных групп и лиц превалируют здесь над потребностями управления (хотя последнее тоже нельзя сбрасывать со счетов — наделение официальных «русских организаций» самыми широкими представительскими функциями, безусловно, облегчает контакты с ними, а по мысли заинтересованных российских структур — и со всеми «соотечественниками» ближнего зарубежья).

Разовьем высказанную мысль. Как писали английские исследовательницы Хилари Пилкингтон и Мойя Флинн (*Hilary Pilkington, Moyя Flinn*), «русскоязычные сообщества в бывших советских республиках были и остаются объектом “диаспоризации” со стороны властей постсоветской России. Последние постоянно стремятся к тому, чтобы подтвердить и закрепить за ней статус великой державы посредством мысленного, производимого на уровне дискурсов и деклараций, “отодвигания” современных административных границ страны в те пределы, которые охватывают территорию расселения русского этноса. Конечно, подопечными официальной Москвы провозглашались не

только этнические русские. Все этнические группы, имеющие культурную и историческую связь с Россией, подверглись этой своеобразной “диаспоризации” посредством все более частого употребления термина “**соотечественники**” по отношению к русскоязычным меньшинствам [подчеркнуто авторами цитаты. — *Н. К.*] ⁷.

Констатация связи наблюдаемого явления с потребностями государственного, политического самоутверждения России совершенно правильна, но требует некоторых уточнений. Обратимся еще раз к цитируемой статье. Авторы пишут: «Запущенная “сверху” “диаспоризация” привела к тому, что термином “диаспора” стали активно оперировать в политическом и публичном дискурсе, причем без предварительной четкой его спецификации, в чрезвычайно широком значении, охватывающем все и вся» ⁸.

На мой взгляд, главных творцов виртуальных «диаспор» следует поменять местами. Запевалами, инициаторами той открытой дискуссии, результатом которой стала в 1990-е гг. пресловутая «диаспоризация», были не «власти» (т. е. наиболее сильная, исполнительная ее ветвь, ответственная за выработку и реализацию решений), а СМИ, публицисты и оппозиционные Кремлю политики, принадлежащие нередко к партиям и движениям националистической и патриотической ориентации. Самоутверждение России в постсоветском пространстве, конечно, было одной из их целей, тем более, что власти, не считая проблему защиты «соотечественников» одним из своих приоритетов, постоянно вынуждали оппонентов их подгонять и подталкивать. Но не менее важной задачей стала обычная для политиков борьба за собственное утверждение, за голоса избирателей, за финансовые ресурсы, за свой «вес» и статус во властных структурах ⁹. Слово «диаспора», вызывающее у любого образованного человека определенные ассоциации, оказалось идеальным для реализации этих целей (в той мере, в какой они касались оставшихся за границами России русских и русскоязычных жителей бывшего СССР). В результате манипулирования им постепенно **сформировались мифологизированные образы русскоязычных сообществ**, а внедрить их в общественное сознание было делом нетрудным, в силу слабой проработки данной проблематики нашей академической наукой ¹⁰.

Симптоматичны в этой связи два обстоятельства. Во-первых, **этицизация** российского «диаспорального» дискурса — как публичного, так и научного; жесткая увязка его объекта с **этническими русскими** (об этом немало писалось в предыдущих разделах книги).

Во-вторых, в одном смысловом ряду с термином «диаспора» стоят почти столь же частые в употреблении **«общины»** и **«русские общины»** (или так называемые институты русских общин) ¹¹, а иногда даже говорится о **«соплеменниках»** ¹².

Примеры такого рода можно найти не только в прессе. Весьма показательным явилось, в частности, представительное мероприятие, состоявшееся 16 сентября 1999 г. — Парламентские слушания, посвященные обсуждению «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации». Представим фрагмент из выступления Владимира Никитина, председателя подкомитета Государственной Думы (предыдущего созыва) по проблемам беженцев и вынужденных переселенцев Комитета по делам СНГ и проблемам соотечественников (здесь и далее — цитирую по собственным записям): «Русские — государственно-образующий народ, но он стал самым большим в мире разделенным народом... мы об общинном обустройстве именно русских в России в концепции не пишем (хотя в первом варианте это было)... Под общинным обустройством мы понимаем образ жизни русской цивилизации...». По мнению Бориса Сергеева, председателя попечительского Совета Фонда «Соотечественники», называющего последних общинами российских соотечественников, «большинство из них (а их 20 млн.) хочет переехать на этническую родину».

Комментируя многократно звучавшие в зале призывы к «общинному переселению» русских, известная правозащитница Светлана Ганнушкина резонно отметила: «Мы должны оставить людям право выбора. Говоря об общинном образе жизни и общинной культуре, надо иметь в виду, что речь идет о далеком прошлом (за исключением духоборов, молокан и пр., которые привыкли и умеют так жить). Нельзя вкладывать все деньги только в компактные поселения».

Смысловая связь между рассмотренными обозначениями русскоязычных вполне очевидна — это **жестко объединительные, консолидирующие** термины (да еще с налетом архаики), «причисывающие» «соотечественников» под одну гребенку, в духе общинного коллективизма и единомыслия. Их солидарность, в представлениях тех, кто разделяет подобный подход, базируется в первую очередь на массовом восприятии России как родины, стремлении вернуться в ее пределы¹³.

С помощью слов «диаспора», «общины» и пр. создается **желаемый** образ действительности, выдаваемый за саму **действительность**. Диаспоральный статус русскоязычных сообществ выводится из приписывания им нескольких ключевых характеристик «настоящих» диаспор: 1) этническая однородность; 2) обостренное переживание своей этничности, причем именно как общности с «материнским народом»¹⁴; 3) высокая степень сплоченности (имеющей к тому же хорошо развитую институциональную основу — в виде «институтов русских общин»), а также управляемости, доверия к лидерам и, наконец, социальной гомогенности, собственно, и делающей возможным подобное единое (как в «общине»); 4) ориентация на этническую (историческую)

родину в качестве базового элемента идентичности; стремление с ней воссоединиться.

Кроме **«русскости»** и **«общинности»**, третьим китом, на котором покоится рассматриваемая «диаспоризация», является **приписывание русскоязычным особой связи с Россией**, принадлежности к ней, откуда, естественно, вытекают особые права и особая ответственность последней. Потому — не только «русская», но и «российская диаспора», а также излюбленный в кругу журналистов, публицистов и чиновников термин **«этнические россияне»** (или даже такой странный неологизм, как «этнороссияне») ¹⁵. В этом же ряду и слово **«россияне»**, еще больше путающее читателя, хотя цели и, возможно, добрые намерения тех, кто называет так русскоязычных бывших республик, вполне прозрачны. Упомяну в этой связи два сборника «Россияне в Кыргызстане», изданных в Бишкеке в 1998 и 1999 г. «по инициативе и активном содействии» российского посольства, а также книгу сотрудницы последнего Надежды Калининой (Бишкек, 2002) «Россияне ближнего зарубежья: уезжать или оставаться? Политические аспекты проблем российской диаспоры в странах СНГ». Несмотря на такое название, анализируются в ней отнюдь не граждане России, находящиеся или проживающие в бывших республиках, как мог бы подумать читатель, неискушенный в политических дискуссиях вокруг «русских диаспор».

Насколько же очерченное **«желаемое»** соответствует **«действительному»**?

Отвлечемся от газетных и парламентских идейных баталий и обратимся в поисках ответа на этот ключевой вопрос теперь уже к собственно **научным работам**, причем в первую очередь тем, авторы которых специально занимались темой «диаспоры — не диаспоры». Поскольку англоязычных работ среди таковых гораздо больше, чем российских, именно им будет уделено основное внимание. Такой анализ приблизит нас к выполнению и другой нашей задачи — подвести своего рода черту под изучением русскоязычных сообществ в России и на Западе в первое постсоветское десятилетие. Затем, опираясь на концептуальные достижения коллег и на свои собственные исследования ¹⁶, мы попробуем обосновать тезис о том, что русскоязычные бывших советских республик **пока еще** полноценными диаспорами **не стали**, хотя могут сформировать их в будущем при наличии определенных условий, если не во всех, то в некоторых странах. С этой целью будут подвергнуты проверке на «диаспоральность» ключевые в данном контексте компоненты сознания и поведения русскоязычных. Попытаемся мы ответить и на вопрос, вынесенный в заглавие раздела — речь будет идти о предпосылках реализации «соотечественниками», стоящими пока на развилке дорог, иного, **недиаспорального** интеграционного сценария.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., напр.: Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. Отв. ред. В. А. Тишков. М., 1996; Новые славянские диаспоры. Под ред. М. Ю. Мартыновой. М., 1996; *Лебедева Н. М.* Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. 2-ое изд. М., 1997; Российская диаспора и проблемы недобровольной миграции на постсоветском пространстве. М., 1997.
- ² Вот названия некоторых наиболее заметных, носящих программный характер статей по проблемам русскоязычных в новом зарубежье: *Градировский С., Тупицын А.* Диаспоры в меняющемся мире. Политика государства в отношении соотечественников за рубежом — важная часть геополитики // Содружество НГ. М., 1998. № 7; Стратегии развития диаспоры. Собрание «Русского мира» на задворках СНГ-дипломатии // Содружество НГ. 1998. № 5; *Семенов А.* Россия вспомнила о «своих». Между диаспорой и Москвой должны быть отношения партнерства // Независимая газета. М., 2000, 22 ноября; Диаспора, которую мы теряем // Общая газета. М., 2000. № 41; серия статей Натальи Айрапетовой, посвященная созданию специального сайта «Независимой газеты» для представителей русскоязычных организаций нового зарубежья: Диалог «НГ» и русских общин становится все активнее // Содружество НГ. 2000. № 6; «Романтический тупик» опасен и бесперспективен. Российские и зарубежные читатели «НГ» размышляют об эффективном развитии русской диаспоры на постсоветском пространстве (статья опубликована под рубрикой «Русские общины») // Независимая газета. 2000, 15 сентября; Перепись русских общин продолжается. Диаспора намерена объединить усилия // Независимая газета. 2000, 16 декабря; см. также: *Айрапетова Н.* Соотечественникам нужен «НЭП». В состоянии ли российская власть реально воспользоваться мощным потенциалом зарубежной диаспоры? // Независимая газета. 2001, 23 октября, и др. В «Независимой газете», уделявшей, в сравнении с другими печатными СМИ, самое большое внимание проблеме «соотечественников», после некоторого затишья появилась новая рубрика — «Русский проект», цель которого в том, чтобы «объединить “два острова” русской диаспоры» (см.: Независимая газета», 2002, 10 апреля).
- ³ *Тишков В.* Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. М., 2003. № 2. С. 161.
- ⁴ *Дятлов В.* Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. 2004. № 3. С. 132.
- ⁵ Там же. С. 133. Причины и последствия претворения в жизнь описанного этно-коммуналистского видения социальной жизни, стимулирующего рост конфликтности в российских регионах через противопоставление одних групп другим, содержательно проанализированы, например, в: *Осипов А.* Краснодарский край как витрина российской национальной политики // Диаспоры. 2004. № 4; *Кузнецов И.* Северо-Западный Кавказ: что происходит с этническими меньшинствами? // Там же; *Малахов В.* Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах: случай России и Германии // Миграция и национальное государство. Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб., 2004. См. также вышеупомянутую статью В. Дятлова, где процесс «диаспоризации» рассматривается на примере Иркутской области.
- ⁶ *Тишков В.* Увлечение диаспорой... С. 161.
- ⁷ *Пилкингтон Х., Флинн М.* Чужие на родине? Исследование «диаспоральной идентичности» русских вынужденных переселенцев // Диаспоры. 2001. № 2–3. С. 11.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Но нельзя не видеть и того, что многие участники «диаспорального» дискурса, например, рядовые журналисты и члены правозащитных и переселенческих организаций, движимы искренним желанием помочь «соотечественникам», и не их вина, что они оказались лишены достоверной информации о положении русскоязычных в новом зарубежье.
- ¹⁰ Впрочем, некоторые представители академической науки, как было показано, например, в главе об идентичности разд. III, также внесли посильный вклад в подобное

мифотворчество, возможно, не подозревая об этом. Так, рассмотренные в ее начале устойчивые представления о настроениях русскоязычных вполне «диаспоральны» по своей сути.

- ¹¹ См., в частности, примечание 2. «Институты русских общин» — один из ключевых терминов, используемых Надеждой Лебедевой.
- ¹² Так, например, депутат Государственной Думы (ГД) Игорь Игошин предложил программу, которая, по его мнению, «продемонстрирует как прибалтийским, так и иным государствам, что наша страна способна заступиться за своих соплеменников, оказавшихся за рубежом» (Субботник НГ. М., 2000. № 40).
- ¹³ Приписывание русскоязычным подобных представлений о родине является настолько общим местом, что трудно выделить наиболее яркие высказывания. Сошлось, например, на мнение, касающееся Украины, достаточно спокойной с точки зрения межэтнических отношений страны, русскоязычное население которой менее всего можно заподозрить в массовой ориентации на Россию. Однако на вышеупомянутых Парламентских слушаниях В. Моисеенко, председатель Всеукраинского союза «За восстановление СССР», отметил, что «на Украине 12 млн. русских, примерно две трети населения — русскоязычные, и все они связывают свою жизнь с Россией». В контексте отношений Россия — «соотечественники» нередко прибегают к метафоре «мать — дети». Как заявила Лидия Графова, комментируя новый российский закон о гражданстве, «25 млн. русских, а всего 39 млн. русскоязычных [по переписи 1989 г., примерно 36 млн. — *Н. К.*], все они считают Россию родиной. А Россия, как мать-кукушка, юридически оформляет развод со своими детьми» (телевизионный документальный фильм «Вид на жительство», показанный по каналу РТР 17 мая 2002 г.).
- ¹⁴ По выражению Дмитрия Рогозина, в прошлом одного из лидеров Конгресса русских общин, а ныне — депутата ГД, в ближнем зарубежье «русские прилагают неимоверные усилия, чтобы остаться русскими» (*Рогозин Д.* Время собирать страну // Независимая газета. 2001, 16 ноября). На мой взгляд, именно привычное восприятие «диаспоры» как сугубо этнического проекта и объясняет то обстоятельство, что ни в официальном дискурсе, ни тем более в уже принятых официальных документах слова «диаспора», а также «общины» и «соплеменники» практически не употребляются. Принятую в 1994 г. программу «Основные направления помощи соотечественникам» можно считать поэтому «манифестом мультикультурализма» (см.: *Zevelev I.* Russia and the Russian Diasporas // *Post-Soviet Affairs.* Palm Beach, 1996. Vol. 12. № 3. P. 273). Власти со всей очевидностью дистанцируются от того, что звучит националистически, в первых, осознавая (в какой-то мере) политическую опасность подобных взглядов (то же характерно для либеральной прессы, избегающей пользоваться этноизбирательными терминами вроде «этнических русских»). Во-вторых, в большей степени потому, что на уровне практических решений они хорошо понимают огромные трудности претворения в жизнь идей «собрания нации», т. е. отделения «русских» от «нерусских», по сути, «чистых» от «нечистых». Взамен был взят на вооружение термин «соотечественники» — тоже объединительный, но распахивающий объятия России (хоть и на словах) весьма рыхлому по структуре конгломерату людей и формально-лингвистически лишенный какой-либо «идейной» основы.
- ¹⁵ Как совершенно справедливо отметил Пол Колсто, «поскольку неологизм “россияне” был изобретен в период перестройки для того, чтобы обозначить в этнически нейтральных выражениях граждан России, “этнические россияне” выглядят странным гибридом, граничащим с оксюморonom» (*Колсто П.* Укореняющиеся диаспоры: русские в бывших советских республиках // *Диаспоры.* 2001. № 1. С. 24).
- ¹⁶ Из-за того, что главы последнего раздела носят итоговый характер, в них содержится много отсылок «назад», к предыдущим частям работы. При чтении книги «поряд» этими отсылками можно пренебречь.

ЗАПАДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА «РУССКИЕ ДИАСПОРЫ»

Западное единодушие: диаспора как «политический конструкт»

Первые попытки определиться в понятиях

Русским и другим русскоязычным, оказавшимся за пределами России в результате распада СССР, на Западе посвящено немало работ, и достаточно весомую группу образуют те из них, где слово «диаспора» широко используется в самом тексте, а зачастую вынесено в название публикации или ее разделов. При этом речь идет, как правило, о работах, снижавших большую известность и часто цитируемых. И все же далеко не все они отличаются терминологической четкостью и внятностью авторской позиции¹.

Одной из первых стала монография «Новая русская диаспора. Русские меньшинства в бывших советских республиках», написанная интернациональным авторским коллективом². Уже само название вызывает некоторое недоумение: о диаспоре или меньшинствах пойдет речь? Диаспора — одна из форм существования этнического меньшинства, но последнее — не обязательно диаспора. Кроме того, меньшинства бывают разных типов и с разными статусами.

По мере чтения книги понятийный туман не рассеивается, а лишь сгущается. Во введении чаще всего употребляется термин «русские меньшинства», а слово диаспора — только один раз, без всяких объяснений (с. XXI). В главе, написанной Львом Гудковым — та же ситуация: термин «русская диаспора» встречаем один раз, без комментариев, причем в приложении к советскому времени (с. 170), а русскоязычных автор именуется «национальными меньшинствами». Аналогично, Эмиль Паин, вводя новый термин «имперское меньшинство», пишет о том, что он определяет важные черты «русской диаспоры» в период до распада СССР (с. 24). Переместившись уже в постсоветское время, данный автор оперирует попеременно то словосочетанием «русская диаспора», то «русские меньшинства», то «этнические меньшинства».

Некоторые другие авторы обходятся вообще без «диаспор», используя то понятия «русские» и «национальные» (меньшинства) (Татьяна Марченко), то «этнические меньшинства» — Э. Паин в

заклучении книги (строго говоря, разница в содержании двух последних понятий есть, и весьма существенная).

Сергей Николаев, автор главы о положении русских в Узбекистане, характеризует их то как «русскую диаспору», то как «национальные меньшинства», в которые, по его мнению, превратились после распада СССР все нетитульные этнические группы страны. Лишь в этой главе, в самом ее конце, находим некоторый намек на то, почему автор (или весь авторский коллектив?) считает русских диаспорой. Рассуждая об их будущем, С. Николаев пишет: «Главную роль должна сыграть сама Россия, которой следует сейчас считать русских, живущих за пределами ее границ, русской диаспорой, нуждающейся в покровительстве (*patronage*)» И далее: «Поскольку русская диаспора в Узбекистане отделена от России государственными границами, она будет нуждаться также в международном покровительстве, в особенности со стороны тех стран, которые основаны на демократических принципах и соблюдении прав человека»³.

Ключевые слова в этом высказывании, хотя и не производящем впечатление долго вынашиваемого теоретического вывода — «считать русской диаспорой» и «за пределами границ». Как мы увидим ниже, здесь содержатся зачатки того подхода к «русским диаспорам», который станет почти до конца 1990-х гг. главенствующим в западной литературе — некое сообщество кто-то «назначает» диаспорой, мысленно конструирует как диаспору (руководствуясь политическими соображениями и интересами).

Упоминание же о границах фиксирует самый что ни на есть **базисный**, первичный, но лишь формальный; **необходимый, но отнюдь не достаточный признак диаспоры** — **проживание какой-то этнической группы** (или ее части) **вне родины** (или, пользуясь другими встречающимися в литературе формулировками, основной этнической территории, родственного государства и т. д.). Видимо, таким пониманием и руководствовался весь авторский коллектив книги, вынося слово «диаспора» не только в название, но и «вмонтировав» его в каждый из трех разделов: «Формирование диаспоры: проблемы русскоязычных меньшинств в контексте становления и распада Российской и советской империй»; «Жизнь в диаспоре: социальный статус, установки и социальное поведение русского населения в бывших союзных республиках» и, наконец, «Бегство из диаспоры: причины и последствия неудач социальной адаптации русских к чужеродному этническому окружению»⁴.

Книга также демонстрирует поучительную черту развивающихся во времени интерпретаций природы русскоязычных сообществ — она заметна и в других западных работах. Когда авторы оставляют попытки «запереть» свой объект в рамки многозначно трактуемых в науке терминов и начинают просто писать о том, что они наблюдают или

к чему, по их мнению, нужно стремиться, вырисовывается картина явно не диаспоральная, а более амбивалентная.

Например, приведенные выше высказывания С. Николаева как раз из «этой оперы», предполагая необходимость патронирования «русских» не только со стороны «своей» России, как обычно бывает с диаспорой, но и со стороны разных иностранных государств.

Э. Паин в заключительной части книги пишет о необходимости адаптации «русских меньшинств» к «национальной культуре и образу жизни этнических групп, **на территории которых они живут**»⁵ [выделено мной. — *Н. К.*]. Речь явно идет о сообществах, обладающих существенным признаком диаспоры. В то же время автору видится и принципиально иная перспектива: «Это в их интересах [имеются в виду бывшие республики. — *Н. К.*] включить этнические меньшинства в жизнь новых государств как можно быстрее и как можно полнее, чтобы максимально использовать их интеллектуальный и трудовой потенциал, чтобы вести их к **достижению общих гражданских целей** ... Это требует реального равенства прав всех граждан независимо от национальности и **широкого представительства всех этнических меньшинств во властных структурах**»⁶ [выделено мной. — *Н. К.*] Да, это всего лишь желаемое и трудно достижимое будущее, но будущее отнюдь не пришло и робкой диаспоры, живущей «не на своей земле».

Т. Марченко, посвятившая свою главу культурным и языковым аспектам адаптации русскоязычных, пишет, в том числе, о требованиях русскоязычных придать их родному язык статус второго общенационального. Такие требования представляются ей совершенно обоснованными, поскольку, в соответствии с мировой практикой, «языки меньшинств, которые составляют в своих странах меньшую долю населения, чем русские в республиках, имеют определенный официальный статус в демократических государствах мира»⁷. Еще более недипломатично звучит высказывание на эту тему Э. Паина. Он ссылается на практику соблюдения лингвистических прав таких меньшинств, которые никак нельзя считать диаспорами: «Эта норма [признание государственным лишь титульных языков. — *Н. К.*] далека от стандартов, принятых в полиэтничных странах. Например, конституции Республики Финляндии, Королевства Бельгии, Швейцарской Конфедерации... предполагают использование от двух до четырех государственных языков. В этих странах, и не только в них, второй (и другие) языки признаны государственным специально для этнических меньшинств — для 6,3% шведов, живущих в Финляндии, 10% франкофонов Швейцарии, и т. д. Между тем доля русских в каждой из бывших республик (за исключением Закавказья) гораздо выше, чем доля шведов в Финляндии...»⁸.

Таким образом, авторы книги опираются на самое упрощенное, «механическое» понимание диаспоры (группа, по каким-то причинам

оказавшаяся вне границ родины), но это определение «не работает» и не имеет большой эвристической и концептуальной ценности, поскольку в головах у них совершенно иные представления об изучаемом объекте («русских меньшинствах») и/или о желаемом направлении его эволюции.

Нечто похожее мы находим в главе «Русские за пределами России: новая русская диаспора», написанной Аадне Аасландом (*Aadne Aasland*) и являющейся частью книги «Национальный вопрос в постсоветских государствах»⁹. Интересно, что глава помещена в раздел «Диаспорные группы», где рассматриваются проблемы крымских татар, поволжских немцев и евреев, но обоснование диаспорального статуса русских дается опять «механическое»: «В результате распада Советского Союза 25 млн. этнических русских оказались в состоянии диаспоры, причем никуда в реальности не переезжая»¹⁰. По этому ли принципу отнесены к диаспоре упомянутые группы, последнюю из которых вообще принято считать ее архетипичным вариантом? Вряд ли, хотя, выбрав один критерий классификации, желательно ему и следовать. Пугает читателя и то, что несколькими строками ниже автор пишет, что, будучи отделенными от «великой земли», русские превратились «просто в национальные меньшинства».

Дальнейший текст рисует русскоязычных как группу с весьма неопределенным статусом, т. е. еще неизвестно, в каком направлении развернется ситуация. В первую очередь, эта **неопределенность касается состояния идентичности русскоязычных** — ключевого компонента диаспорального сознания. Так, А. Аасланд пишет: «...русская диаспора — это неоднородная группа людей. Она состоит из индивидов с различной степенью привязанности к странам их теперешнего проживания и к этнической родине — России. В то время как некоторые русские остро ощущают свою принадлежность к русскому этносу, есть много тех, кто редко думает о себе как о русских и продолжает в первую очередь считать себя советскими (или бывшими советскими) гражданами. Другие же постепенно ассимилируются доминирующим этносом той территории, на которой они проживают»¹¹. Нарисована картина (хотя и неполная¹²) множественных и разнонаправленных форм идентичности, разделяемых русскоязычными, и ниоткуда не следует, что первая из них является главенствующей, хотя этот вариант развития событий не исключен.

Завершая главу, автор добавляет неопределенности, повторяя еще раз, что «будущее русской диаспоры будет в большой степени зависеть от этнической самоидентификации, другими словами, от того, насколько русские будут отождествлять себя с советским прошлым, страной проживания или Россией», а также, совершенно правильное добавление, «от отношения к русским местного населения» и властей

новых независимых государств¹³. Далее вводится новый, третий игрок — сама Россия с ее отношением к «соотечественникам». Получается, что по одной, «механической» логике, говорится о диаспоре, а по другой, причем более заслуживающей доверия и более разумной, поскольку она опирается на реальное биение жизни на макро- и микроуровне — ее еще нет и неизвестно, будет ли.

Истоки политического подхода к «русским диаспорам»

Обратимся теперь к вышедшей в 1995 г. монографии Пола Колсто, на которую я ссылаюсь в предыдущих частях книги¹⁴. Слово «диаспора» в ее названии нет, но оно есть в названии почти всех ее разделов. Уже в вводной главе термин заявлен как несущий важную содержательную нагрузку (подглавки: «Концепция русской диаспоры» и «Главенствующая роль проблемы русской диаспоры в постсоветской политике»).

Начав с констатации, что распад СССР породил серьезные «проблемы меньшинств», автор затем вводит понятие «исторически сложившейся основной территории» для каждой из населяющей СССР этнических групп (*ethnic core area*). В результате добровольного и насильственного передвижения народов к концу советского периода около 43 млн. человек, представляющих титульные группы союзных республик, оказались за пределами «своих» территорий и затем, после распада СССР, «трансформировались в “новые диаспоры” постсоветского мира»¹⁵. Самая крупная из них — «новая русская диаспора», воплощает собой наиболее острую из возникших на обломках СССР «проблем меньшинств».

В основе определения, как мы видим, лежит опять механический принцип — сначала нахождение русских за пределами размытых границ этнической территории (это тоже «диаспора», правда, П. Колсто не называет ее «старой», в силу «прилепленности» данного клише к русскому послереволюционному зарубежью), а затем — за пределами новых, уже государственных границ. Авторская позиция в данном случае вполне последовательна; особо оговаривается, что вопрос о типах коллективной идентичности, которые сформируются у русских в новых политических условиях, в работе специально рассматриваться не будет, поскольку это требует проведения целенаправленных социологических исследований¹⁶ (и тут выражается желание обратиться к изучению идентичности в будущем). Низовые восприятия, таким образом, тут выводятся за рамки анализа.

Первый вариант «нахождения за пределами» видится П. Колсто несколько искусственным; как он пишет, при Союзе русские были

диаспорой лишь в переносном смысле¹⁷, но когда страна распалась, «их диаспоральный статус приобрел и политическое значение»¹⁸. Значимость политических изменений при выработке «концепции диаспоры» автор иллюстрирует следующим примером. В первом издании вышеупомянутого сборника «Национальный вопрос в постсоветских государствах» (он вышел в 1990 г. и назывался, по понятным причинам, «Национальный вопрос в Советском Союзе») в раздел «Диаспорные группы» были включены только очерки о евреях и крымских татарах, а во второе издание туда сочли необходимым добавить статью А. Аасланда о «новой русской диаспоре».

Акцент на **политику**, причем **международную**, здесь очень важен. Именно политические последствия образования различных «диаспор», прежде всего русской, предопределили тот угол зрения, под которым последняя изучалась на Западе в 1990-е гг., особенно в первой их половине. В мире существовали серьезные опасения, что Россия, не потерявшая еще своей военной мощи, бросится, аки львица, на защиту отторгнутых от нее «детей», сея смерть и разрушения. Элен Каррер д'Анкос (*Hélène Carrère d'Encausse*), одна из наиболее авторитетных знатоков Российской и советской империй, писала еще в 1991 г., что если русским диаспорам не позволят интегрироваться в общества стран проживания, ситуация «может стать дестабилизирующей и даже взрывоопасной» (ее высказывание приводит П. Колсто для обоснования тезиса о том, что проблема «русской диаспоры» стала центральной в политике постсоветского периода)¹⁹.

Об опасности ревизионистских шагов со стороны новых независимых государств и, в первую очередь, России предупреждал в статьях начала 1990-х гг. известный американский историк и политолог Роджерс Брубейкер. Так, по его словам, «присутствие почти 25 млн. русских в нерусских странах, огромная военная мощь России и небывалое по своей радикальности падение статуса, которое пережили и новые русские меньшинства, и представители ключевых фракций российских элит, могут превратить Россию, стремящуюся к пересмотру существующего порядка (*revisionist Russia*), в потенциально бóльшую [чем другие новые государства с диаспорами. — Н. К.] угрозой другим бывшим республикам, региональной и даже глобальной безопасности»²⁰.

Провокационные заявления российских националистов и поборников восстановления СССР в прежних границах (в частности, Владимира Жириновского), а также их победное пришествие в Думу в 1993 и 1995 гг., еще больше обеспокоили западную общественность. Нельзя забывать, что официальная Россия тоже не молчала. Постоянное противоборство между президентом и оппозицией в первой половине 1990-х гг. привело, среди прочего, и к тому, что власти действительно

начали активно, правда, на декларативном уровне, репрезентировать Россию как «родину» и заступницу проживающих в ближнем зарубежье «соотечественников»²¹. Именно так **начался процесс**, впоследствии названный западными учеными «**конструированием диаспоры**».

И свежие, и более давние исторические аналогии также способствовали переходу проблемы «диаспоры» из чисто научной в политическую, причем международного уровня. В мире опасались повторения «югославского сценария», а также вспоминали о захвате Гитлером Чехословакии под предлогом защиты судетских немцев. Правда, с течением времени становилось все очевиднее, что Россия неспособна реально воздействовать на положение русскоязычных в новых независимых государствах (анализ причин такого развития событий не входит в нашу задачу). Но страхи оказались весьма живучими.

Своего рода черту под первыми тревожными годами «диаспоральной жизни» после распада СССР (не только для России, но и для других бывших республик) подвел работающий на Западе российский исследователь Игорь Зевелев в своей часто цитируемой статье 1996 г. «Россия и русские диаспоры»²². Интересна она не трактовкой диаспоры (вполне традиционной, «механической» — «25 млн. русских вдруг обнаружили себя за пределами России, мгновенно образовав диаспору»²³) или терминологическими поисками (наряду с многократно используемым словом «диаспора», встречаем и «(этнические) меньшинства», а иногда — и «новые русские диаспоры»). Автор пытается ответить на занимавший многих вопрос: «Почему не произошло открытого столкновения между русскими и другими группами (если исключить Приднестровье, где фактор этничности был лишь одним из нескольких, спровоцировавших конфликт? Почему призрак бывшей Югославии не стал явью для бывшего СССР?»²⁴

По мнению И. Зевелева, важнейшей причиной является сдержанность России. Проанализировав некоторые из составляющих ее политики на диаспоральном фронте (проигрыш «битвы» за двойное гражданство; принятие в 1994 г. очень скромной по своим претензиям программы поддержки «соотечественников» и переход к многостороннему формату отношений с бывшими республиками), автор приходит к следующему выводу: «Вопреки мнению, что политика России... не может не быть империалистической и агрессивной (в том, что касается новых русских диаспор), мы обнаружили, что она была в одних аспектах разумно умеренной, а в других — потрясающе неэффективной. Именно такой оказалась позиция России в тех вопросах, которые могли дестабилизировать весь регион. В результате... мы наблюдаем большой разрыв между хвастливой и наступательной риторикой российских лидеров и реальной политикой по отношению к русским диаспорам»²⁵.

И все же прогноз автора оставлял место для любого развития событий: «В России действует немало факторов, способных подорвать текущий курс на сдержанность»²⁶. И пусть в реальности ничего не происходило; пусть все опасения выглядят несколько наивными, если смотреть на ситуацию из путинской России, с ее внутренней стабильностью и относительно внятной внешней политикой, а «судетский» вариант вообще кажется сейчас фантастическим, факт остается фактом — **напряженность вокруг «диаспор» существовала достаточно долго**. Как отметила Гейл Лапидус (*Geil W. Lapidus*) в своих комментариях к статье И. Зевелева, его мысль о том, что «вербальный империализм» может предотвратить «реальный империализм», осталась недоказанной²⁷.

Симптоматичен и следующий пример. Британский исследователь Робин Коэн (*Robin Cohen*), который посвятил «новым» русским меньшинствам лишь чуть более одной страницы в своей вышедшей в 1997 г. антологии мировых диаспор²⁸, не преминул завершить этот миниатюрный экскурс в постсоветскую историю призывом к бдительности, обращенным к странам Балтии и Закавказья. Он, кстати, выразил сомнение в том, что в рассматриваемом случае стоит вести речь о диаспоре, поскольку расселение русских во все уголки колониальной периферии происходило в основном добровольно и потому не является «рассеянием» в привычном смысле слова. Тут хорошо видно, как сильны «классические» реминисценции при изучении феномена диаспоры. Р. Коэн говорит о русских как о меньшинстве, которое не было достаточно крупным и влиятельным, чтобы «купировать» (*to mulch*) националистические настроения, царившие в СССР в 1989 г. «В итоге оно стало проигравшей имперской диаспорой, имперской диаспорой по намерениям, но не по результату. Но факт поражения не делает ее менее опасной»²⁹, и далее уже стандартные упоминания о В. Жириновском, Гитлере, Судетах и т. п.

Как должны были откликнуться на вызовы времени западные ученые, занимающиеся изучением этничности и национализма в постсоветском пространстве вообще и положением русскоязычных, в частности? Видимо, сосредоточиться на «**верхнем**», **политическом этаже жизни «диаспор»**, в первую очередь внимательно отслеживая «телодвижения» России, будь-то «вербальные» или «реальные»³⁰. Эти задачи решались и с помощью накопления и осмысления эмпирического материала³¹, и путем создания концептуальных схем.

«Треугольник» и «диаспоры катаклизма» Р. Брубейкера

Начиная с 1995 г. этот американский ученый последовательно развивал свою весьма изящную схему взаимоотношений меньшинств; стран, на территории которых они проживают, и культурно родствен-

ных им государств в специфических условиях, сложившихся после того, как полиэтничные империи распались на кусочки, мечтающие стать нациями-государствами³². Его схема, называемая в отечественной литературе «треугольником» (*triadic nexus*), претендует на то, чтобы выявить закономерности поведения трех означенных акторов не только в новой, т. е. постсоветской Европе, но и на более обширном историческом пространстве. По мнению ученого, каждому из трех элементов, находящихся в динамичном взаимодействии (по его терминологии, «национальным меньшинствам», «внешней национальной родине» и «национализирующемуся государству»), свойственны три особых типа национализма, отличающиеся от других известных его типов³³.

Эти аналитические разработки оказали заметное воздействие на западное профессиональное сообщество. По словам Лоуэлла Баррингтона, они «изменили восприятие многими людьми этнических отношений в посткоммунистических государствах... Сам Р. Брубейкер назвал свою концепцию “рамочной конструкцией”... однако идея о “треугольнике” так повлияла на тех, кто изучает национализм и этнические отношения в постсоветских странах, что не будет преувеличением считать ее парадигмой, которая показывает ученым, каких игроков на этой сцене надо наблюдать и как интерпретировать их действия»³⁴.

Весьма лестная характеристика труда ученого; правда, продолжение этой цитаты может стать сюрпризом для читателя, но об этом ниже.

Для нашего анализа интересно то, что сначала Р. Брубейкер не пользовался понятием «диаспора» для обозначения меньшинств, оказавшихся в результате распада империи за пределами родственного государства. А вот в статье, которая была передана им для публикации в российский журнал «Диаспоры» (версия доклада, представленного в 1999 г. на конференции в Беркли³⁵), этот термин уже появляется, причем даже вынесен в заголовок. Вводится метафора «диаспоры катаклизма» (*accidental diasporas*). Сравнивая их «с более знакомыми», как пишет автор, трудовыми диаспорами, он акцентирует внимание на двух моментах. Во-первых, они образовались не в результате перемещения людей через границы, а вследствие движения самих границ (эффектно звучащая по-английски, в отличие от русского варианта, формулировка Р. Брубейкера потом многократно цитировалась в англоязычной литературе (*movement of people across borders; movement of borders across people*). Во-вторых, «“диаспоры катаклизма” рождаются мгновенно, вследствие резкой “перетряски” политического устройства, нередко травматической для ее участников»³⁶.

На мой взгляд, отмеченные терминологические особенности отнюдь не случайны. Ученого во всех рассматриваемых работах интересует прежде всего «национализм родины», способной превратить отношения по линии описанного «треугольника» в «осязуемо кон-

фликтные и потенциально взрывоопасные»³⁷; а в последней статье в центре его внимания «важнейшее и, возможно, наиболее опасное взаимодействие национализмов сегодня — между национализирующимися постсоветскими государствами и Россией с ее национализмом родины»³⁸. В рамках этих приоритетов (да и на самом деле) сами меньшинства выглядят гораздо более пассивными участниками треугольной конструкции. Даже и назвав их диаспорами, основываясь главным образом на все том же «механическом» критерии, автор не проявляет большого желания доказывать их диаспоральную природу, видимо, потому что цели его работы совершенно иные. Однако некоторые содержащиеся в ней сущностные характеристики экспатриированных сообществ рисуют весьма противоречивую картину.

Так, многие крупные «национальные меньшинства» (*NB!* возврат к прежнему термину), проживающие на территории стран, возникших на руинах империй, «чувствовали свою пусть не гражданскую, но этнокультурную принадлежность “родине”, от которой они оказались отделенными»³⁹. Похоже на мироощущение, свойственное диаспоре. Но вот идет характеристика соответствующих чувств «родины», которая «считает своим правом и обязанностью следить за тем, как живут “соплеменники” в других странах, оказывать им разного рода помощь... В целом — защищать права и интересы “своих”». Затем — осторожное замечание автора: «Слово “своих” я ставлю в кавычки, дабы подчеркнуть проблематичность использования здесь этого на первый взгляд невинного притяжательного местоимения»⁴⁰.

Когда же речь заходит о национализме «диаспор», читаем: «Националистические убеждения меньшинств включают самосознание скорее “национальное”, чем “этническое”; требования к властям признать их как особую национальную общность и дать им коллективные, основанные на национальности права — культурные или политические». И далее: «Подобные самоощущения и соответствующие им политические убеждения, опять же, отличают “диаспоры катаклизма” от тех диаспорических образований, которые чаще всего попадают в поле зрения современной научной общественности»⁴¹. «Отличают» — очень мягко сказано; первая часть этой цитаты вполне может характеризовать ситуацию в Стране Басков или на Корсике, где проживающие испокон века меньшинства, ничего общего с диаспорами не имеющие, ведут борьбу с властями за территориальные права (культурные и/или политические).

Как примирить отмеченные противоречия в теории? Мне представляется, что в этом нет необходимости, поскольку они порождены самой жизнью. Сообщества, возникшие на руинах империй, **эволюционируют в нескольких направлениях** — либо превращаются в ориентированные на родину диаспоры, либо, считая себя живущими «дома», требуют от

своего государства признать в той или иной форме их коллективные права, «основанные на национальности», либо начинают ощущать себя частью формирующейся поликультурной гражданской нации.

**«Нации за пределами границ»:
концепция «диаспоральной политики»**

Специфика коллективной монографии с таким названием⁴² состоит в том, что она не замыкается лишь на русскоязычных сообществах в контексте политики России (этому посвящена одна глава), а охватывает и иные случаи диаспорального поведения родственных государств по отношению к членам «своих» групп, среди которых евреи, армяне, украинцы, казахи и поляки. В постановочной вводной главе ее автор Чарльз Кинг (*Charles King*) обходится без педалирования российской угрозы (в конце 1990-х гг. для прежнего алармизма уже не было весомых оснований)⁴³, а стремится поместить исследуемые проблемы в более широкий контекст: «С тех пор, как распалась советская федерация, предполагаемые родины обнаружили, что у них есть этнические диаспоры, а в некоторых случаях **сконструировали их** [выделено мной. — *Н. К.*] и начали использовать в качестве политического капитала. Многие из относительно слабых государств, возникших на развалинах советской системы, поняли ценность диаспор, превратив свое культурно-лингвистическое родство с соплеменниками за рубежом в инструмент решения внутри- и внешнеполитических задач. Хотя некоторые аспекты данного явления были изучены на примере самой крупной диаспоры региона, состоящей из этнических русских или русскоязычных, наша работа является сравнительным исследованием нескольких трансграничных этнических групп [термин, часто употребляемый в главе как синоним слова «диаспора». — *Н. К.*] и их влияния на международную политику Восточной Европы и Евразии»⁴⁴.

На фоне других проанализированных публикаций книга выделяется также и тем, что ее авторы осознают (сужу по постановочной главе, идеи которой они, видимо, разделяют), сколь ответственен термин «диаспора», вызывающий ассоциации с сообществом определенной природы, в том числе и с его архетипом. Отсюда необходимость каким-то образом соотнести классическое понимание с тем, которое принято в книге. С этой целью Ч. Кингом предпринят довольно основательный анализ «идеальных» диаспор, обладающих, по его словам, рядом «объективных», статических черт.

Автор приходит к вполне естественному выводу, что набор таких черт плохо «работает» при попытках приложить его к разнообразным трансграничным группам, «чьи политические лояльности, коллектив-

ные идентичности и, возможно, экономические интересы в каком-то смысле разделены между двумя или более государствами»⁴⁵. Дело в том, что такое «разделение» и, шире, любые подвижки в идентичности трансграничных сообществ происходят не только на низовом уровне, но и под влиянием «сверху», в частности, со стороны принимающей страны и предполагаемой родины. Следовательно, по мысли автора, «аналитическая применимость ярлыка “диаспора” должна определяться, в первую очередь, тем, в какой степени данные государства и этнические группы ведут себя диаспорально, а не тем, насколько этнокультурному сообществу присущи те или иные заранее предписанные и заставшие исторические или культурные черты»⁴⁶.

Таким образом, на первый план выходят потребности политологического анализа, изучения действий политических акторов и их последствий. Соответственным образом понимается и суть диаспоры — речь идет о **трансграничной группе, по отношению к которой некая страна начинает играть роль родины**: «Государства могут заняться конструированием родственных сообществ за рубежом как диаспорных — это процесс, который может стать заметным лишь при условии, если мы расширим наше представление о том, что можно считать диаспорой»⁴⁷. И именно этот процесс, являющийся главным объектом внимания авторского коллектива, и определяется Ч. Кингом как **диаспоральная политика** (*diaspora politics*).

Для нашего анализа особо важен следующий момент. Четко обозначив проблемное поле и цели исследования, Ч. Кинг декларирует отсутствие интереса не только к дальнейшим концептуальным поискам («...мы воздерживаемся от попыток дать единое определение “диаспоры” или выработать набор критериев, отделяющих “настоящие” диаспоры от других типов этнических сообществ»⁴⁸), но и к реальным чувствам членов предполагаемых «диаспор». Этот важнейший «низовой» аспект диаспоральной жизни, как и в ряде других рассмотренных выше работ, сознательно выводится за скобки.

Так, признавая, что предложенные им термины далеки от совершенства, автор пишет: «Архетипичные диаспоры могут быть озадачены тем, что словом “диаспора” именуется менее сплоченные сообщества, не отличающиеся переходящей от поколения к поколению миграционной памятью. Этнические меньшинства, возможно, будут против предположения о том, что они просто “гости” в государстве, которое без весомых оснований присвоило себе титул “хозяина” [имеется в виду то, что страна проживания диаспоры называется по-английски *host-state*]. — Н. К.]. Не исключено, что сообщества, ощущающие лишь слабую связь с предполагаемой этнической родиной, будут недовольны попытками связать их “родством” с другим государством. Этнические группы, разделенные внезапными изменениями в конфигурации

границ, могут возмутиться тем, что их называют диаспорами, как будто земля, на которой они проживают, не является зоной их традиционного (и вполне легитимного) расселения. Но несмотря на все это, — заключает Ч. Кинг, — предложенные термины могут быть полезными при анализе трансграничных этнических групп и направленной на них государственной политики»⁴⁹.

В книге, как уже указывалось, действуют разные государства, примеряющие на себя роль родины для различных «диаспор», каждая с особой историей и, возможно, реальным опытом жизни в рассеянии (например, евреи, армяне). Этим, на мой взгляд, обусловлен тот факт, что диаспоральная политика понимается как интерактивный процесс⁵⁰, в который в той или иной мере вовлечены обе стороны, т. е. предполагаются не только маневры родины, но и отклик на них со стороны «своей» трансграничной группы. Россия с ее подопечными — русскоязычными ближнего зарубежья, в данном контексте выглядит исключением. Не случайно в других упомянутых выше работах, в частности, П. Колсто, И. Зевелева, С. Симонсена и др., всё или значительная часть авторского внимания уделяется одному полюсу, а именно России. Дело в том, что усилия последней по конструированию диаспоры оказались декларативными и малоэффективными (факт хорошо известный и обстоятельно изученный), а она сама, соответственно — виртуальной, существующей лишь в воображении заинтересованных политиков. Те русскоязычные, которые ощущают себя частью России, делают это не благодаря, а независимо от действий Москвы (или даже вопреки им)⁵¹.

Высказанная мысль подтверждается раскрытием темы диаспоральной политики на примере России — в главе, написанной Нилом Мелвином (*Neil J. Melvin*)⁵². Вполне ожидаемо то, что много места отведено конкретным усилиям по конструированию «диаспоры» (выделены четыре фазы этого процесса, начиная с осени 1991 г. и до лета 1997 г.; рассмотрены позиции противоборствующих элит; поиски «правильного» названия для объекта опеки; созданная в 1990-е гг. институциональная база отношений с «диаспорой» и пр.)⁵³. Но все это внешняя сторона дела. С точки зрения нашей темы гораздо интереснее следующее: и здесь налицо отчетливое понимание того, что есть **диаспоры виртуальные и реальные** (вернее, при наличии первой второй может и не быть).

Н. Мелвин: объект гораздо сложнее, чем кажется

Слово «диаспора» употребляется в главе многократно, по несколько раз на странице — в уже знакомом нам контексте диаспоральной политики. Таким образом отдается дань общему замыслу книги. Однако

в обширном примечании (оно идет под номером два, т. е. предвосхищает последующий текст) читаем: «В данной главе термин “обрусевшие переселенческие сообщества” (*russified settler communities*) для нас более предпочтителен, чем “русскоязычные”, “русская диаспора” или просто “русские” — т. е. термины, которыми широко пользуются для кодификации таких групп в бывшем СССР»⁵⁴. В качестве одной из причин упоминается, в частности, то обстоятельство (на которое я также неоднократно обращала внимание), что они многонациональны по своему составу и не этничность является объединяющим их фактором и главным политическим ресурсом. Кроме того, автор объясняет, почему для него неприемлем и термин «диаспора» (в данном случае уже как сущностный, отражающий мироощущение людей): «Понятие “русская диаспора” часто используется тенденциозно; появление этой идеи служило и служит различным политическим интересам»⁵⁵.

Предвосхищая упреки в неадекватности предложенного термина реальному положению русскоязычных, Н. Мелвин поясняет: «Называя их “обрусевшими переселенцами”, я не имею в виду, что у этих сообществ меньше прав на проживание в данных государствах, чем у титульного населения. Мною не подвергается сомнению и тот факт, что некоторые “переселенческие” группы состоят из людей, имеющих глубокие исторические корни в том или ином регионе или даже могущих считаться коренными (*indigenous*) их жителями (например, в Белоруссии или на Украине)»⁵⁶.

Подобное обоснование терминологического выбора в начале главы не только говорит о понимании автором **сложной природы русскоязычных сообществ**, но и служит, на мой взгляд, одним из объяснений того, почему от них трудно ожидать — на низовом уровне — отклика в ответ на призывы исторической «родины» (тем более, что эти призывы не были подкреплены реальными действиями и реальной материальной помощью).

В самой главе мы находим и другие объяснения, имеющие под собой глубокие исторические основания. Так, автор убедительно показывает, что идентичность русских в досоветский период поддерживалась как идентичность мотора колонизации, а их русификаторские усилия, соответственно, имели своей целью не ассимиляцию в этническом смысле, а воспитание чувства общности с российским государством. После революции 1917 г. эти тенденции поддерживались определенной преемственностью в политике властей: русско-советская культура развивалась как идеологическая опора режима, а не вместилище собственно русского этнического сознания⁵⁷. В сочетании с тем обстоятельством, что «переселенческие сообщества» на периферии формировались как многонациональные и преимущественно индустриально-урбанистические — передовой отряд советской власти, их

идентичность «определялась в основном в социокультурных, нежели этнических категориях»⁵⁸.

В результате, когда в период перестройки имперская система в ее советском варианте ослабла, начала разрушаться и «историческая связь между “обрусевшими переселенцами” и политическим центром, находящимся в России»⁵⁹. Они хотя и пытались защитить свои пошатнувшиеся позиции в республиках, но не имели в своем распоряжении тех этнически «нагруженных» политических и культурных институтов и соответствующей им идеологии, которыми располагали титульные группы. Ситуация усугубилась антисоветским и антисоциалистическим реформаторством в самой России, т. е. в том центре, который «дети империи» всегда считали источником своей силы и гарантом статуса; откуда они черпали свою «советскую» идентичность. Недаром, как правильно отметил Н. Мелвин, наиболее активное противодействие титульным движениям суверенизации пытались оказывать так называемые Интерфронты, главной целью которых было сохранение советской системы, а не защита прав собственно русских жителей республик⁶⁰.

Все эти идеи, особенно касающиеся событий до 1991 г., не являются новыми. С разной степенью фундированности и привлечения конкретного исторического материала они развивались в работах Андреаса Каппелера, Бориса Миронова, Анатолия Вишневского и др. Но в анализируемом контексте они очень хорошо «работают» на идею о том, что с точки зрения своего менталитета русскоязычные сообщества оказались плохо подготовлены к реализации диаспорного проекта, тем более в его чисто этническом варианте. Для этого нужны были огромные целенаправленные усилия России, но результат нам известен...

Г. Смит: отражение новых веяний

Статья безвременно ушедшего из жизни британского исследователя Грэхема Смита (*Graham Smith*) «Транснациональная политика и политика русской диаспоры»⁶¹ занимает пограничное положение между двумя этапами изучения «русских диаспор» на Западе. На ее примере хорошо видны особенности того и другого периодов, а также трудности концептуализации, обусловленные многомерностью и динамичностью самого объекта.

Судя по названию и тем акторам, которые находятся в центре авторского внимания, читатель имеет дело с прежним политизированным подходом. Так, на рисунке, схематично изображающем «институциональное пространство диаспоральной политики», мы видим «национализирующийся режим» (в качестве примера взяты Эстония и Латвия); «внешнюю родину», которую Г. Смит здесь и в других своих

работах называл «этническим патроном»⁶²; «транснациональные политические институты» (имеется в виду ОБСЕ) и, в центре, как объект воздействия всех перечисленных сил — «диаспора») ⁶³. Однако данное впечатление несколько обманчиво.

Во-первых, прежняя *diaspora politics* понимается здесь более замысловато. Автор рассматривает не только видение проблемы русскоязычных внешними (транснациональными) игроками (Россией и ОБСЕ) и принимающими обществами. В специальной главке он анализирует также реакцию самих русскоязычных Эстонии и Латвии на ведущийся с трех сторон дискурс об их судьбе, на примере ряда используемых ими адаптивных стратегий. Более того, в отличие от большинства вышеупомянутых публикаций, не просто зафиксирован факт гетерогенности сообщества, но подробно выписана картина реагирования русскоязычных на вызовы суверенизации; показаны типы поведения, не все из которых свойственны диаспоре ⁶⁴.

Во-вторых, в самом начале статьи Г. Смит отмежевывается от заикленных на политике работ своих предшественников (перечисляются имена и названия, проанализированные в нашем обзоре), и делает следующее утверждение: «...пока почти не было попыток (*there has been little attempt*) поставить вопрос об адекватности их [русских в ближнем зарубежье. — Н. К.] характеристики (*labelling*) в качестве диаспоры или обратиться, с целью обоснования такой позиции, к более теоретически продвинутой и концептуально богатой литературе о диаспорных народах» ⁶⁵.

Действительно, таких попыток не было и, забегая вперед, отмечу, что и не появилось за годы, прошедшие после выхода статьи. Однако анализ, предпринятый самим Г. Смитом, мне представляется не очень убедительным, хотя «честь попытки» остается за ним. Он просто сопоставил, в табличной форме, некоторые специфические черты русскоязычных сообществ (в своей интерпретации, далеко не бесспорной и адекватной лишь для ограниченного числа постсоветских стран или лишь для некоторых районов внутри последних), с набором критериев диаспоры, предложенным Р. Коэном (тоже вызывающим, на мой взгляд, ряд возражений) ⁶⁶.

Вывод делается неоднозначный. С одной стороны, «русским, отличающимся от диаспоры геополитическими обстоятельствами, обусловившими смену их статуса, свойственны, вдобавок, слабое чувство коллективизма и желания предпринимать совместные действия на политической сцене» ⁶⁷. Значит, все-таки не вполне диаспора. Но, с другой стороны, по мнению Г. Смита, русские демонстрируют некоторые характерные для диаспоры черты, поэтому «кажется преждевременным снимать с них соответствующий «ярлычок» (*to exclude them from such diasporic labelling*)» ⁶⁸. Последующие рассуждения говорят о том,

что автор все же колеблется вместе с линией авторитетов в области исследований диаспор. Так, ссылаясь на ставшее уже классическим высказывание Джеймса Клиффорда (*James Clifford*) о «пульсации» и подвижности проявлений диаспоральности — в зависимости от меняющихся условий в принимающем обществе и за его пределами⁶⁹, он пишет: «В конце концов, должно пройти время, чтобы какое-либо сообщество мигрантов можно было с уверенностью назвать диаспорой»⁷⁰.

В итоге статья оставляет двойственное впечатление. Налицо стремление двигаться вперед, вернее, вниз, к «земле», к пониманию того, как думают и ведут себя обычные люди, а не политики или этнические активисты. Это безусловное достоинство работы. Правда, тут явственно ощущается нехватка эмпирики в распоряжении Г. Смита, в частности, материалов об идентичности русскоязычных⁷¹ (они не замедлят вскоре появиться, и статья как раз отражает **переломный момент** в западных исследованиях — от макро- к микроуровню).

В то же время меня поразила теоретическая/терминологическая неразбериха, крайне затрудняющая восприятие текста. Автор как бы забывает о своей предпринятой в первой части статьи попытке обратиться к «концептуально богатой литературе о диаспорных народах» и, как следствие, о том, что окончательного вывода о диаспоральной природе «русских» делать пока нельзя. Статья перегружена термином «диаспора» и его различными производными; они встречаются много раз почти на каждой странице. Кроме того, насколько я могла понять, мы имеем дело с попури из как минимум трех различных его интерпретаций. Это уже хорошо знакомое нам конструирование «диаспоры» «этническим патроном», т. е. Россией, а также понимание «диаспоры» как группы, оказавшейся «за пределами границ», в которую аналогичным автоматическим образом попадают все члены сообщества, без предварительной спецификации их взглядов и поведения (причем термин используется даже при описании событий, происходивших до распада СССР). Наконец, еще одна трактовка — опираясь на высказывания некоторых ученых, в частности, Автар Бра (*Avtar Brah*), Г. Смит пишет о своем понимании «диаспорного пространства» как сферы взаимодействия чужих (и ощущающих себя чужими) с «коренными», находящимися у себя дома⁷². Приходится констатировать, что это весьма суженное представление о диаспоре, к тому же автором статьи сделан акцент на характеристике, присущей и сообществам мигрантов, которые еще **не стали** диаспорами.

Видимо, мы имеем перед собой пример чрезмерного, в чем-то вызванного инерцией прежних подходов и не вполне мотивированного увлечения термином «диаспора», которое скорее мешает, чем помогает понять идеи автора, сами по себе, безусловно, заслуживающие внима-

ния. Это как бы последний подобный «всплеск» в западной литературе, после которого угол зрения существенно сместился, потянув за собой и сопутствующую терминологию.

Западный дискурс о «русских диаспорах»: некоторые итоги

Итак, появившиеся в 1990-е гг. западные работы, оперирующие термином «диаспора» в применении к русскоязычным ближнего зарубежья, исходили либо из «механического» понимания диаспоры как **группы «за пределами границ»**, либо, в рамках сформировавшегося во второй половине десятилетия концептуального подхода, рассматривали «диаспоры» как **результат политического конструирования родины**. Поведению России, выступлениям «по поводу русских» множества публичных фигур, не только первого, но и второго и третьего ряда; различным принятым по тому же поводу документам, практически ничего в жизни «русских» не меняющим, уделялось гораздо больше внимания, чем ощущениям самих членов «диаспор» и ежедневно контактирующих с ними представителей титульных групп.

Поскольку основа подобной политизации проблемы, в виде угрозы международной стабильности со стороны России, постепенно сошла на нет, в публикациях конца 1990-х гг. и начала нового века мы уже не встречаем термина «диаспора» как операционального⁷³, а сами они, на мой взгляд, стали принципиально иными. Имеются в виду, в частности, книга Дэвида Лейтина и коллективные монографии под редакцией П. Колсто, а также работы уже упоминавшегося Л. Баррингтона и голландских ученых Эдвина Поппе и Лука Хагендорна (*Edwin Poppe, Look Hagendoorn*)⁷⁴. Как видно из самих названий, фокус исследовательского интереса переместился на микро-уровень, т. е. к ощущениям рядовых людей, чья идентичность и особенности интеграции изучались на базе материалов масштабных полевых изысканий (в основном проводившихся количественными методами).

Термин «диаспора» в данных работах либо не используется вовсе, либо подчеркивается (хотя и бегло) его неприменимость для характеристики русскоязычных сообществ. Так, например, Э. Поппе и Л. Хагендорн, придя к уже известному нам выводу о множественности свойственных русскоязычным типам идентичности и, отсюда, неадекватности их характеристики в качестве единой, с точки зрения самоопределения, группы, продолжают: «Очевидно, что употребление какой-то одной категории для обозначения этих русских — будь-то русское меньшинство, русская диаспора или русские переселенцы, не соответствует реальности (*is not appropriate*)»⁷⁵.

Д. Лейтин более пространно объясняет, почему корректнее всего «анализировать идентичность русских без определения самого типа группы, к которой они стали принадлежать» (для экономии места отсылаю читателя к последней «диаспоральной» статье Валерия Тишкова, в которой и приводится эта довольно длинная цитата⁷⁶). После нее следует авторский комментарий: «Далее Д. Лейтин уже не употребляет слово “диаспора” применительно к русскоязычному населению, именно по причине слабости и перегруженности самого термина, в чем я с ним полностью согласен»⁷⁷.

Создается впечатление, что в западном профессиональном сообществе накопилась усталость от постоянной концентрации на концепте «диаспоры» в приложении к русскоязычным ближнего зарубежья. По крайней мере, именно об этом свидетельствует мое общение в 1999–2000 гг. с группой ученых из Кембриджа, работавших ранее в команде Г. Смита⁷⁸. Обсуждая план-проспект совместной новой книги, в которой меня пригласили участвовать (к сожалению, проект так и не реализовался по независящим от всех нас причинам), мои коллеги пришли к выводу, что необходимо отмежеваться от господствующей в литературе «диаспоромании», потому книгу решили назвать следующим образом: «За пределами диаспоры: типы русской идентичности и геополитика в постсоветском пространстве» («*Beyond Diaspora: Russian Identity Projects and Geopolitics in Post-Soviet Space*»).

А что же мы наблюдаем в отечественной литературе? Перейдем к этому сюжету, но сначала я хотела бы более четко очертить свои концептуальные позиции.

Российская разногласица: верящие и сомневающиеся

Кроме всех прочих, одной из целей подробного анализа западных подходов к «русским диаспорам» была необходимость провести следующую мысль. **Виртуальные** «диаспоры», являющиеся плодом политического конструирования, следует отличать от **реальных**, степень зрелости которых определяется, в первую очередь, **ощущениями самих людей и стилем их поведения; диаспору как политический проект от диаспоры как состояния души**. Действительно, рассматриваемый феномен — не созданные по указу сверху «общины», а сложный организм, который зарождается «снизу» и может развиваться лишь при определенных условиях. Еще в 1998 г., возражая против принятого в российском научном и публичном дискурсе отождествления с готовой «диаспорой» всех русскоязычных, проживающих в той или иной стране, я писала о рыхлости и флюидности границ формирующихся диаспор постсоветского образца и о важности «самоощущения»: «В “наших”

диаспорах или, скорее, протодиаспорах, развивающихся спонтанно, практически вне каких-либо институциональных рамок... и в достаточно широком пространстве выбора между “уехать” и “остаться”, люди ведут себя как в заштатном кинотеатре: то входят, то выходят, то вливаются в диаспоральное “ядро”, то выпадают из него, не всегда осознавая происходящие с ними метаморфозы»⁷⁹.

«Низовая» трактовка диаспоры в последние годы активно продвигается В. Тишковым. По его мнению, «главная слабость в интерпретации исторического феномена диаспоры в современной литературе заключается в эссенциалистской реификации диаспор как коллективных тел (“устойчивых совокупностей”!), причем не только как статистических множеств, но и как культурно гомогенных групп»⁸⁰. На мой взгляд, подобный вывод относится к отечественной литературе в гораздо большей степени, чем к западной.

В другом месте своей статьи В. Тишков уже прямо адресует к российским авторам, отмечая, что «именно... два аспекта исторической ситуативности и личностной идентификации не учитывает господствующий в отечественной науке традиционный (объективистский) подход к феномену диаспоры»⁸¹. Итак, квинтэссенция данной трактовки, которую я полностью разделяю, состоит в понимании диаспоры как ситуации и ощущения, личного выбора, индивидуального членства и стиля жизненного поведения⁸². И, в качестве вывода: «Именно социально конструируемые и реконструируемые содержательные образы диаспоры делают ее трудноопределимым в смысле границ и членства и в то же время очень динамичным явлением»⁸³. «Состояние души» — метафора, обнимающая почти все грани предложенного подхода.

На мой взгляд, именно встречающаяся в России сплошь и рядом классификация различных сообществ в качестве «диаспор», без предварительного их анализа, и побудила В. Тишкова к выдвиганию, казалось бы, элементарного научного требования: сначала «лучше замерить», и «только после этого можно осуществлять категоризацию той или иной культурно-отличительной группы... как диаспоры»⁸⁴, или, в изучаемом нами случае, как не-диаспоры, «возможно-диаспоры», «потом-диаспоры», протодиаспоры и т. п.

Далее, говоря уже о русскоязычных ближнего зарубежья, В. Тишков повторяет свою мысль, подчеркивая особую атмосферу, сложившуюся в России вокруг нашей темы: «В ситуации неустоявшихся трансформаций и жесткой политизированности предпочтительнее начинать с анализа, а не с категории»⁸⁵. И тут я вынуждена констатировать: ни в российской, ни в западной литературе, посвященной русскоязычным сообществам постсоветских стран, пока не предпринималось попыток доказать (имеется в виду фундированное «тестирование на диаспору», с достаточно большим объемом надежного эмпиричес-

кого материала в руках), что диаспора как «состояние души» уже сформировалась.

Правда, с научной точки зрения позиция западных ученых выглядит, по моему мнению, предпочтительнее. Как я старалась показать, большинство из них отдавали себе отчет в том, что имеют дело с подвижными и неоднородными сообществами (с точки зрения идентичности, восприятия родины и пр.), но сознательно устранились от изучения **реальных чувств** членов предполагаемых «диаспор», сосредоточившись на «телодвижениях» России (*diaspora politics*). Да, можно говорить о политизации подхода, обусловленной в значительной степени объективными моментами — активностью России на поле конструирования «своей» диаспоры и, в меньшей мере — идеологией (доставшееся от времен холодной войны восприятие СССР/России как серьезной угрозы). Однако, когда стало очевидным ее затухание (по крайней мере, в контексте проблем «соотечественников») и завершились накопление материала и теоретическое осмысление сюжетов, связанных с «диаспоральной политикой», западные ученые перешли к микро-уровневым исследованиям. При этом, хотя почти все они перестали использовать термин «диаспора», работы, написанные на основе серьезных полевых изысканий, как раз и могут считаться «замерами», дающими полезный материал для «категоризации» и, кроме того, предлагающими интересные концептуальные схемы, хотя и не всегда беспорные.

Российская ситуация во многом иная. Широко распространенное в нашем академическом и публичном дискурсе представление о русскоязычных сообществах как о «русских диаспорах» базируется главным образом на вере и/или стремлении выдать желаемое за действительное, а не на знаниях⁸⁶. Правда, надо признать, что частое использование термина «диаспора» по «принципиальным» соображениям привело к тому, что многие стали делать это просто по инерции.

Степень политизации тематики, касающейся «соотечественников», была и остается весьма высокой. Для того, конечно, имелись объективные основания в виде напряженной ситуации вокруг «русских» в первые постсоветские годы и их обвальных миграций в Россию, вызванных «демонстрацией мускулов» со стороны национализирующихся режимов. Но идеологический компонент также выражен очень ярко — из-за участия в дискуссии представителей (или даже лидеров) партий и движений патриотического и националистического толка, нередко сочетающих общественную деятельность с научной. Нельзя сбрасывать со счетов и примордиализм как господствующую парадигму в отечественной этнологической науке, что тоже своего рода идеология.

В итоге, хотя к середине и особенно к концу 1990-х гг. стали очевидными резкое падение миграций русскоязычных в Россию и

(оборотная сторона медали) переход русскоязычных к интеграционным стратегиям, смены угла зрения и подходов в российской науке не произошло; просто интересующая нас тематика постепенно ушла в тень. Книжки, сборники и статьи о миграциях — миграционном потенциале, миграционных настроениях и пр., практически перестали появляться, но их не сменили, к сожалению, серьезные концептуальные работы микро-уровня, изучающие мнения и поведение так называемых стабильных «русских» и основанные на полевых исследованиях авторов, а также аккумулирующие подобный опыт западных коллег. Иными словами, поворота, аналогичного произошедшему в западной науке, пока не наблюдается. С некоторой натяжкой рядом с англоязычными работами, о которых говорилось выше, можно поставить лишь книгу Сергея Савоскула⁸⁷. Как уже отмечалось, она написана на богатом (количественном) материале, широка по тематике, содержит много интересных сведений и в целом отражает весьма реалистичное видение автором нынешнего положения русскоязычных и их будущего в бывших республиках. И все же «всеохватность», видимо, помешала движению вглубь, поэтому с концептуальной точки зрения книга выглядит гораздо бледнее, чем лучшие из западных работ.

Думаю, читателя не удивит после только что представленной характеристики российской литературы о русскоязычных, что вопрос: «Диаспора ли они?» задавался в ней не очень часто. Я сумела насчитать всего четыре таких попытки, причем это работы очень разного «калибра» — одна газетная статья (попавшая в список потому, что ее автор — научный работник); одна журнальная и две монографии. Позиция трех авторов — формально не в пользу версии диаспоры.

Виктор Кудрявцев выразил ее весьма категорично: «Когда рассчитывают на то, что в странах СНГ сложится русская диаспора, способная играть важную роль в политике этих государств и быть проводником влияния России, то глубоко заблуждаются. Русской диаспоры нет и быть не может. Точнее, не может быть такой диаспоры, какой ее хотят видеть. Среди многих уже известных причин... назову одну главную: среди русских никогда не было этнической солидарности. То есть они не ощущали себя народом, кровно заинтересованным в солидарной поддержке в противостоянии враждебно настроенной среде»⁸⁸. Что ж, высказана мысль хорошо известная и учеными достаточно обоснованная, а именно, **прошлыми** социально-политическими обстоятельствами становления сообществ «детей империи» на ее периферии. А искать здесь ответ на вопрос о возможностях и условиях роста этнической солидарности русских **в будущем** — наверное, это требовать слишком многого от газетной статьи.

С. Савоскул в только что упомянутой книге осторожнее в оценках и прогнозах. Рассматривая во введении возможные обозначения

изучаемого им объекта, он касается и термина «диаспора», который «...уже довольно широко вошел в круг научной и отчасти политической терминологии». И далее: «Автор же сознательно отдает предпочтение более точному, с его точки зрения, определению — “русское население нового российского зарубежья”. Более того, на наш взгляд, зачисление этой части русского народа в категорию “диаспора” очень спорно. За время, прошедшее после распада СССР, у русских вне России еще не успели по-настоящему сложиться черты сознания и поведения, свойственные представителям диаспоры, ее полноценные социальные институты»⁸⁹. Подмечена необходимость «созревания» диаспоры; кроме того, судя по ссылкам к последней фразе (на теоретические статьи Виктора Дятлова и Александра Милитарева в первом номере журнала «Диаспоры», 1999 г.), автор мысленно «примеряет» ситуацию к каким-то устоявшимся ее критериям. И все же он оставляет дверь приоткрытой: с течением времени «у русского населения, твердо намеренного остаться в странах своего проживания, стали выработываться навыки “диаспорального” поведения и сознания»⁹⁰, но как этот едва начавшийся процесс будет развиваться, по мнению С. Савоскула, можно только гадать.

Ученый явно стремится дистанцироваться от «зачарованных» диаспорой, видимо, отдавая себе отчет в том, что для корректного использования термина нужны серьезные научные основания. Но в контексте нашего анализа книга интересна как пример во многом диаспорального мышления при формальном отказе от термина. Так, автор принципиально исследует исключительно русских, считая «русскоязычных» лишь лингвистической группой⁹¹; ключевой при анализе идентичности русских является идея об интенсивном росте их этнического самосознания; их этнические чувства традиционно понимаются как ориентация лишь на материнский этнос (критический анализ этих положений представлен в главе об идентичности разд. III). Подобный «рост», по мысли ученого, проявляется, в частности, «в растущей гражданской идентификации русских стран нового зарубежья с Россией, в которой они, подталкиваемые этнополитическими обстоятельствами, все чаще видят Русское государство [?! — Н. К.], обязанное их защищать»⁹².

Чем же русские не диаспора в свете подобных рассуждений? Между тем ни этническая «перегруженность» предлагаемых трактовок, ни динамика измеряемых показателей, о которых пишет С. Савоскул, не отражают адекватно положения дел (что я и пытаюсь продемонстрировать на протяжении всей книги). Аналогично, Галина Витковская не использует термина «диаспора», но свято верит, что родиной для русских может быть только Россия (в отсутствие СССР). Такие примеры можно продолжить. Отсюда следует, что дело не в термине — его

можно и игнорировать, это вопрос технический, а в мировоззрении и идеологии.

Обращается к возможно-диаспоральной природе русскоязычных сообществ и В. Тишков. Автор берет за основу широко известное определение Уильяма Сафрана и критически переосмысливает каждый из его пунктов, во-первых, в постсоветском и российском культурно-историческом контексте; во-вторых, с позиций продвигаемого им конструктивистского подхода к этничности (и к диаспоре, в частности) — как к подвижной категории, ситуации и ощущению. Логические рассуждения, сопровождаемые примерами «из жизни», в том числе и из личного опыта самого автора, приводят последнего к умозаключению о том, например, что немцы и греки в России, как и русские на Украине и в Казахстане, не являются диаспорой⁹³; что «“новые диаспоры” — это малоприемлемая категория»⁹⁴ и, наконец, вывод: «Станут ли русские диаспорой в смысле своей групповой отличительности и демонстрируемой связи с родиной — Россией? Это вопрос огромной значимости»⁹⁵.

Для меня, как человека, стоящего на сходных с В. Тишковым концептуальных позициях, его антидиаспорные рассуждения вполне убедительны, но недостаточны: боюсь, что восприятие коллег из противоположного лагеря может быть иным, тем более, что эмпирического материала в статье практически не приводится. Это позволяет надеяться, что мои усилия, предпринимаемые в данной монографии, окажутся полезными.

Наконец, под четвертым номером в нашем списке стоит книга Надежды Лебедевой «Новая русская диаспора». Для середины 1990-х гг. ее подход явно выделялся на фоне литературы миграционистской направленности вниманием к особенностям самосознания не только настроенных на отъезд, но и остающихся, нацеленных на аккультурацию. Это единственная в нашей литературе монография, автор которой специально касается вопроса о становлении «новой русской диаспоры», причем она понимает ее не просто «как часть этноса “в рассеянии”», т. е. вне своего государственно-территориального образования⁹⁶», а как общность с определенными качественными параметрами. Соответственно, диаспорой могут стать (но еще не стали) не все русские, а определенная их часть. Это, безусловно, позитивный момент.

Впрочем, большого внимания проработке содержания термина Н. Лебедева не уделяет, отметив лишь, что вдобавок к указанной черте, он «несет как минимум еще две коннотации. Первая — вполне определенная отнесенность к этническим меньшинствам, вторая — намек на некую оформленность, некое единство по национальному признаку»⁹⁷. Видимо, терминологические поиски не являются целью автора (отмеченные черты, кстати, мало что говорят о диаспоре и

вполне могут быть отнесены к культурно-отличительным группам, живущим в «своих» государствах). Цель (в том, что касается нашей темы) иная — указать русским верный путь к решению их проблем в бывших республиках. Путь этот (формулировки разнятся) — «объединение в Новую Русскую Диаспору [sic! Все слова с заглавной буквы. — Н. К.] с ее социальными институтами», «в единую и целостную русскую общину»; «активная работа по формированию русской диаспоры», «институтов русских общин»⁹⁸ и т. п. Таким образом, из всего комплекса проявлений диаспоральной жизни выбран институциональный аспект. Это, безусловно, право автора. Однако, на мой взгляд, предпринятая в книге попытка «диаспоризировать» русских в рамках жесткой этноизбирательной схемы и путем их тесной привязки к «русским общинам» несостоятельна — ни методологически, ни социологически (т. е. с точки зрения адекватности «реалиям дворцов и улиц»). Критический анализ романтизированной версии становления «русских диаспор» будет предпринят в следующей главе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нижеследующий анализ западных публикаций преследует одну специфическую цель — посмотреть, в каких контекстах и значениях в них используется слово «диаспора» применительно к «русским» ближнего зарубежья, какие выводы из этого делаются авторами, а также выявить альтернативы данному термину. Содержание же этих работ во всей их полноте, со всеми достоинствами и, возможно, недостатками, остается за пределами нашего интереса.

² См.: The New Russian Diaspora. Russian Minorities in the Former Soviet Republics. Ed. by V. Shlapentokh, M. Sendich & E. Payin. Armonk, N. Y., M. E. Sharpe, 1994.

³ *Nikolaev S.* Russians in Uzbekistan // The New Russian Diaspora... P. 120.

⁴ The New Russian Diaspora... P. V–VI.

⁵ *Payin E.* The Future of Russians in the New States of the Former Soviet Union // The New Russian Diaspora... P. 212.

⁶ *Ibid.* P. 213.

⁷ *Marchenko T.* The New Social and Cultural Situation and the Ouster of the Russian-Speaking Population from the Former Union Republics // The New Russian Diaspora... P. 149.

⁸ *Payin E.* The Disintegration of the Empire and the Fate of the «Imperial Minority» // The New Russian Diaspora... P. 26.

⁹ *Aasland A.* Russians Outside Russia: the New Russian Diaspora // The Nationalities Question in the Post-Soviet States. Ed. by G. Smith. L. & N. Y., Longman, 1996. P. 477–497.

¹⁰ *Ibid.* P. 477.

¹¹ *Ibid.* P. 488.

¹² Ср. с проанализированной в главе 1 разд. III структурой идентичности русскоязычных. А. Аасланд не упомянул тут важнейший ее компонент, «работающий» против диаспорального варианта эволюции данных сообществ, а именно — локальную этнокультурную идентичность (в нашем случае — «русские Киргизии»), основанную на привязанности к стране как к «родному дому», родине и т. п., а также на вполне осознанном ощущении «инакости» по сравнению с русскими в России. Правда, в другом месте своей статьи, тремя страницами ранее, А. Аасланд упоминает о давно и исподволь идущем процессе формирования такой идентичности («Собрано уже много анекдотичных свидетельств о русских из республик, посещающих Российскую Федерацию

- и чувствующих себя там настоящими чужаками»), ссылаясь при этом на часто цитируемые слова Мэтьюса Павловича, который, судя по всему, первым высказал подобную идею еще в 1978 г.
- ¹³ Aasland A. Russians Outside Russia... P. 493.
- ¹⁴ См.: Kolstoe P. Russians in the Former Soviet Republics, with a contribution by A. Edemsky. L., Hurst & Company, 1995.
- ¹⁵ Ibid. P. 3.
- ¹⁶ Ibid. P. 6.
- ¹⁷ Ibid. P. 4. Правда, это не мешает автору активно оперировать изучаемым термином в первом разделе «Рост русской диаспоры, 1500—1917», посвященном особенностям освоения русскими различных территорий, расположенных по всем сторонам света от исходного этнического ареала между Окой и Волгой. Весьма сомнительное использование слова «диаспора», тем более, что, на наш взгляд, ничего нового в анализ с его помощью привнесено не было.
- ¹⁸ Kolstoe P. Russians in the Former Soviet Republics... P. 4.
- ¹⁹ Цит. по.: *ibid.*, p. 7.
- ²⁰ Цит. по.: *ibid.*, p. 6—7.
- ²¹ Конкретные зигзаги этого противоборства в первой половине 1990-х гг., когда решался вопрос о выводе бывших советских войск из стран Балтии, отслеживает в своей статье норвежский исследователь Свен Симонсен (см.: *Simonsen S. G. Compatriot Games: Explaining the «Diaspora Linkage» in Russia's Military Withdrawal From the Baltic States // Europe-Asia Studies. Glasgow, 2001. Vol. 53. № 5*). Автор убедительно показывает, что интерес властей к проблеме «диаспоры» определялся не потребностями последней и/или развитием ситуации в новых независимых государствах, а в первую очередь необходимость решения острых внутривнутриполитических задач, в частности, путем реверансов общественному мнению и перехватывания инициативы у оппозиции в критические для Кремля периоды (перед выборами, во время противоборства с парламентом осенью 1993 г. и т. п.).
- ²² См.: Zevelev I. Russia and the Russian Diasporas // *Post-Soviet Affairs. Palm Beach, 1996. Vol. 12. № 3*. Несмотря на возможность перевода слова «*Russian*» на русский язык двояким образом — как «русский» и «российский», я пользуюсь во всех уже упомянутых случаях первым вариантом, основываясь на содержании анализируемой работы и контекстах употребления слова «*Russian*», «*Russians*» и пр.
- ²³ Ibid. P. 265.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Ibid. P. 265—266.
- ²⁶ Ibid. P. 281.
- ²⁷ Lapidus G. W. A Comment on «Russia and the Russian Diasporas» // *Post-Soviet Affairs. 1996. Vol. 12. № 3. P. 287*.
- ²⁸ Cohen R. *Global Diasporas. An Introduction*. L., UCL Press, 1997. P. 191.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Мы продолжим анализ лишь тех работ, авторы которых обращаются к понятию «диаспора», хотя, естественно, политика России по отношению к «соотечественникам» анализировалась и в других западных публикациях (см., напр.: *Melvin N. Forging the New Russian Nation: Russian Foreign Policy and the Russian-Speaking Communities in the Former USSR. Russian and CIS Programme Discussion Paper 50*. L., Royal Institute of International Affairs, 1994; *Chinn J., Kaiser R. Russians as the New Minority: Ethnicity and Nationalism in the Soviet Successor States*. Boulder, CO, Westview Press, 1996; *Pilkington H. Migration, Displacement and Identity in Post-Soviet Russia*. L. & N. Y., Routledge, 1998, и др.).
- ³¹ Так, в вышеупомянутой книге П. Колсто данным сюжетам посвящен обширный заключительный раздел («Политика России по отношению к диаспоре»), в котором подробно рассматриваются все перипетии внутривнутриполитической борьбы вокруг проблемы русскоязычных, поиски адекватных терминов для их названия, позиция различных ведомств и ветвей власти.

- ³² См.: *Brubaker R. National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe // Daedalus. Cambridge, MA, 1995. Vol. 124, № 2; он же. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, Cambridge University Press, 1996.*
- ³³ На русском языке с концепцией Р. Брубейкера можно ознакомиться по книге Виктории Коротеевой «Теории национализма в зарубежных социальных науках» (М., 1999). Кроме того, на русский язык переведена одна из поздних его статей, в которой взаимоотношения внутри «треугольника» рассматриваются сквозь призму национализма родины, в том числе и России (см.: *Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Диаспоры. М., 2000. № 3.*
- ³⁴ *Barrington L. Rethinking the Triadic Nexus: External National Homelands, International Organizations and Ethnic Relations in the Former Soviet Union. A paper prepared for the 1999 annual convention of the Association for the Study of Nationalities. New York, April 15–17, 1999. P. 1.*
- ³⁵ См.: *Brubaker R. Accidental Diasporas and External «Homelands» in Central and Eastern Europe: Past and Present (доклад, представленный на международной конференции «Диаспоры — транснациональное самосознание и политика в странах исхода», Калифорнийский университет в Беркли, 12–13 ноября 1999 г.).*
- ³⁶ *Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе... С. 7.*
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 14. Хотя анализируемая статья вполне вписывается в рамки «политического направления» в изучении «русских диаспор», которое было порождено страхом перед российским «империализмом», все же алармизм приведенного высказывания представляется чрезмерным для конца 1990-х гг. Видимо, данный текст (или его часть) были написаны несколькими годами ранее, о чем говорят и приводимые Р. Брубейкером подтверждения «агрессивности» России (конфликт в Приднестровье, обострение ситуации в Крыму в 1994 г. и др.), не имевшие никакого продолжения и уже ставшие историей.
- ³⁹ Там же. С. 9.
- ⁴⁰ Там же. С. 10.
- ⁴¹ Там же. С. 11.
- ⁴² Ее полное название таково: «Нации за пределами границ. Диаспоральная политика и международные отношения в бывшем Советском Союзе» (см.: *Nations Abroad. Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union. Ed. by Ch. King and N. J. Melvin. Boulder, CO, Westview Press, 1998.*
- ⁴³ А в главе, посвященной русскоязычным «диаспорам», о напряженности вокруг них и исходящих от России угрозах пишется в прошедшем времени (см.: *Melvin N. J. Russians: Diaspora and the End of Empire // Nations Abroad. Diaspora Politics and International Relations... P. 27.*
- ⁴⁴ *King Ch. Introduction: Nationalism, Transnationalism, and Postcommunism // Nations Abroad. Diaspora Politics and International Relations... P. 2–3.*
- ⁴⁵ *Ibid. P. 8.*
- ⁴⁶ *Ibid. P. 9.*
- ⁴⁷ *Ibid.*
- ⁴⁸ *Ibid. P. 11–12.*
- ⁴⁹ *Ibid. P. 12.* В том же духе Ч. Кинг комментирует введение им термина «диаспоризация», по его признанию, не очень элегантно и ранее предложенного Р. Коэном для обозначения принципиально иного процесса — количественный рост меняющих зону обитания этнических сообществ посредством миграции. Так, он пишет: «Мы используем термин для описания процессов, с помощью которых государства пытаются представить этнические группы в диаспорные, независимо от того, действительно ли они являются диаспорами в классическом смысле слова» (*ibid, p. 24.*)
- ⁵⁰ См.: *King Ch. Introduction: Nationalism, Transnationalism, and Postcommunism... P. 12.*

- ⁵¹ Естественно, эта внешняя причина — не единственная, снижающая потенциал диаспоризации. Важнейшие внутренние факторы, связанные с обстоятельствами жизни «русских» в республиках в прошлом и настоящем, с особенностями их идентичности, подробно рассматриваются в различных разделах книги.
- ⁵² См.: *Melvin N. J. Russians: Diaspora and the End of Empire...*
- ⁵³ См.: *ibid.*, p. 36–42.
- ⁵⁴ *Ibid.* P. 50.
- ⁵⁵ *Ibid.* P. 50, 51.
- ⁵⁶ *Ibid.* P. 51.
- ⁵⁷ Подр. см.: *ibid.*, p. 27–34.
- ⁵⁸ *Ibid.* P. 33.
- ⁵⁹ *Ibid.* P. 34.
- ⁶⁰ *Ibid.*
- ⁶¹ См.: *Smith G. Transnational Politics and the Politics of the Russian Diaspora // Ethnic and Racial Studies. L., 1999. Vol. 22. № 3.*
- ⁶² Редкий для западного дискурса пример этнизации российской политики по отношению к «диаспоре», причем этнизации, не соответствующей реальности (если иметь в виду официальную позицию России).
- ⁶³ *Smith G. Transnational Politics and the Politics of the Russian Diaspora... P. 507.*
- ⁶⁴ Подр. см.: *ibid.*, p. 518–522.
- ⁶⁵ *Ibid.* P. 502.
- ⁶⁶ *Ibid.* P. 504.
- ⁶⁷ *Ibid.* P. 503.
- ⁶⁸ *Ibid.*
- ⁶⁹ См.: *Clifford J. Diasporas // Cultural Anthropology. Wash., 1994. Vol. 9. № 3. P. 306.*
- ⁷⁰ *Smith G. Transnational Politics and the Politics of the Russian Diaspora... P. 503.*
- ⁷¹ Так, «примерив» к русским один из критериев Р. Коэна — «коллективная память и миф о родине; идеализация предполагаемой земли предков», Г. Смит утверждает, что это чувство у них «сильно развито» (с. 504). Этот не менее «идеализированный» тезис вызывает большие сомнения (ср., в частности, приведенные выше размышления об исторических особенностях формирования идентичности русских и других «детей империи» как надэтнической категории). Поскольку Г. Смит свойственна этнизация изучаемых процессов (недаром он говорит только о русских и видит Россию их «этническим патроном»), в доказательство он приводит «прочно укорененные в некоторых странах» мифы о «единой русской нации». В Белоруссии и на Украине одно из проявлений такого образа мыслей — идея об общности языка, культуры и религии всех восточных славян. Даже если это так, речь идет лишь о двух странах, вдобавок неясно, в какой мере подобное восприятие свойственно лишь русским их жителям и какую динамику оно претерпело в постсоветские годы. Далее автор ссылается на то обстоятельство, что «для многих русских чувство общеразделяемой идентичности... связано с чрезмерной идеализацией советского периода и образа советской родины» (там же). Да, но не только для русских и, кроме того, не учитывается — видимо, в силу нехватки эмпирического материала, угасание советских ориентаций и наличие, в уже достаточно явном виде, различных локальных типов солидарности, направленных на страну проживания.
- ⁷² *Smith G. Transnational Politics and the Politics of the Russian Diaspora... P. 505.*
- ⁷³ Обобщающая работа И. Зевелева «Россия и ее новые диаспоры» реализует распространенный в 1990-е гг. историко-политологический подход к предмету, концентрируясь на националстроительстве в самой России и ее политике по отношению к русским «диаспорам» в контексте евразийской безопасности. Поэтому книга, хотя и вышла в свет в 2001 г., по сути, остается в прежнем десятилетии по своей проблематике, подходу и рассматриваемым в ней событиям (см.: *Zevelev I. Russia and Its New Diasporas. Wash., United States Institute of Peace Press, 2001*).

Обобщающим стоят две принципиальные статьи П. Колсто (см.: *Kolsto P. The New Russian Diaspora — an Identity of Its Own? Possible Identity Trajectories for Russians in the*

- Former Soviet Republics // *Ethnic and Racial Studies*. 1996. Vol. 19. № 3; *он же*. *Territorialising Diasporas: the Case of Russians in the Former Soviet Republics* // *Millennium. Journal of International Studies*. L., 1999. Vol. 28. № 3). Термин «диаспора» служит здесь обоснованию определенных концептуальных положений автора. Некоторые из них я попыталась критически проанализировать и развить далее в данном разделе.
- ⁷⁴ См.: *Nation-Building and Ethnic Integration In Post-Soviet Society. An Investigation of Latvia and Kazakhstan*. Ed. by P. Kolstø. Boulder, Westview Press, 1999; *National Integration and Violent Conflict in Post-Soviet Societies. The Cases of Estonia and Moldova*. Ed. by P. Kolstø. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, 2002; *Laitin D. Identity in Formation. The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad*. Ithaca & L., Cornell University Press, 1998; *Barrington L. Rethinking the Triadic Nexus...; Poppe E., Hagendoorn L. Types of Identification Among Russians in the «Near Abroad» // Europe-Asia Studies*. 2001. Vol. 53. № 1.
- ⁷⁵ *Poppe E., Hagendoorn L. Types of Identification Among Russians... P. 68.*
- ⁷⁶ См.: *Тишков В. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры*. 2003. № 2. С. 175.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Этим научным коллективом в 1998 г. была выпущена одна из лучших книг по интересующей нас тематике: *Smith G., Law V., Wilson A., Bohr A. et. al. Nation-Building in the Post-Soviet Borderlands. The Politics of National Identity*. Cambridge, CUP, 1998.
- ⁷⁹ *Космарская Н. П. «Я никуда не хочу уезжать». Жизнь в постсоветской Киргизии глазами русских // Вестник Евразии*. М., 1998. № 1–2. С. 89. Должна отметить, что за время, прошедшее после написания этой статьи, я пересмотрела свои взгляды о степени завершенности процесса диаспоризации русскоязычных в сторону более осторожной оценки. Были собрано много новых полевых материалов, появились новые работы; кроме того, первоначальная идея протодиаспоры выдвигалась как противовес распространяемому в российской литературе начала и середины 1990-х гг. видению будущего русскоязычных в русле жесткой дихотомии: либо миграция, либо ассимиляция (см. указ. соч., С. 76–77).
- ⁸⁰ *Тишков В. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение*. М., 2000. № 2. С. 46.
- ⁸¹ Там же. С. 45.
- ⁸² Там же. С. 44, 50.
- ⁸³ Там же. С. 51.
- ⁸⁴ Там же. С. 45.
- ⁸⁵ Там же. С. 59.
- ⁸⁶ Причины и проявления политического мифотворчества в данной сфере подробно рассмотрены во введении, главе 1 разд. I и гл. 1 разд. III.
- ⁸⁷ *Савоскул С. Русские нового зарубежья. Выбор судьбы*. М., 2001.
- ⁸⁸ *Кудрявцев В. В. Ловушка интеграции. Объединение на советский манер противоречит интересам России и русского народа // Независимая газета*. М., 1996, 25 июня.
- ⁸⁹ *Савоскул С. Русские нового зарубежья... С. 19.*
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Там же. С. 17.
- ⁹² Там же. С. 94. Кстати, некоторые цифры, приводимые автором многими страницами далее, противоречат идее о росте числа людей, идентифицирующих себя с Россией в гражданском смысле (ср., напр., с. 94 и 363).
- ⁹³ *Тишков В. Исторический феномен диаспоры... С. 47.*
- ⁹⁴ Там же. С. 59.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ *Лебедева Н. М. Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ*. 2-е изд. М., 1997. С. 75.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Там же. С. 9, 44, 43, 46.

ТЕСТ НА «ДИАСПОРУ» — О РОДИНЕ И БОРЬБЕ

Переходя от историографии к собственно анализу, я отдаю себе отчет в том, что для «тестирования на диаспору» необходимо ориентироваться на какую-то приемлемую ее дефиницию. Несмотря на неутраченные в западной науке дискуссии о содержании понятия и пока не завершившиеся поиски идеального определения, для наших целей считаю подходящей диаспоральную модель Уильяма Сафрана¹ (с ней же, напомним, работал и Валерий Тишков, создав определение, хотя и содержащее важные уточнения, но, на мой взгляд, принципиально не отличающееся от исходного). Независимо от споров по поводу применимости модели У. Сафрана к тем или иным конкретным группам в рассеянии, в ней, на мой взгляд, зафиксировано главное, без чего нет диаспоры. Эту сущность можно уложить в три ключевых слова: **идентичность, институты, родина**. Причем данные элементы не равноправны — самоощущения членов сообщества и создаваемые ими сети взаимопомощи и другие институциональные формы, помогающие самосохранению культурно-отличительной группы и на ментальном уровне, и на физическом (выживание и адаптация к новой среде), ориентированы **на родину** — опять же, в виде определенного настроения и обязательств, а также институциональных контактов, осуществляемых и от диаспоры к родине, и обратно.

Посмотрим теперь, в какой степени «состояние души» русскоязычных и свойственные им особенности поведения в означенных сферах отвечают диаспоральным критериям. Но сначала — одно принципиальное замечание. Главным для меня является не термин как таковой. Ставить вопрос в плоскости «Диаспора русскоязычные или не диаспора?» я начала лишь под влиянием неумеренного увлечения этим словечком в России. Вот почему я ограничиваюсь краткой и пригодной для «операционализации» (в том числе и качественными методами) дефиницией, не внедряясь в огромный пласт накопленной в мире литературы о различных экспатриированных группах и о том, что их может объединить под шапкой одного термина, а также не предлагая здесь собственного определения диаспоры. В первую очередь, я ставлю перед собой цель проверить, **обладают ли** изучаемые мной этносоциальные группы (на уровне самоощущения и стиля поведения своих членов) **теми качествами, которые им приписывают**. А обычно это делается, как мы видели, с использованием ярлыка «диа-

спора», но и иногда и без оногo. Приписываемые же свойства вполне укладываются в только что предложенную трехчастную конструкцию, основанную на модели У. Сафрана. Именно этот сущностный набор признаков имеется в виду, когда я говорю в данном разделе о диаспоре и диаспоральности без кавычек (в том числе по отношению к русскоязычным).

Итак, важнейший компонент «состояния души» — **идентичность, ее структура, динамика, смысловая наполненность различных массовых вариантов самоопределения**. Анализ идентичности русскоязычных различных стран ближнего зарубежья, предпринятый в предыдущих разделах (на основе собственных полевых материалов по Киргизии и данных других авторов) со всей очевидностью свидетельствует об **открытости той эволюционной модели**, с которой мы имеем дело. Их самосознание — достаточно **сложная и динамично развивающаяся структура**, в которой различные привязанности переплетаются и конкурируют между собой, а пресловутая «русскость» — не единственная форма этнического (этнокультурного) самоопределения, в том числе и для «чисто» русских. Какие идентичности или их сочетания окажутся ведущими для тех или иных групп русскоязычных в различных частях постсоветского пространства — вопрос во многом открытый. Из этого следует, в частности, что формирование в перспективе сплоченной диаспоры не является единственным вариантом развития изучаемых сообществ по интеграционному пути.

Одна из сторон идентичности — **восприятие родины**. Эта тема тоже затрагивалась ранее, но здесь мы вернемся к ней **на более высоком уровне обобщения**. Я попробую провести инвентаризацию возможных граней восприятия родины, в том числе и тех, что свойственны именно диаспоре, а потом «примерить» их на Россию, т. е. посмотреть, в какой мере, в глазах русскоязычных, она соответствует тому или иному представлению, играет ту или иную положенную родине роль. Затем будут проанализированы особенности **«низовой» политической (гражданской) активности** русскоязычных и их отношение к уже созданным институтам «диаспоры».

Демифологизация России как родины

**«Идешь по улице — все внутри трепещет!»
Родина как переживание**

Эмоциональная, духовная составляющая — безусловно, важнейшая в понятии родины, ведущая в ряду ассоциаций, вызываемых данным словом. Этот ассоциативный ряд может быть продолжен словами

с однокоренным прилагательным «родной» — «дом», «очаг», «люди», «могилы», «природа», «места» и пр. В предыдущих частях книги² прозвучали голоса русскоязычных Киргизии, искренне и взволнованно рассказывающие о ней как о своей родине (были приведены отрывки из интервью и проанализированы ответы на открытые вопросы анкеты). Судя по этим материалам, а также по опросам в других бывших республиках, гораздо больше русскоязычных считает своей родиной именно страну проживания, а не Россию³.

Если отвлечься от специфики индивидуального опыта и перипетий личной судьбы конкретного человека, важным фактором остроты и устойчивости подобных ощущений является чувство «укорененности», а оно зависит от того, привезли его туда, где он сейчас живет, ребенком или он приехал в сознательном возрасте; родился ли он в Киргизии, Казахстане, Эстонии и пр. или, напротив, в России; сколько поколений его предков похоронено в земле этих стран. Материалы моего опроса 325 русскоязычных жителей Бишкека (1998 г.) показывают, в частности, что существует явная зависимость между местом рождения респондентов и их стремлением эмигрировать или, напротив, остаться. В группе «желающих уехать» 55,5% родились в Киргизии (в Бишкеке, ином городе или селе), а 28,6% — в России, а среди «желающих остаться» таких было, соответственно, 70,8 и 17,2%.

Если говорить о других странах ближнего зарубежья, то подобный фактор «врастания» в местное общество присутствует, причем примерно в равной степени, почти во всех из них. Так, по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г., доля уроженцев среди проживающих в республиках русских превышала в одиннадцать из них 40% (а в шести — 45%). Более того, между 1979 г и 1989 г. практически по всем республикам (кроме Грузии и Белоруссии) фиксировался рост доли уроженцев по сравнению с удельным весом мигрантов⁴. После распада СССР и начала массового выезда русскоязычных из республик, наиболее легкими на подъем оказались, по многочисленным наблюдениям, относительно недавние переселенцы, что способствовало дальнейшему возрастанию доли «старожилов» среди оставшихся и, как минимум, сохранению в их среде эмоционального настроения на местную родину. Хотя бы из-за этих количественных параметров Россия вряд ли могла выиграть это соревнование эмоций, тем более, что в первые годы после известных событий у нее был мощный конкурент — СССР, родина всех советских людей (об особенностях угасания советской идентичности в различных ее проявлениях подробно говорилось в главе об идентичности разд. III)⁵.

Конечно, таков лишь общий фон, на котором происходят тончайшие и глубоко индивидуализированные движения человеческой души, связанные с чувством родины. Именно чувственная, иррацио-

нальная грань восприятия родины делает подобные переживания достаточно резистентными по отношению к рациональным доводам, независимо от того, посылаются ли они спонтанно средой обитания (вспомним английскую поговорку: «*Good or bad, my country*») либо вполне сознательно и вполне персонифицируемыми акторами, преследующими различные политические, идеологические и пр. цели. Другой вопрос — импульсы среды могут стать столь сильными, а аргументы акторов — столь навязчивыми, что окажут прямое воздействие на поведение людей, побудив их, скажем, к эмиграции. Но перестанет ли человек в данных обстоятельствах считать покидаемую страну родиной, если он в ней родился, вырос, любил, дружил, похоронил близких? История беженства и политического изгнания неоднократно давала на него отрицательный ответ, вспомним хотя бы русское дореволюционное зарубежье.

Если вернуться к русскоязычным новым независимым государствам, мне не раз приходилось сталкиваться с недооценкой устойчивости эмоционального ядра их представлений о родине, причем со стороны людей, движимых совершенно различными побуждениями.

Вот, например, фрагменты из интервью 1994 г. с председателем «Славянского Фонда» Киргизии Валерием Вишневым. Его собственные ориентации были для меня вполне ожидаемы: «я гражданин Советского Союза, а если его нет, то я россиянин»; «почему <нам> здесь теперь не повернуться лицом к родине-матери, не просто потребительно, но это чисто патриотические чувства, наверное, они не у всех есть» (sic! Увы, тут мой собеседник глубоко прав!); «...но должна и наша родина понимать, что мы окажемся в таких условиях... нельзя же нас оставлять...» (еще одна важная грань представления о родине, но об этом речь впереди). Ясно, что во всех случаях под родиной имеется в виду Россия.

Личная позиция понятна, и ее выбор является правом каждого человека и заслуживает уважения. Возражение вызывает другое — приписывание своих взглядов всем «соотечественникам-россиянам», «славянской общине» (т. е. русскоязычным жителям Киргизии). Например, рассуждая о причинах миграции, В. Вишневыцкий отметил: «Да, для отдельных людей <это> чувство родины, тех, кто недавно приехал [имеется в виду — по отношению к России. — Н. К.]. Некоторые считают... я беседовал, что больше родина эта, чем Россия; Россия этническая родина...». Как свидетельствуют разнообразные полевые материалы, слово «некоторые» неадекватно отражает ситуацию; как раз большинство считает родиной Киргизию. Что касается словосочетания «этническая родина», то оно практически не встречается в высказываниях обычных людей, но вполне естественно в устах активиста «русской организации», поскольку является важным смысловым

звеном ведущегося российскими политиками и СМИ этнизированного дискурса о «русской диаспоре».

Еще один фрагмент интервью.

«Н. К. А как Вы воспринимаете сейчас Россию?»

В. В. Я? Сложный вопрос... Во-первых, это этническая родина... Но у меня лично больше начинает работать, срабатывать, как я образно выразился, это мачеха, которая меня воспитывала, мать — Россия... Здесь много издержек, говорится одно, а делается другое. Поэтому это чувство этнической родины перерастает просто в чувство родины... у многих [выделено мной. — Н. К.] это слово “этнической” выпадет, наверное...».

Получается, по логике В. Вишневого, что из-за «издержек», то бишь жизненных трудностей, «мать» начинает «многими» восприниматься как «мачеха», т. е. страна, которая считалась родиной, перестает видаться таковой. Я думаю, это легковесная трактовка; духовная эволюция хотя и возможная, но не носящая массового характера.

Пронзительное по своему эмоциональному воздействию подтверждение сказанному — ситуация, описанная в одной из новелл, составляющих известный роман Андрея Волося «Хуррамабад», посвященный судьбам русских в Центральной Азии. Я имею в виду новеллу «Чужой». Ее герой на глазах у читателя проживает последние свои часы в родном, но уже изувеченном войной Душанбе перед тем, как поезд, где уже сложено все нажитое, увезет его в «ту самую Россию». Большие «издержки» вряд ли можно вообразить, более трагических обстоятельств выезда, наверное, не было у русских и русскоязычных ни одной постсоветской страны, оттого, наверное, и пришло герою на ум слово изгнание, «потому что изгнание — это когда все кругом чужое и опасное»⁶. И все же слово «чужой» кажется ему «бессмысленным набором звуков, потому что все кругом противоречило ему: два поколения предков, лежащих в освещенной рыжей луной холмистой некруглой земле; горячее фиолетовое небо, на котором влажно поблескивали чистые звезды; запах прожаренной пыли и верблюжьей колючки, стрекотанье сверчков, редкое взлаивание кишлячных собак...»⁷.

Конечно, горечь пережитого не могла не излиться на кого-то, и этот кто-то, кого герой винит в происходящем — таджики («...ах, какие же все-таки сволочи! Выгнали! Выгнали, как собаку!...»), а сам город оставался «...не просто знакомым, но оставляющим ощущение чего-то вроде материнской утробы, где не бывает ни голода, ни несчастий, где нельзя назвать что-либо своим или чужим, поскольку все существует ради тебя»⁸. Отсюда такой мучительный душевный разлад — когда поезд наконец тронулся, «ему казалось, что его разрывает пополам какая-то темная и безжалостная сила — поезд набирал ход, унося тело, а душа хотела остаться и отчаянно билась в чужой и тесной оболочке»⁹.

Принципиально иными соображениями, уже научно-концептуального плана, руководствовался в статье «Исторический феномен диаспоры» В. Тишков, сражаясь против представления о родине как «исторически детерминированном предписании». Пафос и резоны этой борьбы понятны — последовательный сторонник конструктивистского, ситуативного подхода к этничности, при анализе феномена диаспоры он выступает против любых «жестких» связей, противоречащих ее трактовке как «личного выбора», «ощущения» и индивидуального членства. Разделяя этот подход в принципе, я не могу принять некоторые «перехлесты», связанные именно с интерпретацией понятия родины.

Во-первых, борясь с объективистской парадигмой и всячески упирая на личностный **рациональный** выбор (а ведь главным образом рациональное начало делает этничность и с ней связанное категориями подвижными, гибкими и зависящими от социальной ситуации), ученый, на мой взгляд, недооценивает значимость личностного **эмоционального** выбора, детерминированного обстоятельствами конкретной жизни, воспитания и пр.

Да, сытым и благополучным странам гораздо легче, чем бедным, выступать в роли родины, реально способной обеспечить приглашаемым «братьям по крови» достойный уровень жизни. Но было бы упрощением думать, что стремящиеся к репатриации «братья», по крайней мере, когда речь идет о жителях постсоветских стран, с готовностью начинают любить новую родину, а также ощущать себя немцами, греками, финнами, евреями и пр., хотя, наверное, такие случаи встречаются. Вполне рациональное по своей природе желание «соответствовать» разработанным страной приема стандартам этничности (как правило, примордиальным и формализованным) не спасает большинство репатриантов от тягот социально-психологической адаптации, вызванных различием менталитетов и образа жизни — т. е., по сути, сохранением у людей прежней идентичности (в различных ее параметрах) и прежних привязанностей. Эти явления хорошо известны и подробно описаны. Кстати, сам В. Тишков, излагая в одной из последних статей свое представление о диаспоре, особо подчеркнул, что для него «...российские немцы являются диаспорой России (в широком смысле слова, включая пространство бывшего СССР) в Германии, а не наоборот. Точно также... гораздо больше диаспоральности среди российских евреев в Израиле, чем среди евреев в России»¹⁰.

Думается, не в последнюю очередь этот вывод навеян восприятием России как родины (что, впрочем, проявляется и в поведении) со стороны первого поколения российских/советских репатриантов в названных странах. И вообще, разве существовало бы понятие нос-

тальгии, если бы любой переезд из «своей» страны в другую, добровольно или вынужденно, создавал человеку новую родину?

Во-вторых, если вернуться к размышлениям В. Тишкова, на мой взгляд, в случае русскоязычных ближнего зарубежья им переоценивается подверженность личного выбора влиянию созданной «наверху» коллективистской версии — неважно, продуцируется ли она исторической «родиной» или местными элитами.

Так, ученый пишет: «...для русского, родившегося и выросшего в Душанбе, родина — это речка Душанбинка и отчий дом, а не рязанская или тульская деревня, куда ему пришлось ныне переехать и куда **выученная версия или местные таджики** [выделено мной. — Н. К.] указывают ему как на историческую родину. И тем не менее он (она) вынужден(а) принимать эту версию и играть по навязанным правилам в историческую родину — Россию...»¹¹.

Однако, как свидетельствуют полевые исследования и среди русскоязычных «там», т. е. в странах ближнего зарубежья, и «здесь», т. е. среди тех, кто стал вынужденным переселенцем, замешанное на эмоциях чувство родины достаточно устойчиво и к воззваниям «исторической родины», и к агитации титульных этнических активистов, и к словам «посылающих в Россию» затурканных жизнью простых узбеков, киргизов, таджиков и пр.

Да, это чувство может приноситься в жертву соображениям физической безопасности и (ожидаемого) экономического и социального благополучия — в случае миграции, но это не значит, что оно исчезает. Русскоязычные переселенцы, в частности, не «выучивают» версию о том, что их родина — Россия, а как раз наоборот, утверждают, что их родина — Казахстан, Узбекистан, Молдавия, Эстония и т. п.¹² А ведь психологически им легче было бы объяснить слушателю со стороны, что хотя и терпят они такие тяготы жизни в России, но зато, дескать, вернулись на родину. И даже на какое-то время, впрочем, длящееся годами, в среде тех, кто переехал в Россию уже в зрелом возрасте и обременен воспоминаниями, возникает нечто вроде «диаспоры», сплоченного мини-сообщества, обращенного назад, к покинутым родинам¹³. И это при том, что их жизнь там была полна после распада СССР всяческих «издержек», правда, не сравнимых с драматическими обстоятельствами выезда русскоязычных из охваченного гражданской войной Таджикистана.

Завершая рассуждения о родине в контексте диаспоральных критериев, В. Тишков пишет: «...в диаспоре почти всегда присутствует коллективный миф о родине, который транслируется через устную память или тексты (литературные и бюрократические) и политическую пропаганду, включая устрашающий лозунг “Чемодан, вокзал, Россия!”»¹⁴. Да, прав ученый, **«в диаспоре** [выделено мной. — Н. К.] при-

сутствует», но русские и другие русскоязычные оказались плохими учениками по части «выучивания» новых версий и дружного им следования. Видимо, в том числе и по этой причине они — не диаспора.

На мой взгляд, гораздо более удачной иллюстрацией мысли В. Тишкова мог бы стать пример такой специфической группы, как крымские татары. Это высоко консолидированное сообщество, спаянное, в первую очередь, передающейся через поколения коллективной памятью о родине, которую пришлось покинуть под дулом винтовок солдат НКВД. Как только возвращение стало реальностью, мощный напор собственных этнических активистов поднял с места подавляющее большинство крымских татар Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, включая и тех, кто предпочел бы мечтать о родине в более комфортных социально-экономических условиях, нежели крымские. Фактор притяжения при этом был едва ли менее сильным, чем фактор выталкивания, особенно дававший о себе знать в первых двух из названных стран в начальный период после распада СССР.

«Я русская и должна жить в России». Родина как вместилище национального духа

Речь идет о присущем диаспоре восприятию родины как хранилища хрупкого сосуда этничности, как главного места, где можно ощущать себя в полной мере представителем своей этнической группы. О чем-то подобном говорится в п. 6 определения У. Сафрана: «они [члены оказавшихся вне родины меньшинств. — Н. К.] продолжают соотносить себя с родиной тем или иным образом, на личностном уровне или через коллективную идентичность, и этим обстоятельством в значительной степени определяются их этнокоммунальное сознание и солидарность»¹⁵.

К русскоязычным *in corpora*, в том понимании, в каком я использую этот термин во всех своих работах, данное положение вряд ли можно отнести. Ранее много говорилось о том, почему у русских и их партнеров по освоению окраин развивалось и закреплялось чувство отнюдь не этнической, а социокультурной общности как «детей империи». Неизбежная после краха СССР актуализация «русскости» (и не только ее!) проявилась на уровне моих социологических «замеров», в частности, в том, что стабильный процент опрошенных (примерно треть, а среди желающих уехать — 40% в 1998 г.) выбирал опцию «русские» из разнообразного набора предложенных идентификационных категорий. Напомню, тут явил себя тот лик русскости, который ориентирован на Россию¹⁶. Видимо, из этого массива жизнь и рекрутирует тех, кто обостренно переживает свою русскость, соотнося ее с

Россией. Однако согласимся, что число последних вряд ли достигает границ рассматриваемого массива: речь идет об ощущениях более высокого эмоционального накала, чем достаточно нейтральное самоопределение.

Будет «теплее» и даже «горячее», если искать воспринимающих Россию как хранительницу «русского духа» среди тех, кто прямо заявил об этом, отвечая на открытые вопросы и объясняя мотивы тех или иных решений, в частности, намерения принять российское гражданство или желая переехать в Россию на постоянное место жительства. Однако, как показали наши опросы, число таких русскоязычных очень невелико¹⁷.

Приведу и другие данные, примерно очерчивающие круг тех, кто воспринимает Россию как место, где можно в полной мере ощутить свою русскость. Речь идет о том, какое место занимает «оторванность от России» в череде беспокойств, испытываемых русскоязычными бишкекчанами на момент опроса. Можно предположить, что содержание этого понятия как раз и сводится к дискомфорту, испытываемому из-за проживания вне родины (не в формальном, а в эмоциональном смысле) и/или места, где «все лица русские». В 1996 г. 40 человек выбрали эту опцию (25 желающих уехать; 10 — остающихся; 5 — готовящихся к отъезду). В 1998 г. таких респондентов было 22 (соответственно, 15, 4 и 3). Сдвиг обусловлен, на мой взгляд, ухудшением за два года экономической ситуации в стране и, отсюда, более сильная озабоченность респондентов такими «зудящими» проблемами, как «нехватка денег» и «отсутствие подходящей работы»¹⁸.

**«Не спрашивайте, что ваша страна должна сделать для вас...».
Родина как заступница**

У. Сафран не включает в свое определение фактор ожидания экспатрированным сообществом поддержки от родины, возможно, основываясь на историческом материале, а также потому, что в современных условиях крайне мало государств, которые реально способны воздействовать на ситуацию в странах, где размещены их «диаспоры» — пользуясь ли своей военной мощью, экономическим потенциалом, международным авторитетом и пр. (при этом мы абстрагируемся от вопроса о том, в какой мере те или иные действия «по защите» совместимы с писанным и неписанным международным правом).

Действительно, подавляющее большинство современных диаспор, в частности, возникших в Европе в послевоенный период и формирующихся ныне в России, являются так называемыми трудовыми. Члены этих сообществ, в основном выходцы из стран бедных, пере-

живающих последствия социально-экономических неурядиц, экологических кризисов, войн и пр., зачастую перемещающиеся по линии «бывшая колония — бывшая метрополия», естественно, не питают больших надежд на помощь своих родин (не на семейно-родственно-клановом уровне, а на государственном). Правда, нельзя исключить, что даже когда страна приема является по всем меркам региональным гегемоном, а страна исхода — небольшой и слабой, между ними возможен торг и достижение взаимных договоренностей, связанных с диаспорой — в тех случаях, например, когда первая хотела бы иметь вторую в союзниках и/или считает ее зоной своих стратегических интересов (ср., в частности, отношения России с Грузией и Азербайджаном).

Подобный постсоветский опыт, а также то обстоятельство, что роль России как покровительницы и защитницы «соотечественников» всячески педалируется ее властями, политиками и прессой, делают необходимым рассмотреть и эту грань восприятия родины русскоязычными ближнего зарубежья.

Россия как раз является примером того «отпускающего» государства, которое, в принципе, обладает всеми возможностями для эффективного заступничества. Однако, как показывают обследования, русскоязычные не ожидают от нее реальной поддержки. От кого же тогда? Интересный материал для размышлений на эту тему был получен в ходе опроса русских в четырех странах СНГ, проведенного Лоуэлом Баррингтоном в 1998 г. (см. табл. 1).

По мнению большинства опрошенных, защищать их интересы должны власти страны проживания, а также ее жители (на Россию рассчитывали в Киргизии и Казахстане около 15% респондентов, на Украине и в Белоруссии — существенно меньше). Показательно также, сколь мало надежд связывалось с деятельностью «русских» общественных и политических организаций.

Если бы речь шла о жителях России, ничего удивительного в таких данных не было бы. Ожидание того, что «ваша страна должна сделать для вас», является, на мой взгляд, более органичным и весомым элементом постсоветской гражданской идентичности, чем свойственный западным обществам конституционный патриотизм, с главным акцентом на широкое политическое участие и рациональную идентификацию с системой. Реакция респондентов выглядит «ненормальной» лишь в контексте «диаспоральных» ожиданий «родины», в лице различных ее представителей.

Тенденция к ориентации русских Киргизии на государство проживания была также зафиксирована репрезентативным общестрановым опросом 1467 человек разных национальностей (квотная выборка), проведенным в 2002 г. под эгидой Программы «Этнические меньшин-

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Кто, по Вашему мнению, должен в первую очередь защищать интересы русских и русскоязычных в...?» (%) *

Варианты ответа	Украина N=329	Белоруссия N=771	Казахстан N=620	Киргизия N=689
Власти...	(I) 47,1	(I) 57,8	(I) 49,0	(I) 55,7
Власти России	4,9	5,6	(II) 15,6	(II) 15,1
Международные организации	2,4	1,8	4,0	4,1
Организации русскоязычных	3,0	4,4	7,1	5,2
Сами русскоязычные...	7,9	3,4	4,0	2,6
Все население...	(II) 17,0	(II) 15,3	(III) 13,1	(III) 13,2
Затрудняюсь ответить	(III) 13,4	(III) 6,0	1,3	1,7
Нет ответа	4,3	5,7	5,9	2,3
Итого:	100,0	100,0	100,0	99,9

* Источник: *Barrington L. Rethinking the Triadic Nexus: External National Homelands, International Organizations and Ethnic Relations in the Former Soviet Union. A paper prepared for the 1999 annual convention of the Association for the Study of Nationalities. N. Y., April 15–17, 1999. P. 36.*

ства» Фонда «Сорос-Кыргызстан»¹⁹. Анализируя ответы на вопрос, кто эффективнее всего способен представлять в стране интересы той или иной этнической группы, эксперты Фонда пишут: «Наибольшую степень доверия государству продемонстрировали представители трех самых крупных этносов... — кыргызы, русские и узбеки»²⁰. Этническую родину (замечу, это более оценочная опция, чем нейтральная «власти России» в опросе Л. Баррингтона) выбрали, среди прочих «закрытий», 33% русских респондентов — в сравнении, например, с 51% узбеков. «Несмотря на то, что именно с Россией у Кыргызстана наиболее развитые отношения,... оценка ее возможности защиты прав русскоязычного населения... оказалась не слишком высока»²¹.

Почему же не на Россию направлены массовые ожидания? Показательны ответы на еще один вопрос, заданный в ходе «американского» обследования: «Многие политики в Москве требуют защиты прав русскоязычного населения бывших республик СССР. Скажите, пожалуйста, как эти заявления влияют на положение русскоязычных в...?» По мнению подавляющего большинства респондентов (66,5% на Украине, 81,5 — в Белоруссии, 70,8 — в Казахстане и 62,6% — в Киргизии), исходящая от Москвы «заступническая» риторика не имела никакого эффекта. Некоторые указали, что ситуация в результате

ухудшилась (соответственно, 8,2%, 3,6, 13,7 и 6,0%), а улучшение зафиксировали лишь 4,0%, 7,7, 10,2 и 23,2%²² опрошенных²³.

Еще одно звено в той же логической цепи оценок России — русскоязычные слабо представляют себе, чего ждать от нее, чем она может помочь, а ведь это, по представлениям Москвы, казалось бы, самый животрепещущий для них вопрос. Вот распределение ответов на прямолинейно поставленный в моем обследовании 1998 г. открытый вопрос: «Много говорят и пишут о том, что Россия должна защищать своих соотечественников, оставшихся в бывших советских республиках. К каким мерам, на Ваш взгляд, Россия должна прибегнуть в этих целях?» Более четверти респондентов (27,3%) вообще не смогли что-либо сказать; лишь 33,8%²⁴ предложили конкретные рекомендации и направления помощи, при этом еще почти одна пятая (19,2%) дали крайне общие и расплывчатые ответы («помогать русскоязычному населению»), а некоторые откровенно заявили, что «должна, но меры затрудняюсь назвать». Конкретно мыслящими оказались и те респонденты (в основном желающие уехать), которые воспринимали «помощь» как содействие потенциальным переселенцам в выезде и обустройстве в России (12,8%). Однако это уже не содействие «диаспоре». Наконец, более 20% участников опроса продемонстрировали трезвый подход к возможностям России, и это неудивительно, поскольку он проводился в сентябре 1998 г. («У себя разберитесь сначала! После того, что у вас творится, вряд ли у вас хватит времени и денег, чтобы помочь нам»), а также зафиксированное мной еще в 1996 г. разочарование («Ничего ваша Россия не сделает, мы для нее чужие»; «Ничем, ей дела нет до тех, кто здесь остался»)²⁵.

Да, низкая результативность действий России по защите «соотечественников», беспомощность ее чиновников и склонность к словопрепиям ее политиков; скромные финансовые возможности и нарастающая нестабильность в ельцинский период — все это имело место и может служить объяснением. Но есть, на мой взгляд, еще одна важная причина, не связанная с Россией как таковой — этот принципиальный для нас сюжет красной нитью проходит через всю книгу. Дело в том, что **главное беспокойство русскоязычных вызывает не их положение как особой группы, а проблемы, тяжесть которых они делят с остальным населением** (в частности, бедность, низкий уровень жизни). По определению, решить их могут (*if at all!*) власти страны проживания, но отнюдь не Россия, иначе речь пойдет о вмешательстве во внутренние дела суверенных государств. Об общности интересов жителей постсоветских стран говорят и данные табл. 1 — опция «все население...» завоевала на Украине и в Белоруссии второе место по числу приверженцев, а в Киргизии и Казахстане хоть и третье, но с очень незначительным отрывом от второго.

**«...спросите себя лучше, что вы можете
сделать для своей страны» (Дж Ф. Кеннеди).
Родина как объект служения**

Служение родине всеми посильными способами, в мыслях и поступках — своего рода кодекс чести члена диаспоры, нравственный императив диаспорального поведения. У. Сафран следующим образом сформулировал этот постулат в своем определении (п. 5): «они верят, что должны, на коллективном уровне, быть привержены делу восстановления или сохранения своей первоначальной родины, способствовать ее безопасности и процветанию»²⁶. Вторя У. Сафрану, В. Тишков сформулировал ту же мысль более жестко: «Фактически отношения в самой диаспоре строятся вокруг “служения родине”, без чего нет самой диаспоры»²⁷.

Конечно, здесь описана своего рода идеальная модель, но даже если снизить планку, ей никак не будут соответствовать массовое поведение и установки русскоязычных ближнего зарубежья. Случаи подобного отношения к России единичны, хотя, когда с ними сталкиваешься, они запоминаются надолго, не только своей искренностью (пусть и выраженной лишь вербально)²⁸, но и плохой сочетаемостью с тотальным прагматизмом нашего времени. Спросим себя — а много ли истинных патриотов в самой России? Людей дела, а не деклараций? Массовое нежелание молодых россиян защищать родину по призыву на воинскую службу — один из наиболее красноречивых примеров.

Свою отрицательную роль играют также (и это свойственно всем постсоветским странам) утрата прежней идеологии и нездоровые отношения простого человека с государством, постоянно демонстрирующим небрежение его нуждами. Предпринятый в книге на примере русскоязычных Киргизии анализ слагаемых гражданской идентичности показывает, что желание служить своей стране — пока еще удел немногих социально ориентированных и активных личностей. Перенацеливанию этой социальной энергии на Россию на индивидуальном уровне, видимо, мешает все то, о чем много говорилось выше и о чем мы еще будем говорить — от значимости локальных идентичностей и остроты внутренних, общенациональных проблем до бездействия России.

Если перейти на групповой уровень, нет нужды доказывать, что русскоязычные отдельных стран — ни по степени сплоченности, ни по своим совокупным финансовым возможностям или включенности в политические структуры и иные узлы принятия ключевых решений — пока еще не являются сообществом, способным лоббировать интересы России (подобно тому, как действуют в пользу своих «родин»

проживающие на Западе польская, еврейская, армянская и некоторые другие диаспоры).

Посмотрим на проблему с другой стороны. Насколько, в качестве одного из проявлений «служения», русскоязычным свойственен тот «активный и политизированный дискурс о родине», который В. Тишков считает важнейшей характеристикой диаспорного поведения²⁹, приводя в пример выходцев с Кубы? С точки зрения богатства событий, происходивших в России в последние 15 лет, и сопровождавшего их накала политических страстей, подобная реакция теоретически возможна. Однако сидение перед телеэкранами сотен тысяч людей в ближнем зарубежье и слежение за российскими новостями, на мой взгляд, нельзя безоговорочно подвести под рубрику, перефразируя В. Тишкова, «взволнованного и политизированного интереса к родине». Нельзя сбрасывать со счетов и низкое качество (и зачастую подцензурность) местной теле- и радио-продукции, и естественное желание узнавать о событиях в России, да и в мире, на русском языке, а также любопытство, привычку (смотреть и слушать то, что «говорит и показывает Москва»), интересы собственного бизнеса...

Добавлю еще один момент, в важности которого я могла убедиться, находясь в Киргизии в сентябре 1998 г. (разгар российского финансового кризиса) и наблюдая, как обесценивается национальная денежная единица (сом) по отношению к доллару. Речь идет о тревоге киргизстанцев за свою страну, тесно связанную с Россией экономически (или воспринимаемую таковой) и, соответственно, ожидание грядущих трудностей выживания. Напряженный интерес людей к вестям из Москвы: о назначении нового премьер-министра, очередях обманутых вкладчиков, о крахе мелкого бизнеса и пр. трудно интерпретировать как тревогу о родине. Свойственную русскоязычным тональность восприятия передает фрагмент более позднего интервью (август 1999 г.). Рассматриваемый сюжет, затронутый по инициативе респондента, оказался органично вписанным в тему беспокойной жизни постсоветского человека:

«В. Почему смотрим мы всегда российские передачи, свои меньше смотрим? У любого русскоязычного человека, вот людей четырех национальностей, о которых я говорил, вот она такая потаенная... ну, страх нельзя сказать, потаенная настороженность...»

Н. После 1991 г.?

В. Да, после 1991 г. И мы всегда затаенно смотрим... если там что-то произойдет, это всегда бумерангом ударит по республикам Средней Азии. И поэтому мы всегда настороженно все это смотрим, всегда мы воспринимаем новости в России... Нам москвичи, ленинградцы говорят — откуда вы все это знаете? Потому что мы живем в столице Киргизии, вам тут не рассказывают то о своих первых лицах, что мы знаем...

каждое передвижение, перестановки, перемещения, там Ельцин что-то делает, мы сразу все это воспринимаем с тревогой и в штыки. С тревогой...».

Родина как синоним первичных (локальных) общностей

С точки зрения только что сказанного, рутинный, каждодневный труд по поддержанию «низовых» связей с родиной, которая ассоциируется с семьей и определенным кругом родственников, соседей, земляков, членов клана; отслеживание ситуации, глубокая включенность в проблемы мини-сообщества и быстрое оказание помощи³⁰ скорее являются диаспоральными образцами поведения, нежели просмотр российского телевидения миллионами «соотечественников» и обсуждение ими на кухне российских проблем.

И вообще, если говорить о том, «что и почему становится диаспорой» (В. Тишков), подобные манифестируемые формы отношения ее членов к родине, на мой взгляд, более массовидны и универсальны, чем предлагаемая им в виде важнейшей характеристики диаспоры «политическая миссия служения, сопротивления, борьбы и реванша»³¹. Потому я бы не стала включать эту «миссию» в число неотъемлемых черт диаспорального поведения. Действительно, «бурлящих» экспатриированных сообществ, образованных противниками существующего на родине режима, участниками сепаратистских движений или защитниками одной из сторон развивающегося там этнического/этноконфессионального конфликта, гораздо меньше, чем «спокойных» трудовых диаспор, поддерживающих постоянную связь с родиной на личностно-семейном и институциональном уровне. Впрочем, углубленная полемика с В. Тишковым, чьи последние статьи о диаспоре дают богатую пищу для размышлений, не входит сейчас в мою задачу и требует отдельного разговора. Хочу лишь подчеркнуть, что, судя по всему, ни та, ни другая из только что рассмотренных моделей поведения и восприятия родины русскоязычным ближнего зарубежья не свойственны.

«Мой адрес — Советский Союз». Родина как символ прошлого

Завершая тему родины, поговорим об ассоциировании ее с СССР, актуальном именно в рассматриваемом контексте и ранее носившим массовый характер. Как было показано выше, «русские, статус которых исторически определялся их политическими отношениями с импер-

ским государством, оказались приверженными советскому порядку в большей степени, чем любая другая группа»³². Этот момент, заметим в скобках, какое-то время влиял и на восприятие ими России. Вторя Нилу Мелвину, которому принадлежит последнее высказывание, Грэхем Смит отмечает: «...в результате для многих русских все еще остается в высшей степени неопределенным (*highly ambiguous*), где Россия и что такое Россия»³³.

Но представим вариант фантастический: Россия является как бы уменьшенным СССР, с железным занавесом, плановой экономикой, социальными гарантиями и иными плюсами и минусами нашего недавнего общего прошлого, а все остальные бывшие республики стали тем, чем являются сейчас. Это могло бы активизировать диаспоральные чувства у многих — в виде желания вернуться на родину, именно ту, которую они покинули; желания вести о ней «взволнованный политический дискурс»; в виде ощущения, что именно там находится «дом», но не в этническом, а в социально-идеологическом смысле. Однако история, как известно, не знает сослагательного наклонения... Да и в нашем воображенном случае число таких диаспорально мыслящих по отношению к России людей с течением времени стало бы уменьшаться (в силу демографических причин) и от них откололись бы многие из тех, кто не прошел советскую школу социализации и предпочитает иные ценности.

Кроме того, и ориентация на СССР как на родину постепенно уходит. Конечно, вполне объяснимая ностальгия по социализму прочно сидит в головах многих наших современников, особенно немолодых, причем независимо от национальности и страны проживания, но этот сюжет не имеет отношения к диаспоральности.

* * *

Итак, что же остается в сухом остатке? Есть важная грань восприятия России, которая имеет шансы стать массовой и, возможно, уже стала таковой, правда, лишь для жителей некоторых стран ближнего зарубежья — ее видят как «страну с перспективами». Напомню, по результатам опроса 1998 г. примерно треть из желающих уехать из Киргизии объясняли свои намерения (завершая незаконченное предложение) тем, что я назвала «факторами притяжения России» (а большинство остальных — «выталкиванием Киргизии»). Эта треть разложилась так: на первом месте — воссоединение семей, проживающие в России родственники; на втором — наличие там лучших возможностей трудоустройства, карьерного роста и т. д.; на третьем — ностальгические мотивы.

С момента опроса экономическая ситуация в Киргизии существенно ухудшилась, а в России улучшилась, чем все активнее и подпитывается стремление киргизстанцев (не только русских и русскоязычных) попасть в Россию на заработки, а если повезет, и на постоянное место жительства. Однако есть два «но». Во-первых, это не относится к странам к устойчиво благополучными экономиками (в первую очередь Балтия, а также, возможно, набирающий «вес» Казахстан). Во-вторых, гораздо более важный момент в контексте нашей темы — восприятие какой-либо страны с точки зрения ее социально-экономического потенциала и возможностей, открывающихся там для иммигрантов, находится вне логической связки «родина—диаспора».

Получается, что **на уровне «состояния души» русскоязычные пока еще не могут быть названы сообществом, отвечающим важнейшему критерию диаспоры** (отношение к родине). Полагаю, мне удалось привести в обоснование этого тезиса гораздо больше аргументов, чем Л. Баррингтону, который, отметив завораживающее воздействие концепции Роджерса Брубейкера на западных ученых (см. предыдущую главу), далее пишет, апеллируя к результатам своего обследования: «К сожалению, идея “триады”... ведет нас в неверном направлении (*misleading*). Во-первых, она побуждает тех, кто изучает этнические отношения в посткоммунистическую эпоху, рассматривать все три “поля” как имеющие большое и притом равновеликое значение... Однако во многих случаях роль “внешней национальной родины” оказывается гораздо менее важной, чем двух других игроков... Во-вторых, многие, исходя из схемы Р. Брубейкера, начинают думать, что “национальные меньшинства” и впрямь считают предполагаемую (*putative*) “внешнюю национальную родину” своей настоящей родиной и рассчитывают на нее как на защитницу своих интересов... Однако, как будет показано в докладе, для русских за пределами России ни одно из этих утверждений не представляется правильным... их мнение об этих концепциях не совпадает с мнением западных ученых [я бы добавила — и российских тоже. — Н. К.]»³⁴. И далее, анализируя ответы респондентов на вопрос о родине³⁵, ученый еще раз замечает, не без доли ехидства: «Во-истину, “родина” для самих представителей этнических меньшинств нечто более сложное, чем для тех, кто их изучает»³⁶.

Однако я не совсем склонна, вспоминая слова Зигмунта Баумана из введения к книге, «замораживать поток» и «захлопывать все входы и выходы». Реализация русскоязычными полноценного диаспорного проекта в принципе не исключена. По меньшей мере в двух случаях их диаспоральное отношение к России вполне поддается сознательному «вращиванию» и воспитанию, хотя это потребует огромных усилий с ее стороны.

Если взять идею служения родине, о той миссии, которую могли бы взять на себя «соотечественники», не стремящиеся уезжать и видящие свою связь с Россией не в узко примордиальном, а в широком культурном контексте, выразительно писал Сергей Градировский³⁷. Речь шла о ««продвижении» русского духовного и технологического продукта как части комплиментарной политики России ближайшего времени», что в итоге сможет «обеспечить <е> контакт... с граничащими с ней цивилизационными платформами»³⁸.

Аналогично, Россия может стать в глазах многих русскоязычных и настоящей защитницей их интересов. Естественно, не с помощью военных акций или узконаправленной помощи — скажем, создания рабочих мест именно для русских, что вызовет эффект прямо противоположный. А вот массированные усилия по поддержке русской культуры и языка — иное дело, поскольку в них объективно заинтересованы не только русские и русскоязычные — если не во всех, то во многих бывших республиках, но и их титульные элиты, если не все, то их значимые сегменты. В идеале, речь должна идти о вещах более глобальных — о том, что могло бы способствовать реальному росту авторитета и влияния России в постсоветском пространстве, поддерживать и развивать потребность в разного рода контактах с ней не только у русскоязычных, но и остального населения и титульных элит, конечно, с учетом региональной специфики. Впрочем, углубление данного сюжета и тем более разработка конкретных рекомендаций не являются здесь нашей задачей.

Особенности политической и гражданской активности русскоязычных

Строительство «русских общин» — решение всех проблем?

Нередко приходится слышать и читать о том, что этничность стала главным двигателем политической консолидации в современных обществах. Как пишет автор одной из недавних англоязычных статей на эту тему, «и в развивающихся, и в развитых странах можно найти все больше свидетельств возрождения этничности и превращения фактора этнической принадлежности в эффективный инструмент социальной и политической мобилизации»³⁹. Такая динамика обычно связывается с ростом численности и интеграционной активности иммигрантских сообществ в принимающих (западных) странах. Если вернуться, как и было обещано читателям, к книге Надежды Лебедевой, то ее подход и вся философия полностью находятся в русле этой значимой, но все же не универсальной закономерности⁴⁰. Однако

применимость ее к русскоязычным сообществам в бывших республиках вызывает большие сомнения.

Первое из серьезных методологических упущений автора — механический перенос на постсоветскую почву и на русскоязычных, в частности, западных концепций культурной адаптации мигрантов, а также западного контекста институционального становления диаспор. Действительно, по опыту послевоенных иммигрантских меньшинств в Европе, при погружении в совершенно новую и далеко не всегда гостеприимную среду опора на этнические объединения является жизненно необходимой. Вот как описывает этот процесс один из известных теоретиков диаспоры Габриэль Шеффер (*Gabriel Sheffer*): «В течение первоначального периода, когда мигранты... пытаются узнать как можно больше о всех подводных камнях новой, противостоящей им социальной системы, многие из них либо присоединяются к существующим диаспорическим организациям **своей этнической группы** [выделено мной. — *Н. К.*], либо начинают создавать их сами. Взаимоувязанные цели этих усилий — облегчить адаптацию в стране приема и поддерживать контакты с родиной»⁴¹.

Н. Лебедева отталкивается в своем исследовании от «институциональной перспективы Бретона», согласно которой «рост количества социальных институтов в диаспоре предоставляет возможность бикультурализма членам иноэтничных групп как альтернативу массовым миграциям... **Этнокультурные анклав**ы служат защитой от “культурного шока” и помогают адаптироваться в новой культурной и изменившейся социальной среде... Каждая **община** характеризуется внутри себя сетью социальных организаций. Степень и форма этих связей широко варьируется... Существует один основополагающий для всех фактор: они создают богатую **внутриэтническую общинную жизнь** [выделено мной. — *Н. К.*]»⁴².

Вряд ли стоит подробно доказывать, что к реальной жизни русскоязычных в странах ближнего зарубежья все это имеет более чем отдаленное отношение. В их лице мы не имеем дело со «свежими» мигрантами, испытывающими «шок» от столкновения с новой средой и стремящимися к тому, чтобы пестовать свою этническую идентичность за пределами сферы семейного общения, но в кругу «своих» (с помощью общественных и культурных центров, языковых школ, религиозных объединений и пр.). Напротив, это люди, которые хорошо интегрировались в культурные социумы стран своего многолетнего проживания, что соответствующим образом повлияло и на их русскость, сделав ее палитру гораздо богаче, чем это видится Н. Лебедевой. Кроме того, в историческом контексте идентичность «детей империи», повторюсь, формировалась как надэтническая, а многонациональный состав этих сообществ и их индустриально-урбанистиче-

ский образ жизни давно выветрили те остатки «общинного духа», которые были свойственны их прадедам и прапрадедам — выходцам из крестьянской среды.

Наконец, их язык, будучи неотъемлемой частью культурного наследия страны, пославшей их осваивать свою периферию, до сих пор, несмотря на гонения первых постсоветских лет, *de facto*, пусть не *de jure*, сохранил свои позиции в ключевых сферах общественной жизни стран СНГ и Балтии (несмотря на заметную региональную специфику). «Бесправен, но востребован» — эта формула Юрия Подпоренко, весьма точно, на мой взгляд, отражающая реальный статус русского языка в Узбекистане⁴³, дает представление, пожалуй, о худшем из сложившихся вариантов. Конечно, хотелось бы движения вперед, но не об этом сейчас речь. В большинстве стран ближнего зарубежья, где находятся крупные и компактно проживающие «русские» сообщества, сохраняется возможность пользоваться русским языком в публичной сфере; получать на нем среднее и высшее образование (в Балтии, где положение наиболее сложное — в частных школах и вузах); читать прессу; смотреть российское телевидение (через кабельные или государственные каналы) и пр. Таким образом, ситуация очень далека от той, когда пространство русскоязычного общения сузилось до рамок частной жизни и возникла острая необходимость его расширить за счет «институтов русской общины».

Конечно, русскоязычные пережили шок, но главным образом от потери своего прежнего статуса в республиках, а также, вместе во всем населением бывшего СССР, от безвозвратного ухода в прошлое прежней системы, с ее стабильностью и социальными гарантиями. Веер вставших перед ними насущных проблем оказался гораздо шире, нежели потребности сохранения этнической идентичности, равно как более разнообразными, нежели только «бегство в общину», являются и возможности их решения — на индивидуальном и групповом уровне (в последнем случае консолидация, пусть не принимая массовых форм, совсем не обязательно происходит по этническому признаку).

В интерпретации же Н. Лебедевой русские предстают как люди, проникнутые этно-коммуналистским духом и, если можно так выразиться, этно-озабоченные, а сами институты диаспоры — как замкнутые анклав, некие убежища для консервации русскости. «Идеология» определяет и технологию исследования. Так, социологически некорректным, на мой взгляд, является прямой вопрос об отношении к понятию «русская диаспора» — ответы не могут быть адекватно интерпретированы, поскольку восприятие разными людьми сути этого термина, вызывающего жаркие споры даже в научной среде, остается для исследователя неизвестным. Впрочем, подробных комментариев мы и не находим. Приведем, например, небольшую таблицу с ответами

на данный вопрос респондентов из Эстонии, исследовательница замечает: «Большинство, как мы видим, <относятся> нейтрально и положительно»⁴⁴. Странно, что существенные отличия в реакции на данный вопрос респондентов Эстонии и Казахстана⁴⁵ (настроенных гораздо более скептически) автор никак не объясняет.

И, наконец, проблемы автора с подбором респондентов (см. подр. главу об идентичности разд. III). Поскольку участниками анкетирования она целенаправленно сделала лишь посетителей российского посольства и «русских» организаций, предлагаемую в книге типологию (подтвержденная рабочая гипотеза) нельзя, на мой взгляд, распространять на всех русских жителей обследованных стран. Речь идет о трех следующих группах: 1) «потенциальные мигранты из республики»; 2) «стремящиеся к ассимиляции и отказу от объединения в русскую диаспору»; 3) «стремящиеся к объединению в единую и целостную русскую общину»⁴⁶.

В мою задачу сейчас не входит рассмотрение сложнейшей и по-настоящему еще неисследованной проблемы особенностей, проявлений, динамики и глубины процесса, обозначаемого Н. Лебедевой как «ассимиляция». Но если говорить о представленной типологии «русских», то можно ли исключить наличие такой весомой их группы, которая не нацелена на ассимиляцию в той или иной форме, но и в объятия организаций «русской общины» не торопится? Куда поместить людей, не намеренных становиться похожими на эстонцев, киргизов, казахов, молдаван и пр., но уже неплохо приспособившихся к условиям жизни в Балтии, Центральной Азии и т. д. и выбирающих индивидуальную стратегию адаптации?

Последний момент очень важен, поскольку Н. Лебедева не приняла во внимание общий постсоветский контекст социального развития и имманентную ему тенденцию к индивидуализации жизненной активности личности. Ее стремление «подверстать» уставших от политики, изверившихся в ней и погружившихся в заботы и радости частной жизни людей постсоветской эпохи, пусть даже живущих в Казахстане или Латвии «русских», под узкую и весьма специфическую категорию активистов «русских общин», сильно преувеличивает потенциал не только их этнической консолидации, но и вообще каких-либо иных форм их коллективной деятельности.

В итоге, единственная из предпринятых учеными целенаправленная попытка доказать с полевыми материалами в руках, что русские не могут не быть (и готовы стать) диаспорой — пусть лишь их определенная часть и лишь в перспективе, выглядит малоубедительной. Пока это был спор концептуальный и методологический, а теперь посмотрим на факты. Если судить по убежденности Н. Лебедевой, за годы, прошедшие после ее обследования (середина 1990-х гг.), русские

должны были бы многого достичь на ниве строительства «единой и целостной русской общины», столь необходимой им, по мнению автора, чтобы «остаться русскими». Однако жизнь говорит о другом.

Общественное мнение о «русских организациях»

Мои полевые материалы неминуемо наводят на мысль о том, что существующие «институты русской диаспоры», т. е. созданные обычно по инициативе (или с молчаливого согласия) властей и опекаемые Россией (или стремящиеся к такой опеке) «организации соотечественников» — фонды, национально-культурные центры и т. п., не пользуются большим авторитетом среди рядовых русскоязычных граждан, которые зачастую и не подозревают об их существовании. Исколесив по Киргизии немало километров, мне не раз довелось слышать скептические высказывания о подобных организациях. Для проверки этих наблюдений при опросе русскоязычных Бишкека в 1996 г. выяснялось, слышали ли респонденты о «Славянском Фонде» (СФ) Киргизии и Ассоциации этнических россиян «Согласие» и, если «да», то каково их мнение.

Оказалось, что жизнь людей и деятельность организаций текут каждая сама по себе, по практически не пересекающимся руслам. «Слышали» о «Славянском Фонде» 63,8% опрошенных, «не слышали» — 35,8%. Деятельность «Согласия» — поистине тайна за семью печатями: 80,5% ничего о нем не слышали. Реакция выделенных мной двух групп респондентов («желающих остаться» и «желающих уехать»), стабильно отвечавших на большинство вопросов по-разному, в данном случае была единодушной.

Замечу, эти данные отражают позицию жителей столичного города (где и располагаются названные организации), причем людей трудоспособных, отнюдь не запертых в четырех стенах. Да и сами общества, в первую очередь «Славянский Фонд», не стремятся уйти в тень. Это самая известная в стране организация «русских»; образовалась одной из первых в череде «национально-культурных центров». В 1994 г. Фонд влился в созданную по инициативе Аскара Акаева Ассамблею народа Кыргызстана (АНК), консультативно-совещательный орган (в его составе уже более 30 центров, представляющих различные проживающие в стране этнические группы). Фонд, вместе с другими обществами, размещается в хорошо известном бишкекчанам Доме дружбы («дом с куполом»), бывшем здании Академии наук, расположенном в центре города. С 1992 г. бессменным председателем СФ является Валерий Вишневский — политик публичного уровня, который баллотировался в депутаты парламента; он часто выступает в

киргизстанской прессе, активно контактирует с профильными комитетами Государственной Думы России, с ее организациями «соотечественников». И при всей вроде бы публичности и открытости — такая реакция людей... Что касается «Согласия», то результаты опроса трудно увязать с отчетом ФМС России о положении в Киргизской Республике, где Ассоциация характеризуется как претендующая «на роль объединителя россиян (sic!) в общекиргизстанском масштабе»⁴⁷.

Еще более показательны **мнения** об организациях (преимущественно, в силу большей информированности, о «Славянском Фонде»). По частоте с сильным отрывом лидируют негативные оценки — 49,5% ответов; их смысл сводится к отсутствию конкретных дел, «реальных действий в поддержку славян», к пассивности и бездеятельности на фоне словесной шумихи:

- *много обещают — ничего не делают;*
- *гоняют воздух!;*
- *много слов — мало действий;*
- *ничего не делают для русского населения по защите прав;*
- *пассивный и бессильный, и т. п.*

Были и высказывания, отражающие негативное отношение людей к тому, что исходит «сверху», от чиновников, которым чужды интересы людей:

- *она не работает, как хотелось бы мне; это — тот же госорган;*
- *существуют сами для себя;*
- *чисто формальная организация с чисто соглашательскими позициями;*
- *формальное отношение к людям;*
- *конъюнктурная организация;*
- *живет интересами в свою пользу, нет толка,*
- *скорей в этой организации люди преследуют свои личные цели, и т. п.*

На втором месте (35,1% ответов) — малоинформативные, расплывчатые оценки, по сути, увеличивающие долю респондентов, не знакомых с работой организаций («толком ничего не знаю», «слышать — слышал, видеть — не видел», «кроме названия, больше ничего не слышно», «я не знаю их функций» и т. п.).

В третьей по частоте группе ответов (15,4%) превалирует просто фиксация того, чем, по мнению людей, заняты организации. Разброс тут очень велик, что отражает реальные трудности поиска СФ наиболее адекватной для себя функциональной ниши:

- *пока он действует слабо, помогает только пенсионерам и особо нуждающимся;*

- «Славянский Фонд» Киргизии помогает уезжать в Россию;
- кажется, помощь гуманитарную дают;
- сохранение культурных традиций;
- объединяет всех славян, особо нуждающимся помогает;
- знаю только то, что с их помощью можно уехать в Россию, и т. д.

Лишь единичные и очень неконкретные ответы содержали положительную оценку: «нужная ассоциация», «наверное, хорошая организация».

Судя по ответам респондентов на аналогичные вопросы в 1998 г., их позиция принципиально не изменилась. Если говорить об информированности, «слышали» о СФ 51,2% опрошенных, «не слышали» — 48,8%; соответственно, о «Согласии» 15,8 и 84,2%. Кстати, примерно такую же осведомленность выявило обследование Фонда «Сорос-Кыргызстан» (2002 г.). Так, отвечая на вопрос: «Есть ли в Вашем населенном пункте организации, представляющие интересы Вашего народа?», опцию «да» выбрали 52,9% русских Бишкека, и это наивысший показатель, поскольку жители столицы имеют больший доступ к информации и возможность личных контактов с представителями находящихся там (и, как правило, «головных») «русских» организаций. В Чуйской, Ошской и Баткенской областях, соответственно, «да» ответили 25,9, 28,1 и 10,0% русских респондентов. Выделяется Джалал-Абадская область (46,4%)⁴⁸, где с первых лет независимости работает организация «Славянская диаспора», возглавляемая Валерием Улеевым.

Если, возвращаясь к моему опросу 1998 г., говорить об оценках, на первом месте (43,1%) по-прежнему оказались негативные высказывания той же тональности, фиксирующие либо бездеятельность организаций, в основном опять СФ («декоративный фонд»), либо их стремление «тянуть одеяло на себя». Зато на втором месте, с небольшим отрывом (37,5%) те, которые описывали направления деятельности той или другой структуры либо содержали положительную оценку их работы (таких ответов было 10 из 72). «Расплывчатых» высказываний стало меньше (19,4%). Видимо, можно сделать вывод о том, что, хотя уровень осведомленности людей, как минимум, не вырос, улучшилось ее качество («слышавшие» об организациях чаще могли высказать конкретное суждение о них, правда, не более лестное, чем двумя годами раньше).

Отвлекаясь от того, каково будущее этих объединений, помогающих России (возможно, неосознанно) создавать или укреплять имидж «родины», можно с большой вероятностью предсказать, что при подобном отношении населения они вряд ли смогут претендовать на роль институциональной базы диаспоры, порожденной «состоянием души» ее членов.

В унисон позиции рядовых граждан звучат и мнения экспертов, не связанных с официальными институтами «соотечественников» — как правило, людей более информированных и тоньше чувствующих сложный социально-политический фон, на котором в Киргизии развиваются сами «русские» организации, а также формируются массовые установки и поведенческие стратегии. В данном случае, поскольку при цитировании упоминаются конкретные персоны, я не указываю фамилий экспертов (хотя никто из них не просил о конфиденциальности). И вообще считаю необходимым отметить, что приведенные в данной части главы оценки различного авторства, как и мои собственные рассуждения, **служат анализу социальных феноменов в определенном социально-политическом контексте**, но никоим образом не выражают моего или чьего-либо отношения к конкретным людям или их действиям.

Итак, слово экспертам.

«Относительно формальных объединений русскоязычного населения в Кыргызстане... Когда эти организации образовывались, это было в период суверенизации республик, в том числе и Кыргызстана, одновременно с этим всплыли на поверхность и киргизские национальные организации, “Атамекен”, ДДК, в которые ринулись те, мне не хотелось бы грубо выражаться, но это даже не убежденные националисты, а авантюристы от политики, которые на волне этой политической остроты хотели сделать какую-то карьеру. То же самое и “Славянский Фонд”. Он немножко подмочил репутацию тем, что начал на эмиграции русских делать себе деньги. Это не те организации, которые занимаются этническим или культурным сплочением диаспоры. Абсолютно. И я даже не знаю, смогут ли они это делать. В какой-то мере они так и остались неким доморощенным филиалом миграционной службы. Ассоциация же “Согласие” очень политизирована. Отличие же Кыргызстана, кстати, от России заключается в том, что население здесь аполитично, оно аполитичнее, чем в России, на несколько порядков. Мы измеряли отношение людей к различным партиям, и там получалось так, что больше всего сторонников имеет коммунистическая партия, но это число сторонников равно 7% всего лишь... Для того же, чтобы появилось влияние у русскоязычных организаций, нужно, чтобы они отказались от своих политических амбиций... На депутатстве, кстати, тоже делают бизнес. Я не знаю, Вишневский депутат или нет, но такие стремления есть...» (октябрь 1996 г.).

«А то, что эти образовавшиеся в период бурных преобразований диаспорические, что ли, институты — они однозначно не имеют будущего. Потому что они на себе несут этот налет — административно, сверху... Сами инициаторы этих всех диаспор, этих всех институтов, они,

скажем так, и для людей не совсем надежны, потому что они пришли оттуда, из административно-командной системы, сюда перекинулись; у них самих менталитет такой, что они не могут действовать по-другому, так, как нужно людям здесь, понимаете? Там идут какие-то свои аппаратные игры, а то, что диаспора должна какой-то культурный и бытовой слой интересов людей отражать и защищать, об этом забывают...» (сентябрь 1998 г.).

«Вообще, у нас этих национально-культурных центров свыше 30. Но, к сожалению, функционеры, которые там работают, не всегда болеют за интересы своей этнической группы... И очень часто этот портфель нужен им для каких-то своих моральных или материальных преимуществ. Чтобы выбираться на какие-то административные посты, в парламент. И это касается не одних только этнических русских. Это касается многих других» (сентябрь 1996 г.).

«Общая какая-то апатия охватывает значительную часть населения, что вполне адекватно такой же ситуации и в России. А если именно говорить о русскоязычном населении, то, может быть, это связано с тем, что русские, которые проявляют активность здесь в национальном плане, они как-то одиозны либо по прошлому, либо по своим каким-то симпатиям... Со словом “казак” связаны здесь всякие негативные ассоциации... Что касается русскоязычных организаций, то здесь, как и везде, все зависит от конкретных людей. “Славянский Фонд” ничего, Вишневецкого характеризуют как человека более-менее приличного... Раньше он содействовал миграции, сейчас он содействует преподаванию русского языка и литературы. Но и сейчас они там консультируют уезжающих... А многие даже не знают о существовании этой организации» (октябрь 1996 г.).

Н. И последний вопрос — Вы слышали про ассоциацию этнических россиян “Согласие”?

Р. (респондент). Я слышал о ней, но я не знаю, и организацию Вишневецкого тоже, вот здесь она функционирует... Я так думаю, к сожалению, в нашем “Славянском Фонде” собираются люди, которые пытаются на этой почве сделать собственную карьеру. Это тоже тупиковый путь. Я считаю, если существуют такие организации, они должны существовать для людей, которые здесь живут, они должны проявлять какую-то активность, а не просто быть на бумаге, каким-то формированием, которое живет на членские взносы, а чем живет — никто не знает. А Вишневецкий — это то же самое, понимаете, не знаю, он тоже делает, наверное, свою карьеру... мало очень активности...

Н. Вы ее не ощущаете?

Р. Мало, мало активности; я больше ощущаю диаспору там турок или уйгуров...

Н. По публикациям?

Р. По всему, они более активно работают в отношении сплавивания населения...» (октябрь 1996 г.).

Очень важные аспекты деятельности «русских» организаций и других этнических объединений затронула Замира Сыдыкова (18.10.96):

«Н. К. А как, кстати, в газете затрагивается деятельность двух наиболее известных организаций — “Согласие”... знаете про Ассоциацию “Согласие”?

З. С. Да.

Н. К. ...и “Славянский Фонд”.

З. С. Знаете, им характерно то, что характерно практически всем нашим политическим объединениям. Это расколы, внутренние какие-то раздраи, они там амбиции лидеров, которые претендуют на что-то там... Потом их разъединяет позиция относительно правительства и президента. То есть, если “Славянский Фонд” оппозиционный, то “Согласие” как раз специально создано под президента... я знаю, как создавалось “Согласие”, и как оно дальше вело себя... я могу Вам сказать, что нет никакой совершенно обратной связи...

Н. К. ...нет базы, сети...

З. С. Да, да, да... это буквально люди, чей телефон есть в аппарате президента, по случаю там каких-то мероприятий собирают... А если говорить про Фонд, вот первый “Славянский Фонд”, бывший, его возглавил <фамилия>, слышали, да?

Н. К. Конечно.

З. С. ...вот он действительно занимался вывозом. Более того, он зарабатывал на этом деньги. Вы знаете, да?

Н. К. Конечно, а потом он уехал.

З. С. Да, и уехал. Что касается Вишневого, то он поступил по-другому. Он поехал в Россию, у него там контакты... Вы знаете, что у Ельцина существует программа о поддержке русскоязычного населения...

Н. К. Но она на бумаге...

З. С. Да, как и все у нас, впрочем... А что у нас не на бумаге?

Н. К. Там есть Совет соотечественников при Думе, он участвует...

З. С. Да, он там тоже как-то участвует, как-то в общем эту связь проводит, и наверняка чувствует тот пульс, ну, состояние, держит руку на пульсе, что происходит вообще... Он нормальный человек, кстати, Вишевский, я очень хорошо к нему отношусь...

Н. К. Понятно. А в связи с этим... он реально опирается на какое-то большое количество людей, охватывает его деятельность, как Вы считаете?

З. С. *Мне сложно сказать. Я думаю, что “Славянский Фонд” сейчас, пожалуй, единственная организация, куда ходят, продолжают ходить... люди, ну, русские...».*

И еще один отрывок — ответ на мой вопрос о том, как оппозиционность газеты и ее главного редактора воспринимается обычными людьми, насколько она для них привлекательна или наоборот, отпугивает:

«З. С. *Да, я Вам скажу, такая наша оппозиционность для славянского населения, если Вас интересует конкретно, и вообще для... национальных диаспор небольших...*

Н. К. *Меньшинств...*

З. С. *Меньшинств... Они к нам всегда очень осторожные были, не идут с нами на контакт, только то, что мы сами отслеживаем, смотрим со стороны... Вот Вишневский — да, потому что он больше оппозиционер, так скажем. Я считаю, у нас что-то есть общее.*

Н. К. *Оппозиционер по отношению к властям?*

З. С. *Да, да, да, поэтому он очень охотно шел на контакт с нами... Все эти национальные, маленькие, объединения, как они там называются, они же все время ходят к президенту на поклон. Уйгуры, дунгане, даргинцы, чечены, кто там, украинцы совсем немножечко... Они же все время ходят к президенту, их же всего там, вот они выберут себе председателя, для чего, для того, чтобы он лоббировал, и все. Они выбирают, как правило, побогаче, у кого есть деньги, кто вхож... кто был когда-то депутатом, не случайного человека, потому что знают, что он вхож, чтобы лоббировать. Одному там надо столовую приватизировать, другому землю под фермерское хозяйство, третьему еще что-то. Ну зачем пойдут к нам? Понимаете? Они к нам не придут, они не хотят быть с нами замешаны в каких-то связях. И всё, интересы на самом деле их... диаспор, общин, они мне остаются... И потом народ начинает, теперь народ начинает к нам идти, вот так потихонечку, случайно, не специально, говорят, да, Вы были правы, а мы Вас не слушали, и на президентских выборах, и на депутатских, и на всяких таких...*

Н. К. *А к русским это относится?*

З. С. *И к русским относится. Это в первую очередь относится к русским. А остальные вообще менее активны».*

Характерно, что З. Сыдыкова, активно действующий политик (в отличие от остальных экспертов), причем находившийся в оппозиции к власти, оценивает «русские» организации в первую очередь по их пригодности на роль соратников по борьбе. Ею поставлен также очень актуальный, в том числе и для России, вопрос о том, насколько цели лидеров «диаспор» отвечают интересам рядовых членов этих сообществ.

Братство «по крови» или по убеждениям?

В массиве названных выше разноплановых причин отстраненности людей от своих защитников (в лице формальных институтов «диаспоры») маячит еще одна, имплицитно присутствующая в высказываниях как обычных людей, так и экспертов. На примере «Славянского Фонда» — головной организации, представляющей интересы «соотечественников» в Киргизии, хорошо видны нечеткость целей его деятельности и такая же аморфность объекта опеки. Недаром респонденты, пытаясь вспомнить, что они знают о Фонде, перечисляли разноплановые функции, являющиеся к тому же одновременно «зоной ответственности» и российского посольства, и местного представительства Федеральной миграционной службы, а разные эксперты упрекали Фонд то в чрезмерном увлечении политикой, то, наоборот, в пренебрежении этой важнейшей работой. Во время нескольких встреч с В. Вишневым я задавала ему вопрос о целях и задачах Фонда, но ответ всегда звучал в одной тональности: «мы делаем то, что нужно людям». Вот фрагмент одного из интервью (15 октября 1996 г.):

«В. В. Наша цель — понять человека и <поступить> в зависимости от того, что он хочет... Вот придут ко мне сто человек; из ста 90 хотят уехать, а десять остаться. Значит, наша задача — вот этим 90 помочь. Придут 90, которые захотят остаться, а десять уехать, значит, соответственно...»

Н. К. То есть вы действуете по ситуации...

В. В. Совершенно верно. Но, понимая, что один переезд — это два пожара, мы стараемся сохранить здесь такую атмосферу, которая бы не заставляла, не вынуждала к отъезду...»

На первый взгляд, подобный подход, идущий от «нужд человека», можно только приветствовать как отвечающий гуманитарной идее. Однако, если вдуматься, это просто пассивное движение по течению — «куда вынесет», работа без четкой программы, иерархии целей, продуманной повестки для переговоров с властями Киргизии и учреждениями, представляющими «родину». И еще по поводу высказывания В. Вишневого: если более-менее понятно, как можно конкретно помочь выезжающим, то в случае остающихся все опять очень туманно. «Стараемся сохранить атмосферу, которая бы не вынуждала к отъезду» — формулировка крайне расплывчатая, многое тут вообще вне (или почти вне) компетенции подобных организаций (например, вопросы, требующие переговоров между Киргизией и Россией, принятия межгосударственных решений) либо просто им не по силам в принципе, если действовать в одиночку (например, когда люди уезжают из-за ухудшающейся экономической ситуации, что, собственно, и

имеет место в течение последних лет). Кроме того — очень важный момент — в решении такого рода задач заинтересовано все население, а «Славянский Фонд» при этой постановке опять лишается своей индивидуальной функциональной ниши. Рассуждая аналогично, Фонд не может претендовать и на нишу защиты прав человека (будучи вынужденным в данном случае делить ее как минимум с тремя «неэтническими» организациями), поскольку это универсалистская концепция, не привязанная к национальности.

Вызывает вопросы и культурная составляющая деятельности Фонда, поскольку, как уже неоднократно говорилось выше, русский язык, культура и образование не являются в большинстве стран ближнего зарубежья, а в Киргизии в особенности, ценностью лишь так называемых этнических русских, которую надо хранить и возрождать в заповедниках «русских общин». Конечно, здесь все далеко не безоблачно, но в улучшении ситуации опять же объективно заинтересованы далеко не только русские и русскоязычные. Возможно, поддержка русского культурного пространства — с помощью России, в самых разнообразных формах и с самым широким набором адресатов, и могла бы стать наиболее благодарной функцией Фонда и подобных организаций — и с гуманитарной точки зрения, и исходя из российских национальных интересов. Но как согласовать эту идею с видением (по крайней мере, из Москвы) в роли таких адресатов «этнороссиян», «русской диаспоры», «русских общин» и т. п.?

Некоторые наблюдения последних лет говорят о том, что подобный подход пробивает себе дорогу. В частности, по словам советника российского посольства Бориса Зайцева (1.09.99), «их [«Славянского Фонда». — Н. К.] главным коньком все больше становится развитие русской культуры; это не какие-нибудь ряженые или крашенные яйца, и не просто разовые мероприятия. Вот в Кара-Балте, например, в Доме культуры многие кружки работают, киргизы тоже с удовольствием в этом участвуют».

Если вернуться к теме диаспоры, контрастной формой институциональной активности, более приближенной к диаспоральной, служит работа центров, представляющих некрупные по численности группы, язык и культура которых сохранились в основном в рамках семьи (если вообще не утеряны). Такова, например, деятельность Белорусской общины «Свитанок» и Украинского национально-культурного центра «Берегиня». Туда приходят (в основном пожилые люди), чтобы пообщаться на родном языке, послушать песни, почитать газеты, книги, привезенные с родины; идут в надежде на помощь и просто сочувствие знакомых, друзей. По словам Владимира Нарози, председателя «Берегини», цель центра — «научиться жить в условиях диаспоры», искать и поддерживать «сознательные проявления украинской жизни»,

не стремясь решать при этом «политические и миграционные задачи» (интервью автору, 12 октября 1996 г.).

Итак, происхождение «русских организаций», отношение к ним обычных людей, размытость целей и объекта попечительства (если вдуматься, то клише, которыми пользуется В. Вишневский, например, «славянская община» и «этнические россияне» — вещи взаимоисключающие), — плохо укладывается в институциональную модель диаспоры. Я полагаю, это не случайно, поскольку **стимулы к этнической консолидации с опорой на родину** и к соответствующим совместным действиям для русскоязычных в Киргизии **существенно слабее**, нежели для **сплочения «по убеждениям»** с теми, кто их разделяет, независимо от этнического происхождения. Политическое размежевание органично дополняет картину расслоения по экономическому и социокультурному признаку, которая была очерчена в предыдущих главах. «Киргизы так же несчастны, как и мы» — такими словами прокомментировал мой рассказ об отношении людей к «русским» организациям историк Владимир Мокрынин. Один из главных водоразделов в обществе проходит не по линии «русскоязычные — титульные», а по линии «власть — оппозиция» (в широком, а в не узкополитическом смысле), в рядах которой представители всех населяющих страну групп, включая и титульную.

Примеров такой надэтнической деятельности довольно много. Именно это, кстати, имела в виду З. Сыдыкова во втором отрывке, рассказывая, как в газету «потихонечку» потянулись люди разных национальностей, недовольные тем, что происходит в стране. По свидетельству одного из ближайших сподвижников Феликса Кулова, в созданной этим ранее опальным политиком партии «Ар-Намыс» («Достоинство»), одной из самых популярной в ряду тех, что оппонировали А. Акаеву, состояло около 40% русскоязычных, включая и предпринимателей, оказывавших партии материальную помощь.

Заметную роль в общественной жизни республики играет созданное в 1996 г. Лидией Фомовой «Общественное объединение социальной защиты населения» (ООСЗН). Оно начиналось по классическому сценарию, известному на Западе как «*grass-root activity*», когда несколько неравнодушных людей объединяются и начинают стучаться во все двери, ища себе единомышленников. Первоначальным стимулом к действию стала проблема сугубо социальная — существенная разница в пенсиях, начисленных до и после 1994 г. (из-за перехода страны на свою валюту в 1993 г.) и поставившая тысячи пенсионеров на грань выживания. Как пишет Л. Фомова, «устав от такой жизни, пенсионеры г. Бишкека со своими списками и требованиями (4500 человек из Ленинского района) ...обратились в Кыргызский Комитет по правам человека, к его председателю Р. О. Дырылдаеву, за помощью.... Здесь

нас ознакомили со Всеобщей декларацией прав человека и разъяснили статью 16 Конституции КР. Тогда мы поняли, что объединившись в организацию, сможем многого добиться»⁴⁹. Были созданы филиалы в регионах, занимающиеся социальной защитой неимущих, и работают в них люди разных национальностей. В дальнейшем, опираясь на поддержку депутатов, политиков, правозащитников — естественно, не только и не столько русских, а тех, кого беспокоило бедственное положение пенсионеров, разгул коррупции и пр., — организация не только добилась решения ряда конкретных проблем, связанных с пенсиями и льготами для стариков, но и перешла к политическим действиям. Организовывались пикеты в поддержку преследуемых властями журналистов и политиков; члены организации участвовали в акциях протеста по поводу судебного процесса над Ф. Куловым и пр.

Особо надо сказать о печатных СМИ, которые, несмотря на перманентно сложные отношения с властью, весь период пребывания у власти А. Акаева оставались, на мой взгляд, самыми свободными в регионе (а после смены режима весной 2005 г. с них спали и прежние оковы). Я слежу за ситуацией в этой области с 1992 г., когда З. Сыдыковой была основана газета «Res Publica», существующая до сих пор, несмотря на временные закрытия и преследования многих журналистов. С того времени в сфере печатных СМИ произошло много бурных событий. Одни газеты ушли со сцены безвозвратно, другие держатся и даже процветают; появилось много новых изданий; существуют, естественно, и газеты проправительственной ориентации. Но невзирая на все пертурбации, коллективы русскоязычных газет по обе стороны баррикад были и остаются интернациональными по своему составу. В контексте наших рассуждений это особенно важно потому, что в небольшой стране с бурлящей политической жизнью ведущие журналисты становятся, по сути, и публичными политиками.

Из всех стран Центральной Азии в Киргизии, на мой взгляд, сложились условия, в наибольшей степени способствующие развертыванию такого сценария низовой политической/гражданской активности, который трудно назвать диаспоральным. Естественно, при этом надо учитывать, что речь идет о предпочитаемой модели поведения для тех людей, которые в принципе готовы «высовываться», а их в любом обществе не очень много. Во-первых, стране (речь о президентстве А. Акаева) был присущ относительно мягкий авторитаризм и слабый контроль властей над обществом, по сравнению, скажем, с Казахстаном, где режим управляет более твердой рукой⁵⁰ (понятно, что о каком-либо легальном политическом протесте в остальных трех государствах региона речь вообще не идет). Во-вторых, экономическое положение все последние годы прогрессивно ухудшается: как известно, ситуация обратного типа могла бы, при прочих равных условиях,

способствовать «умиротворению» как населения, так и политической оппозиции. В третьих, в Киргизии, совершившей в 2000 г. прорыв на языковом фронте (придание официального статуса русскому языку на конституционном уровне), слабо действует (если действует вообще) важнейший стимул консолидации по этническому (этнокультурному) признаку — борьба за сохранение русскоязычного культурного пространства.

Наблюдающийся в Киргизии в конце прошлого — первой половине текущего десятилетия расклад политических сил и социально-экономическая динамика свидетельствуют о **доминировании общенациональных стимулов к действию над этническими**. Имеются в виду разгул коррупции, распространение бедности, неэффективная социальная политика, клановость, и т. п., а ранее — периодически обострявшаяся угроза свободе слова. На данной платформе происходило, и происходит уже при новом руководстве, сближение различных оппонирующих власти сил. И те русскоязычные, которые считают нужным участвовать в таком оппонировании делом, выступают как **граждане страны, а не как представители конкретной этнокультурной или этнической группы**.

Но и в сознании лишь наблюдающего за политическими баталиями большинства иерархия жизненных трудностей выглядит аналогичным образом, что тоже дает важную пищу для размышлений по поводу степени реализованности «диаспорного проекта». По мнению людей, принявших участие в опросе Фонда «Сорос-Кыргызстан» (2002 г.), «большинство проблем, стоящих на сегодняшний день перед их этническими группами, во многом схожи с теми, что возникают и у представителей других национальностей. 74% опрошенных высказались именно так, и лишь 7% отмечают наличие специфических проблем, которые возникают только перед их этнической группой». Опцию «проблемы во многом схожи» чаще всего выбирали русские (69,7% в Бишкеке, 70,4 — в Чуйской и 74,4% в Иссык-Кульской областях, где проживает основная масса русских и русскоязычных), а также киргизы, дунгане, корейцы и уйгуры. А на «специфичность» проблем чаще указывали более закрытые, по мнению экспертов Фонда, группы — турки (11% опрошенных) и таджики (16%)⁵¹. В качестве «общих» проблем чаще всего, по всему массиву опрошенных, назывались следующие: безработица (37,3%); финансовые трудности (22,7); кризис в стране (9,1); бедность (6,4); социальная незащищенность (4,7%). В разряд «особых» проблем попали эти же самые, а также «ущемление по национальному признаку», которое беспокоит сильнее всего дунган (40% от всех отметивших опцию «у нашей этнической группы есть специфические проблемы»), таджиков (25%), русских (20%) и узбеков (14,3%)⁵².

На фоне такого восприятия ситуации неудивительно, что люди начинают «крутиться» и сами решать свои проблемы, причем вне рамок этнических «квартир». О росте низовой гражданской активности говорил еще в 1998 г. Владислав Потоцкий (23.09.98):

«В. П. Гражданское общество создается из того, что есть. Вот эти попытки с Запада принести, они не имеют никаких перспектив в этом смысле. Ну, создаются эти самые НПО, которые живут на гранты западные...»

Н. К. ...а потом сразу начинают чахнуть. Возникают иждивенческие настроения у людей...

В. П. Потом чахнуть начинают. Не приживается то гражданское общество... А вот люди, которые самообеспечиваются, они делают это своим путем, своими методами, вот миграция, вот коммерция, которая на каждом шагу, какие-то элементы восстановления самоуправления и т. д. Они реанимируются как раз под действием этих самых экономических условий, которые ухудшаются... он <процесс> позитивный даже в двух отношениях; во-первых, сколько можно ждать? Во-вторых, идет оживление гражданской активности... люди начинают уже понимать, что нечего ждать милости от государства, надо чего-то делать самим...».

По словам эксперта Фонда «Сорос-Кыргызстан» Нины Багдасаровой (август 2003 г.), ее многочисленные поездки по стране показывают, что усилия людей к объединению для решения своих проблем («надо колодец в селе построить — значит, построим») очень заметны в глубинке, причем вне связи с национальностью. В этом она видит проявление активно развивающегося в Киргизии гражданского общества, в условиях, когда государство совершенно устранилось от заботы о людях.

Отмечу в заключение, что Киргизия, с демонстрируемой ею неэтнической моделью гражданской активности русскоязычных и их отношением к институтам «диаспоры», отнюдь не уникальна на фоне остальных бывших республик. В недавних работах можно прочитать о соперничестве различных «русских» организаций в Крыму и их незначительном влиянии на население⁵³; о партийных пристрастиях русских в Эстонии⁵⁴ или о том, что в Казахстане даже эксперты, в том числе и русские, недостаточно, на мой взгляд, осведомлены о существовании «русских» организаций (в частности, 71–61% экспертов разных национальностей назвали давно созданное славянское движение «Лад», а о других «институтах диаспоры» упомянули всего 46% (44% — казахи), 25 (26%) и еще меньше опрошенных (1999 г.)⁵⁵. Интересные данные и выводы можно найти в статье Игоря Савина. Судя по результатам опроса 50 представителей русской элиты Казахстана, они, за исключе-

нием самих активистов «русских» организаций, не очень стремятся к сотрудничеству с последними; не считают, что «русская община в Казахстане существует», и не вполне согласны с тем, что права русских в этой стране необходимо защищать через «специальные организации»⁵⁶.

Взгляд на «русские общины» и работу их лидеров из России, пусть лишь на публицистическом уровне, тоже стал к концу 1990-х гг. более критически-аналитичным⁵⁷, а призывы осторожнее (в частности, на уровне официальных формулировок) обращаться с данным сюжетом, и так без меры политизированным, можно было услышать еще раньше⁵⁸.

Однако приведенные только что примеры — пока все еще взгляд «от противного». Крайне необходимы и новые исследования — с иным «фокусом», уже не нацеленные, как прежде, лишь на поиск «общинных», формализованных и российско-ориентированных проявлений активности русскоязычных. Иначе наша общественность, политики и ученые будут и в будущем располагать лишь суженным набором сведений, поступающих от «русских» организаций. Достаточно ли этого для многоплановой, объективной оценки ситуации? Для кого-то это вопрос, увы, риторический, как для Виктора Михайлова, в прошлом активиста одной из таких структур в Казахстане. Отвечая на одном из семинаров на критику Алексеем Собяниным принципов работы Института проблем СНГ, он сказал: «В действительности это единственный институт в России, который держит руку на пульсе всей русской диаспоры. У него есть постоянная связь со всеми российскими (sic!) общественными организациями в ближнем зарубежье [показательная оговорка — разве объединения с участием “русских” в странах их проживания могут и должны быть только российскими? Или оратор действительно в это верит? — Н. К.]. Они и дают сведения, которые институт обобщает»⁵⁹.

* * *

Итак, мы пытались показать, что о диаспоре-«состоянии души» по отношению к русскоязычным можно пока говорить как о **вероятной перспективе**, но не о **сложившейся реальности**. Кусочки мозаики, а в этой роли выступали возможно-диаспоральные формы поведения людей и восприятия ими своей жизни в постсоветском государстве, в нашем калейдоскопе (вспомним детскую игрушку) никак не складываются в искомую диаспору. И все же, хотя негативный результат в науке — тоже результат, сделанный вывод представляется недостаточным. На мой взгляд, «мозаика» не складывается потому, что в ней при-

сутствуют элементы, чужеродные для диаспоры, но «родные» для другой интеграционной модели развития русскоязычных сообществ — а именно, для **«автохтонного проекта»**. Эту перспективу мы рассмотрим в следующей, итоговой главе книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подр. см.: *Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora. A Journal of Transnational Studies. University of Toronto Press, 1991. Vol. 1. № 1.* Предложенная в данной статье модель описывается автором с помощью шести признаков. Впоследствии она была расширена до восьми (эта версия изложена на русском языке в.: *Абрамян Л. Армения и армянская диаспора: расхождение и встреча // Диаспоры. М., 2000. № 1–2. С. 72.*)
- ² См. главу 5 разд. I (с. 272, 277) и главу 1 разд. III (с. 388–397).
- ³ Кроме работ, проанализированных ранее, хочу обратить внимание читателей и на следующие статьи: *Рябчук М. Кто самая крупная рыба в украинском пруду? Новый взгляд на отношения меньшинства и большинства в постсоветском государстве // Диаспоры. 2002. № 2; Горохов С., Лийметс А. Об идентичности национальных групп жителей Эстонии (ситуация в Нарве) // Диаспоры. 2003. № 4.*
- ⁴ Русские. Этносоциологические очерки. Отв. ред. Ю. В. Арутюнян. М., 1992. С. 52.
- ⁵ На примере Эстонии эта тенденция отчетливо видна на материалах достаточно «свежего» обследования Трийн Вихалемм и Ану Массо (см.: *Вихалемм Т., Массо А. Динамика идентичности русских Эстонии в период постсоветских трансформаций // Диаспоры. 2003. № 2.*)
- ⁶ *Волос А. Хуррамабад. М., 2000. С. 364.*
- ⁷ Там же. С. 383.
- ⁸ Там же. С. 360, 371. Такое восприятие оставляемого героем «своего» мира органично дополняет его отношение к России. *«Он плохо представлял себе, что такое Россия. Нет, слово такое существовало всегда — и даже когда Союз... и раньше... наверное... Слово было, но за ним не вставало ничего, кроме картинки то ли из букваря, то ли из другой детской книжки: облака, лужок, коровки, тихая речушка вдалеке...» (Андрей Волос. «Хуррамабад». М., 2000. С. 361).*
- ⁹ Там же. С. 387.
- ¹⁰ *Тишков В. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. 2003. № 2. С. 169.*
- ¹¹ *Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. М., 2000. № 2. С. 48.*
- ¹² Данные обследований вынужденных переселенцев приведены, в частности, в главе об идентичности разд. III (с. 389–391).
- ¹³ Тому, как и почему это происходит, посвящена статья Хилари Пилкингтон и Мойи Флинн, написанная на материалах обследования переселенцев в Поволжье и в Орловской области (см.: *Пилкингтон Х., Флинн М. Чужие на родине? Исследование «диаспоральной идентичности» русских вынужденных переселенцев // Диаспоры. 2001. № 2–3.*)
- ¹⁴ *Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры... С. 48.*
- ¹⁵ *Safran W. Diasporas in Modern Societies... P. 84.*
- ¹⁶ Подр. см. главу об идентичности разд. III (с. 381–383).
- ¹⁷ См. там же, с. 383, а также главу 5 разд. I (с. 270).
- ¹⁸ Полностью соответствующие таблицы приведены в главе 2 разд. I.
- ¹⁹ Проект назывался «Определение подходов к активизации общественной и гражданской позиции этнических групп в рамках общего развития Кыргызстана». Руководитель рабочей группы — М. Глушкова; исследовательская группа: Н. Багдасарова,

- С. Куклин, А. Захарова, Ю. Алешкина, З. Дербишева; эксперты: А. Брудный, Е. Шербакова, Т. Третьякова.
- ²⁰ Отчет по проекту «Определение подходов к активизации...». С. 12.
- ²¹ Там же. С. 13. Здесь необходимо сделать важное методологическое пояснение. В данном случае и далее, когда приводятся результаты двух и более опросов с различным авторством, я не ставлю своей целью сравнивать конкретные проценты, делать выводы о динамике мнений и пр. Это было бы некорректно, поскольку (если обратное не указано), формулировки вопросов и предлагаемый респондентам набор «закрытий» у разных исследователей обычно различаются, даже если вопросы касаются одной и той же темы. Речь может идти лишь о выявлении (верификации) определенного тренда в массовом сознании.
- ²² На мой взгляд, ответы по Киргизии выделяются своим «позитивом» по той причине, что положение русскоязычных в стране стабилизировалось и даже улучшилось по сравнению с первой половиной 1990-х гг., и в сознании респондентов это могло как-то сопрягаться с деятельностью России.
- ²³ *Barrington L. Rethinking the Triadic Nexus: External National Homelands, International Organizations and Ethnic Relations in the Former Soviet Union. A paper prepared for the 1999 annual convention of the Association for the Study of Nationalities. N. Y., April 15–17, 1999. P. 37.*
- ²⁴ Здесь и далее — процент от совокупности ответивших; сумма не равна 100%, поскольку некоторые респонденты давали разноплановые ответы, попавшие при кодировании в различные рубрики.
- ²⁵ Те ответы (8,0%), которые демонстрируют различные составляющие гражданской идентичности, направленной на страну проживания (Киргизию), проанализированы в главе об идентичности разд. III.
- ²⁶ *Safran W. Diasporas in Modern Societies... P. 84.*
- ²⁷ *Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры... С. 50.*
- ²⁸ В двух моих выборках (более 600 человек) нашлся лишь один респондент, многократно и очень эмоционально выражавший при ответе на различные вопросы анкеты свою привязанность к России (например, свое желание перебраться туда он объяснил так: «Хочу активно участвовать в судьбе, благе и славе моего отечества — России, именно России и только России!»).
- ²⁹ *Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры... С. 52.*
- ³⁰ Вот как описывает работу этой «системы» Ариф Юнусов на примере московских азербайджанцев (фрагмент интервью): «Мы стараемся помочь друг другу. Когда получаем вести из Азербайджана, стараемся реагировать. Скажем, если у кого-то на родине умер родственник, мы узнаем об этом порой раньше, чем родственники покойного в Баку и в тот же день быстро собираем деньги и через кого-то из земляков посылаем. Однажды получили письмо от нашего учителя с просьбой отремонтировать школу. Быстро собрали деньги и поручили надежному человеку не только донести, но и проконтролировать ремонт. Теперь крыша школы не протекает» (Юнусов А. Азербайджанцы в России — смена имиджа и социальных ролей // Диаспоры. 2001. № 1. С. 124).
- ³¹ *Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры... С. 53.*
- ³² *Melvin N. J. Russians: Diaspora and the End of Empire // Nations Abroad. Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union. Ed. by Ch. King and N. J. Melvin. Boulder, CO, Westview Press, 1998. P. 34.*
- ³³ *Smith G. Transnational Politics and the Politics of the Russian Diaspora // Ethnic and Racial Studies. L., 1999. Vol. 22. № 3. P. 508.*
- ³⁴ *Barrington L. Rethinking the Triadic Nexus... P. 1.* Есть и третий пункт, по которому этот автор не согласен с Р. Брубейкером. Последний фактически выпустил из виду элемент, влияние которого на исход взаимодействия сторон «треугольника» во многих случаях трудно переоценить — международные организации (там же, с. 2). Главным образом тут имеются в виду попытки Запада смягчить жесткую позицию Эстонии и Латвии, занятую по отношению к своему русскоязычному населению.

- ³⁵ Читатель найдет эти данные в главе об идентичности разд. III (с. 391–392).
- ³⁶ *Barrington L. Rethinking the Triadic Nexus...* P. 9. Вслед за Л. Баррингтоном хочу отметить, как и он, «справедливости ради», что сам Р. Брубейкер, в отличие от своих последователей, не идет настолько далеко, чтобы постулировать факт восприятия «внешней родины» меньшинствами в качестве «единственной и неповторимой». Он скорее подчеркивает, что в первую очередь ее элиты проталкивают подобные идеи (там же, с. 7).
- ³⁷ Подр. см.: *Градировский С.* Россия и постсоветские государства: искушение диаспоральной политикой // *Диаспоры.* 1999. № 2–3. С. 49–50.
- ³⁸ Там же. С. 49.
- ³⁹ *Al-Haj M. Ethnic Mobilization in an Ethno-National State: the Case of Immigrants from the Former Soviet Union in Israel // Ethnic and Racial Studies.* 2002. Vol. 25. № 2. P. 239. Здесь же приводится довольно обширная библиография на данную тему.
- ⁴⁰ При ближайшем рассмотрении даже тот случай, который рассматривается Маджидом Аль-Хаджем как подтверждение описанной им закономерности (поведение «русских» евреев в Израиле), окажется «отклоняющимся» от нее. Так, данную группу ни формально (наличие значительной доли неевреев), ни реально (состояние идентичности) нельзя рассматривать в качестве «этнической». От коренных израильтян иммигрантов из СССР/России отделяют в первую очередь культурные барьеры, а от низкостатусных его страт — социальные. Кроме того, о подвижности форм и факторов мобилизации свидетельствуют результаты последних парламентских выборов в Израиле (январь 2003 г.), в результате которых «русские» избиратели практически отвернулись от «своих» партий в пользу блока, не поставившего «русскую» повестку в качестве главной (подр. см., напр.: *Нижник М.* Особенности культурной интеграции выходцев из СССР/СНГ в Израиле // *Диаспоры.* 2003. № 1).
- ⁴¹ *Sheffer G. The Emergence of New Ethno-National Diasporas // Migration. A European Journal of International Migration and Ethnic Relations.* Berlin, 1995. № 2. P. 19.
- ⁴² *Лебедева Н. М.* Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. 2-е изд. М., 1997. С. 28.
- ⁴³ *Подпоренко Ю.* Бесправен, но востребован. Русский язык в Узбекистане // *Дружба народов.* М., 2001. № 12.
- ⁴⁴ *Лебедева Н. М.* Новая русская диаспора... С. 143.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. С. 44. См. также, напр., с. 87–89 (о Казахстане).
- ⁴⁷ Анализ этнополитической и социально-экономической обстановки в Киргизской Республике за 1994 — начало 1995 г. // Федеральная миграционная служба России. Информационно-аналитический бюллетень № 7. М., 1995. С. 75.
- ⁴⁸ Отчет по проекту «Определение подходов к активизации...». С. 12.
- ⁴⁹ *Фомова Л. М.* Обездоленные борются за свои права // *Res Publica* (газета). Бишкек, 1998. № 10.
- ⁵⁰ Мои наблюдения в Киргизии укладываются в более подробную типологическую схему правящих режимов Центральной Азии, предлагаемую С. Панариным (см.: *Панарин С. А.* Россия и Центральная Азия накануне и после 11 сентября 2001 г. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы VI международной конференции. Волгоград, 28–30 ноября 2002 г. Волгоград, 2003. С. 271).
- ⁵¹ Отчет по проекту «Определение подходов к активизации...». С. 14, 15.
- ⁵² Там же. С. 15.
- ⁵³ *Мальгин А.* «Русский Крым» в поисках себя // *Диаспоры.* 2003. № 4. С. 121–123.
- ⁵⁴ *Горохов С., Лийметс А.* Об идентичности национальных групп жителей Эстонии... С. 28–29.
- ⁵⁵ См.: *Савоскул С. С.* Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М., 2001. С. 392, 393.
- ⁵⁶ Подр. см.: *Савин И.* Русская идентичность как социальный ресурс в современном Казахстане // *Диаспоры.* 2003. № 4. С. 89–90, 93–94.
- ⁵⁷ Отсылаю читателя к ряду подобных материалов из прессы, не приводя конкретных цитат, которые своим раскованно журналистским стилем не вполне вписываются в

каноны академического издания (см., напр.: Семенов А. Россия вспомнила о «своих». Между диаспорой и Москвой должны быть отношения партнерства // Независимая газета. М., 2000, 22 ноября; Полоскова Т. Диктатура дилетантов. Кто раскалывает русское движение зарубежья // Там же. 2001, 17 марта; она же. Диалог будет трудным // Там же. 2001, 10 октября, и др.).

- ⁵⁸ Приведу слова из выступления Александра Ткаченко на семинаре в Московском Центре Карнеги в 1997 г., где обсуждался один из документов по «соотечественникам»: «Особенно далеко может завести такое понятие, к сожалению, уже оговоренное в постановлении правительства, как **наиболее авторитетные** [выделено автором цитаты. — Н. К.] общественные организации российской диаспоры за рубежом, которым предоставляется необходимая государственная поддержка. С чьей точки зрения будет определяться этот авторитет? Находящегося в это время у власти правительства? Или специальной комиссией парламента, или политическим весом лидера такой организации? Это уже не политика по отношению к соотечественникам за рубежом, а политические игры, а они не только могут завести нас в болото, но раздробить, разъединить саму конкретную диаспору и свести смысл ее существования к борьбе за лидерство, а не за культурные права ее членов» // Россия и новые диаспоры: приоритеты и направления политики. Московский Центр Карнеги. Стенограмма семинара «Проблемы миграции и гражданства в постсоветском пространстве», 31 января 1997 г. С. 41–42.
- ⁵⁹ Из выступления В. Михайлова на семинаре «Трудовая иммиграция в Россию и проблемы толерантности» // Открытый форум МОМ. Информационная серия. Вып. 6. М., декабрь 2003 г. С. 13.

«ДИАСПОРНЫЙ ПРОЕКТ» ПРОТИВ «АВТОХТОННОГО»

Несмотря на то, что русскоязычные сообщества очень часто называют «диаспорой» — в российском политическом, публичном и академическом дискурсе и в СМИ, их диаспоральный статус, как я пыталась показать, пока еще не был никем убедительно обоснован на базе надежного эмпирического материала. Конечно, формирование диаспор возможно, т. е. «диаспорный проект» развития вполне может быть реализован русскоязычными той или иной страны, правда, при определенных условиях, но пока этого не произошло. Однако не менее вероятен другой проект, который я условно называю «автохтонным».

Различия между этими направлениями развития принципиальные. «Диаспорный» проект помещает рассматриваемые сообщества в объятия «родины» (мифической, исторической, этнической; реальной или воображенной таковой) и делает связи с ней важнейшей стороной всей жизнедеятельности этнокультурной (этносоциальной) группы. «Автохтонный» же проект предполагает и в качестве «патрона», и объекта разнообразных привязанностей группы (гражданских, этнокультурных, локальных) другое государство. В нашем случае — те страны, где русскоязычные проживают сейчас и проживали много десятилетий (а иногда и не одно столетие). Речь идет не о прошлой и во многих своих проявлениях «робкой» диаспоре, стремящейся опереться на широкое плечо родины (и в психологическом, и в материальном смысле), или, если перескочить через промежуточные варианты, не о полярной ситуации сильной диаспоры, патронирующей родине. Речь идет о «своей» для стран проживания группе, образующей неотъемлемую часть местного этнокультурного и социального ландшафта.

Безусловно, такому «укоренению» русскоязычных немало помог и помогает внешний фактор — неэффективность и декларативность политики России в отношении «соотечественников», а также крайне негостеприимный прием, оказанный там переселенцам. Однако, хочу это специально подчеркнуть, существуют и серьезные **внутренние причины** того, что часть русскоязычных, и отнюдь не меньшинство, скорее склонны считать «своей» не Россию, а страну, где их предки появились десятилетия, а то и столетия назад. Тут особо важны два момента — их **самоощущения и особенности гражданской активности**, анализу которых в предыдущих разделах книги посвящено немало страниц.

Там же были приведены основные аргументы в поддержку **открытости эволюционной модели** развития русскоязычных сообществ; проанализированы позиции основных сторонников и оппонентов, а также максимально возможное количество полевых материалов. Здесь мы продолжим разговор об «автохтонном проекте», но в иной плоскости, чем раньше — почти не касаясь типичных для него особенностей самосознания и поведения людей. Нас будут интересовать сюжеты другого плана, но не менее важные для раскрытия сути этого весьма нетривиального и новаторского подхода. Чтобы избежать упреков в нескромности, скажу, что не претендую в данном случае на статус первооткрывателя, но лишь человека, который развивает, уточняет и корректирует. Что и как — это и станет нашим первым сюжетом. Затем мы рассмотрим проблему выбора и содержания терминов, которыми описывается статус русскоязычных в рамках различных дискурсов и интерпретаций. Еще одна тема — как воспринимают русскоязычных титульные элиты (интеллигенция): ближе к «автохтонам» или ближе к «диаспоре»? Казалось бы, ответ известен заранее, но, на мой взгляд, не для всех стран ближнего зарубежья. Рассмотрение этого сюжета на примере Киргизии позволит, в заключительной части главы, перейти к сравнительному анализу того, как может реализоваться тот или иной «проект» интеграции русскоязычных в двух во многом полярных частях постсоветского пространства — в Балтии и в Центральной Азии.

Русскоязычные как «автохтоны» — ревизия сказанного и уточнение позиций

На фоне апологии диаспорального подхода к русскоязычным (имеется в виду российский дискурс), альтернативное видение ситуации встречается крайне редко, и потому такие случаи достойны специального упоминания.

Главной фигурой тут является Валерий Тишков, известный критик патриотических версий концепции «соотечественников» и собирательного пафоса идеи «разделенного народа». Так, выступая в уже далеком 1997 г. на одном из семинаров в Московском центре Карнеги, с созвучным отечественной риторике названием «Россия и новые диаспоры», и пытаясь ответить на вопрос, «кого нужно репатриировать», он высказал следующее суждение: «Многие считают своей родиной ту территорию, где они живут, и часто такая региональная идентичность может укрепиться и стать вполне самостоятельной. Скажем, уральское казачество, проживая на территории Казахстана, вполне может сформировать понятие собственной групповой целостности, равноправности своего пребывания в Казахстане. Определенная специфика суще-

ствует и у восточно-славянских (или русскоязычных) общин в Прибалтике. У них есть своя отличительность от русских, живущих в других местах, и возможно формирование балто-руссов или балто-славянской общности, которая себя дистанцирует от остальных русских, считая себя вполне самостоятельной группой, в некоторых районах восходящей к X веку, и имеющей **полное право на эту территорию, государственность и официальный статус языка** [выделено мной. — Н. К.]. И было бы близоруко представлять себе, что у России существует некий приоритет на репатриацию, и что это есть в первичности своей некие россияне¹.

В статье 2000 г. ученый высказался уже более четко, представив русских в ряде районов постсоветского пространства сообществом, принципиально отличным от диаспоры: «“Новодиаспорная” конструкция бесосновательно делит граждан одной страны на диаспоры и, видимо, на “основное население”, когда для этого нет значимых культурных и других различий. Украинцы в Сибири и Краснодарском крае, равно как русские в Харькове и Крыму, являются автохтонными жителями и равноправными создателями всех форм государственности, на территории которых они проживали и ныне проживают. От того, что в географическом пространстве прошли новые границы... в их повседневности мало что изменилось. Они не перестали быть “основным населением”»².

Похожие высказывания можно найти и в западных работах по русскоязычным сообществам, хотя в целом они были посвящены в 1990-е гг. в основном диаспоре как политическому конструкту. Эти мысли свидетельствуют о том, что их авторы, сознательно выбирая определенный угол изучения объекта, понимали его сложную, неоднозначную природу, в первую очередь в контексте идентичности³.

В упомянутых примерах речь идет о мнении профессиональном, но вынесенном «со стороны». Интересна в данной связи позиция инсайдера — представителя русскоязычной интеллигенции, наблюдающего за ситуацией в Крыму. Это один из тех регионов, где русские реально претендуют (и имеют к тому многие основания) на статус «основного населения». По мнению Андрея Мальгина, «Русский Крым», переживающий сейчас кризис идентичности и ведущий «отчаянную борьбу за свой статус, за свое место на той земле, где его застали глобальные исторические изменения», должен, для успеха этой борьбы, исходить из следующих посылок: «родиной для “крымских русских” является прежде всего та земля, на которой они живут...; на этой земле русские — не пришельцы, а автохтоны; кроме этой земли, они не имеют никакой другой; по отношению к исторической России они представляют не просто ее зарубежную часть, а самостоятельный вариант ее культуры, самобытное субрегиональное сообщество»⁴.

Интересно и мнение другого ученого, который формально находится за пределами дискурса о «соотечественниках». Однако, занима-

ясь в более широком контексте проблемой статуса «коренных народов» и связанной с этим понятием мифологией и антропологическими заблуждениями, он приходит к выводу, вполне созвучному идее «автохтонного проекта». Прочитую в этой связи высказывание Сергея Соколовского из его предисловия к публикации на русском языке отрывка из работы известного западного антрополога Арджуна Аппадурай (*Arjun Appadurai*): «Если считать, как это чаще всего утверждают даже самые консервативные приверженцы советской теории этноса, что определяющим его признаком является самосознание, то становится невозможным отмахнуться от тех множественных взаимопересекающихся и текучих форм “местного” самоопределения, которые не вписываются в официальные реестры национальностей, но определяют поведение людей и их взгляды на устройство общества, часто ниспровергаемые как “ненаучные”. С позиций многих людей, не принадлежащих миру науки и не захваченных идеологией национализма, коренной — это местный житель, который родился на земле, где он живет, и который связывает с ней свои представления о судьбе и родине. Но почему-то ненаучным... считается недоумение человека, полагающего себя коренным сибиряком (казахстанцем, прибалтом), которого ученые и власти официально относят к “русскоязычным” или “русским” независимо от числа поколений его предков, вложивших свой труд в ту землю, на которой он живет и в которую он действительно врос корнями истории, памяти, души. Именно это различие между “коренными” и “некоренными”, свободно перемещающимися в пространстве представителями метрополии и “приписанными” к местам своего происхождения и жительства “туземцами” и становится главным объектом критики у А. Аппадурай»⁵.

Как мы видим, в контексте «укоренности» упоминались в основном те регионы, для которых характерно особо длительное проживание там русскоязычных, интенсивность межкультурных контактов и близость этнокультурной дистанции между «русскими» и принимающим населением, выражающаяся в том числе и в зарождении пограничных, «гибридных» форм идентичности. Формально Центральная Азия полностью в эту картину не вписывается, хотя бы по фактору близости культур. Однако реально, если исходить из наличия развитых и перетекающих одна в другую «форм “местного” самоопределения» русскоязычных, картина выглядит уже иной. Замечу также, что из 1 млн. русских четвертого-пятого поколения, проживающих в сельской местности наиболее отдаленных от России регионов, на втором месте после Крыма идет Киргизия (275,5 тыс. человек по переписи 1989 г.), а затем Латвия и Узбекистан (86 тыс.)⁶. Как известно, в подобных условиях аккультурация проявляет себя особенно заметно. Кроме того, в Центральной Азии действовали, на мой взгляд, специ-

фические обстоятельства, способствующие «укоренению» русскоязычных независимо от места их проживания (об этом ниже).

Все приведенные высказывания объединяет то, что они для их авторов «проходные» — в том смысле, что не являются ключевым элементом или основой концептуальной схемы, касающейся статуса, самосознания или траекторий развития русскоязычных сообществ. Иное дело — пионерная статья норвежского исследователя Пола Колсто, с весьма красноречивым названием «Укореняющиеся диаспоры: русские в бывших советских республиках»⁷.

В 1999 г. ученый предложил принципиально новый подход к тому, кем и как чувствуют себя «соотечественники» по отношению к России и странам их нынешнего пребывания, поставив вопрос ребром: «Почему мы должны считать само собой разумеющимся, что русские в новых независимых государствах в большей мере ощущают свою общность с Россией, а не со страной своего проживания? Или в той мере, в какой это имеет место, почему мы должны считать подобное положение дел неизменным? Почему русские, живущие в диаспоре, не могут постепенно переориентировать свои привязанности и лояльности — свое чувство укорененности, — на ту землю, страну, где они живут?»⁸. Прямо не в бровь, а в глаз! Действительно, почему? Потому что так вроде бы должно быть или кому-то хочется в это верить?

На мой взгляд, значимость предложенного П. Колсто подхода не была в должной мере оценена западной наукой — у меня, в частности, сложилось впечатление, что ссылок на только что упомянутую статью меньше, чем на его более раннюю и тоже весьма новаторскую работу о возможных траекториях развития идентичности русскоязычных⁹. Видимо, причина кроется в том, что на Западе представление о сложной, неоднозначной природе русскоязычных сообществ, в том числе и о потенциале их «автохтонизации», уже заняло прочное место в научном сознании — в отличие от России. Потому-то статья П. Колсто исключительна важна именно для отечественного читателя — этими соображениями я и руководствовалась, инициировав ее перевод на русский язык и публикацию в журнале «Диаспоры». И все же вынуждена с сожалением отметить, что сила воздействия «прорывных» идей норвежского ученого на российское сознание, околдованное представлением о «русских» как о диаспоре, может быть обесценена тем, как он их формулирует и обосновывает. Попробую показать это на анализе авторских аргументов и логических построений, что позволит мне, кроме того, внести в концептуальную схему П. Колсто некоторые важные уточнения и корректировки.

Итак, обратимся к тексту. В приложении к русским/русскоязычным автор широко использует термин «диаспора» (это видно уже из названия и первой приведенной цитаты), подразумевая всего лишь группу, находящуюся за пределами своей «исконной территории» — либо

рассеявшись по миру, либо оказавшись вне последней в результате передвижки государственных границ (с. 6, 9–10). Данное определение, таким образом, никак не предполагает наличие у группы развитых форм диаспорального поведения или сознания. В других работах, где используется этот «механический» критерий, авторы обычно и не обращались к «низovým восприятиям», явно или неявно выводя их за скобки, что при исследовании, например, различных политических дискуссий о «диаспоре» проходит совершенно безболезненно для логики изложения и не вызывает вопросов. Но здесь, на мой взгляд, ситуация иная.

Если говорить без деталей, идея П. Колсто состоит в следующем: под влиянием все более очевидной неспособности России подкрепить свои претензии на «русских» реальными делами, в восприятии ими обстоятельств своей жизни в бывших республиках на определенном этапе произошел некий принципиальный сдвиг — «переориентация привязанностей и лояльностей, чувства укорененности» (см. выше) от «исторической родины» к странам проживания. При подобном подходе уже никак не абстрагируешься от того, как чувствуют и ведут себя обычные люди, и если они, следуя логике автора, «сначала» были повернуты к России (а «потом» их настрой изменился), значит, вопреки определению, слово «диаспора» наполнено реальным содержанием? Значит, «сначала» они все-таки были диаспорой или чем-то близким к ней — по состоянию души? Подобные подозрения усиливаются из-за названия статьи и некоторых ее разделов: «Не одна диаспора, а четырнадцать»; «Приспосабливаясь к жизни в диаспоре»; «Как укореняются диаспоры». Не будем забывать, что, пытаясь понять мысль автора, я стараюсь смотреть на текст глазами среднего российского читателя, слабо защищенного от вируса «диаспоризации всей страны».

«Размытость» авторской трактовки и заставляет меня сформулировать собственное видение ситуации максимально четко. Когда в противовес **закрытой модели «русской диаспоры»** я продвигаю идею о **«диаспорном»** и **«автохтонном» проектах** интеграции русскоязычных, я имею в виду не **последовательные**, сменяющие друг друга стратегии, а два **параллельно** развивающихся процесса, каждый из которых имеет определенный потенциал полноценной реализации, причем силами различных групп русскоязычных. А какой из них в обозримой перспективе одержит верх в той или иной стране или части постсоветского пространства — покажет время и специальные исследования.

Но вернемся к статье П. Колсто, размышления над которой оказались очень полезными для уточнения и развития моей собственной позиции. Мне представляется, это как раз тот случай, когда полемика помогает двигаться вперед, и тут не обойтись без серии довольно пространственных цитат, составляющих квинтэссенцию концептуальной схемы норвежского ученого.

1. «...Россия, в лице ее элит, и лидеры новых независимых государств... разделяют одну и ту же базовую идею: они стремятся рассматривать русские диаспорные сообщества в ближнем зарубежье как “экстерриториальные”, т. е. укорененные скорее в России, нежели в странах своего теперешнего пребывания. Однако значительная и, возможно, возрастающая часть самих русских осознала, что этот экстерриториальный статус отнюдь не в их интересах, и **начала политическую борьбу** [выделено мной. — Н. К.] за признание себя в качестве “своих”, коренных» (с. 8).

2. «В то время как российская политическая риторика способна в какой-то мере поддерживать их ориентацию на Россию, реальная — или воспринимаемая таковой — **бездеятельность последней**, отсутствие действенной поддержки диаспор может заставить их отвернуться от России и **обратить свои взоры к новым родинам** [выделено мной. — Н. К.]» (с. 27). И далее, стремясь показать, «как это происходит», П. Колсто очерчивает позицию «лидеров русской диаспоры», ряд которых «...осознанно культивируют альтернативное представление об “укорененности”, контрастирующее с родившейся в Москве концепцией “соотечественников”. Они как бы хотят сказать: “Мы не в меньшей степени коренные, чем вы, титульные народы”, а если это звучит неубедительно — “мы сделаем все от нас зависящее, чтобы стать такими же коренными, как вы”» (с. 27).

Далее автор обращается к мироощущению обычных людей, живущих в своих странах на протяжении нескольких поколений и обладающих, кроме «русской», ярко выраженной локальной идентичностью и привязанностью к «малой родине», т. е. к чувствам, эмоциональным по своей природе и потому вряд ли могущих быть результатом хладнокровного, рационального выбора. Однако именно такая картина рисуется в пассаже, подводящем итог размышлениям П. Колсто о том, «как укореняются диаспоры»:

3. «У человека нет корней на той или иной территории, если он их не ощущает, а это **чувство возникает только тогда и в той степени**, в какой он или она считают подобную идентичность для себя более выигрышной, чем альтернативные варианты. Пока русские в новых независимых государствах верят в то, что им **выгодно разыгрывать “русскую карту”** [выделено мной. — Н. К.], считая себя русскими не только в этнокультурном смысле, но и политически, и территориально, большинство из них будет продолжать делать это. Однако в тот день, когда такой выбор потеряет свою привлекательность, русские начнут искать другие пути и способы обеспечить свое политическое представительство, получить доступ к престижным рабочим местам, поддержать статус русского языка и защитить функционирующие на нем образовательные учреждения» (с. 30–31).

Возможно, автор использует метафоричный, броский стиль, намеренно упрощая ситуацию, «спрямляя углы», избегая ухода в детали — чтобы сделать свою принципиальную идею о смене русскими стратегии адаптации максимально доходчивой и понятной читателю. Но как бы то ни было, корректировка и уточнение ряда моментов представляются мне необходимыми, чтобы картина происходящего была более реалистичной.

Во-первых, на мой взгляд, П. Колсто чрезмерно рационализирует и политизирует поведение русскоязычных, фактически объединяя их в поиске «выигрышных комбинаций» с «лидерами русской диаспоры», т. е. с политиками. Именно последним свойственно «разыгрывать» различные карты и прикидывать, на кого выгоднее «поставить» в той или иной ситуации. Именно их поведение и его зигзаги в зависимости от слов и действий России предложенная схема описывает наиболее адекватно, но при оценке степени воздействия этих зигзагов на обычных людей нельзя забывать о слабости «русских организаций» в ближнем зарубежье и отсутствии у них массовой поддержки.

Во-вторых, в продолжение предыдущего, русскоязычные ближнего зарубежья отличаются низкой склонностью к консолидации (на этнической основе) и вялой политической активностью, поэтому вряд ли можно говорить об их «политической борьбе» (или ее начале) — будь-то борьба за статус «диаспоры» или за статус «коренных». Кроме того, прослеживается ли связь тех довольно редких политических акций русскоязычных, которые мы можем в последние годы наблюдать на постсоветском пространстве, с бездеятельностью России на фронте защиты «соотечественников»? Привлекшие внимание европейской и российской общественности многотысячные выступления школьников и учителей русских школ Латвии в мае 2003 г. и особенно весной 2004 г. против грядущего уменьшения числа предметов, преподаваемых на русском языке, едва ли можно считать проявлением смены стратегии, вызванной разочарованием в России. Последнее возникло уже довольно давно, так же как и проявления «укорененности» на уровне этнокультурной идентичности (например, по данным самого П. Колсто, в 1996 г. в Латвии почти в четыре раза больше опрошенных назвали своей родиной именно эту страну, чем Россию — с. 29).

Третье и самое существенное возражение связано с принципиально важной для моей концептуальной схемы **идеей параллельности** (см. выше), в противовес выдвинутому норвежским ученым положению о качественно прерывистом процессе, о наличии «сдвига», спровоцированного усталостью от бесплодной российской продиаспорной риторики.

Как я пыталась показать в предыдущих частях книги, «укорененность» русскоязычных в виде эмоционально окрашенной локальной идентичности и ощущения своей личности по сравнению с россияна-

ми — это старая история, уходящая еще в советское время, но, естественно, тогда подобным образом вряд ли массово осознаваемая и застывшая на уровне отпускных и туристических впечатлений. В дальнейшем такая идентичность актуализировалась и начала выходить на уровень осознанной рефлексии и принятия решений (в частности, связанных с миграцией). Да, без влияния «фактора России» тут не обошлось, но какого? Я полагаю, отмеченное П. Колсто разочарование в ней как в защитнице стоит иметь в виду, но ключевую роль сыграл огромный объем принесенной мигрантами, в том числе и возвратными, информации о тяжелых условиях жизни на исторической родине, о социокультурных барьерах между вынужденными переселенцами и местным населением, зачастую принимавшим их «в штыхы». Таким образом, «укорененность» в ее этнокультурном облике лишь усилилась под влиянием «фактора России», а не появилась как результат голого прагматического расчета. Поскольку локальная этнокультурная идентичность несет в себе и сильное эмоциональное начало, я никак не могу согласиться с той экстремально конструктивистской идеей норвежского коллеги, согласно которой чувство «корней» возникает лишь тогда, когда это выгодно. Другое дело, что на уровне выбора индивидуальных/семейных стратегий адаптации рациональное зачастую вынужденно берет верх над привязанностями.

Наряду с той группой русскоязычных, которым в наибольшей степени присущи различные проявления этнокультурной и политико-гражданской ориентации на страну проживания, существует и та, что больше повернута к России (с точки зрения представлений о родине, восприятия своей «русскости» и пр.). Конечно, эта группа она может терять сторонников — в том числе и из-за разочарования в «исторической родине». Но если смотреть не с позиции «сдвига», а преемственности, оставаясь в пределах **параллельной модели**, возникновению/сохранению чувства близости с Россией скорее всего способствовали не надежды на ее эффективное заступничество, а главным образом все то, что обычно рождает и питает чувство родины и общности с ее жителями. Эти те же факторы, что работают и на укорененность в странах проживания, но иной направленности (детство, могилы, воспоминания, родные люди и места, природа и т. п.).

Какие термины мы выбираем: о важности угла зрения и разделения дискурсов

Итак, если принять предлагаемую открытую модель двунаправленной эволюции русскоязычных сообществ, то как же их называть в их нынешнем состоянии? Ясно, что не диаспорой, поскольку превра-

шения в нее еще не произошло. Конечно, можно четко оговорить, как это часто делается, что под «диаспорой» имеется в виду не более чем группа, оказавшаяся за пределами «родственного государства». Но это не решит проблему поиска термина, максимально нейтрального и отражающего незавершенность процесса. А для использования в России этот облегченный и формально корректный вариант вообще не очень удачная находка — из-за высокой политико-идеологической и этнической нагруженности слова «диаспора». Очень уж прочно закрепился в российском научном и общественном сознании «соотечественный» угол зрения, под которым рассматриваются любые вопросы, связанные с русскоязычными в ближнем зарубежье.

А угол зрения имеет принципиальное значение. Если умозрительно раздвинуть картинку, например, до общеевропейской и не «заикливаться» лишь на России с ее «диаспорами», то при рассмотрении аналогичного набора проблем, касающихся положения и прав инокультурных групп в странах их проживания, русскоязычные окажутся мало чем отличающимися от других групп, общепризнанных в «старой» и «новой» Европе в качестве «своих» и обычно называемых «национальными меньшинствами». Именно такого рода работы можно встретить в западной литературе. Если в число научных задач их авторов не входит необходимость заявлять о специфической позиции России как «родины», на нее реагировать или ей противостоять, русскоязычные не только не именуется «диаспорами», но рассматриваются, например, в общем ряду с теми отнюдь не иммигрантскими группами, права которых в должной мере не удовлетворены (а такие есть и в Восточной, и в Западной Европе). И поскольку речь идет об известных ученых, делается это, полагаю, не из-за правозащитных, политических или иных пристрастий, а в первую очередь на основе научных знаний о положении и истории появления данных групп в том или ином государстве, об их самоидентификации, отношениях со страной проживания и пр.

Один из примеров такого рода — статья Тараса Кузио (*Taras Kuzio*)¹⁰, в которой весьма жесткой критике подвергнута получившая широкое признание концепция Роджерса Брубейкера о так называемых национализирующихся государствах, существовавших в межвоенной Европе или возникших там после распада СССР. В российской литературе их чаще называют этнократическими или этноцентристскими, распространяя термин на все постсоветские страны, а не только европейские.

Не вдаваясь во все детали авторской аргументации, во многом, на мой взгляд, достойной внимания, скажу лишь о сути. Т. Кузио пытается доказать, что теоретически некорректно считать «национализирующимися» лишь государства Восточной и Центральной Европы и делить таким образом континент на «этнический Восток» (*ethnic East*) и «гражданский Запад» (*civic West*). Во-первых, современные западные

демократии прошли похожий этап «этнической гомогенизации», но только шесть или семь поколений назад, но теперь этот процесс называют не несущим негативных коннотаций термином «национальное строительство» (*nation-building*)¹¹. Во-вторых, эти демократии и сейчас «с разной степенью активности навязывают всему обществу ментальность, основанную на языке, истории, символах, религии и культуре титульной нации (наций)»¹², а некоторые откровенно игнорируют наличие национальных меньшинств на своей территории (например, Франция и Греция).

Ученый предлагает альтернативную типологию европейских государств, включающую, в частности, следующие группы: 1) моноэтнические; 2) плюралистические либеральные (*plural liberal*), учитывающие в той или иной степени права и этнокультурные потребности своих национальных меньшинств (Литва, Украина, Болгария, Македония, Молдавия, Россия, Великобритания, Испания, Бельгия, Швейцария); 3) плюралистические нелиберальные (Греция, Румыния, Словакия, Франция, Хорватия, Германия) и, наконец, 4) «этнические демократии» (Эстония и Латвия), которые «находятся в процессе предоставления гражданских прав своим жителям, но не склонны к такому шагу в этнокультурной сфере»¹³.

Формально тем же процессам, но рассматриваемым в более практической плоскости, посвящена интересная и очень информативная статья Уилла Кимлики (*Will Kymlicka*) — по сути, не статья, а скорее брошюра¹⁴. Автор подробно рассматривает накопленный за последние 30 лет и в целом успешный опыт Запада по сохранению этнокультурного разнообразия (в частности, в виде различных федеративных и квазифедеративных моделей территориальной автономии национальных меньшинств), а затем задается вопросом о возможностях, пределах и трудностях его применения в странах «новой» Европы.

Причины того, что идеи территориальной автономии или более мягких, нетерриториальных форм учета прав меньшинств очень тяжело прививаются на восточноевропейской почве, во многом носят объективный характер — это «наследие псевдофедерализма коммунистических режимов Чехословакии, Югославии и Советского Союза», а также специфика самих национальных меньшинств — «многие из них имеют родственное государство (*kin-state*), с которым они могут желать соединиться..., выступая, в данном случае, как потенциальные ирредентисты»¹⁵. Более того, мы имеем не просто «родственные государства» (примеры такого рода можно найти и в Западной Европе), а исторически связанные с меньшинствами и «ранее угнетавшие группы большинства». Результатом стало то, что в Восточной и Центральной Европе «множество национальных меньшинств имеют меньшую степень автономии, чем 30 или 50 лет назад», а эти страны в массе

своей «придерживаются старой модели унитарного национального государства, в котором, при идеальном раскладе, меньшинства являются политически слабыми, лишенными позиции интеллектуального лидерства и обреченными на долгосрочную ассимиляцию»¹⁶.

Речь идет, таким образом, о хорошо знакомой постимперской конфигурации, негативным образом влияющей на отношения национальных меньшинств и правящего большинства в странах рассматриваемого региона. И все же У. Кимлика нигде не называет изучаемые им группы «диаспорами». В разнообразных примерах и сравнительных описаниях той или иной ситуации вокруг «национальных меньшинств» в Западной и «новой» Европе он многократно, в одном ряду с другими группами, упоминает русских Эстонии, Латвии, Украины (Крыма) и Казахстана, исходя из правомочности их претензий на тот же объем прав, каким пользуются меньшинства на западе континента. Вот, например, что он пишет о русских Балтии, иллюстрируя свою мысль о том, что даже когда меньшинства не являются ирредентистами, у них возникают трения с большинством: «Факты указывают на то, что растущее число этнических русских в Прибалтике не только отвергает идею воссоединения с Россией, но также находит у себя больше общего с местными латышами или эстонцами, чем с этническими русскими в России. Но это не исключает угрозу того, что националисты в России могут использовать существование русского меньшинства как основание для интервенции»¹⁷. В аналогичном ключе автор пишет и о русских Украины.

И все же, если перейти от самоощущений меньшинств как «живущих у себя дома» к перспективам признания данного факта большинством, с отвечающим международным критериям правовым оформлением этого статуса, то тут У. Кимлика настроен довольно пессимистично. И проблема не только в историческом наследии, но и в позиции самого Запада (в частности, в лице его международных институтов), которую ученый оценивает весьма критически. Дело в том, что и в ряде западных стран существует противодействие как самой идее предоставления меньшинствам прав на самоуправление (например, во Франции, Греции и Турции), так и международному мониторингу. Стремясь избежать практики двойных стандартов, Запад был вынужден отступить и отказаться (в частности, в рамках ОБСЕ) от подхода, основанного на принципе справедливости, в пользу принципа безопасности, что значительно снижает возможности международного давления на страны «новой» Европы¹⁸. Добавлю — и, кстати, не избавляет от двойных стандартов, но уже иного рода.

Впрочем, занимающие меня сюжеты не позволяют далее углубляться в хитросплетения европейской политики, касающейся прав национальных меньшинств, равно как и в обсуждение возможных

вариантов правового оформления «автохтонного» статуса русскоязычных той или иной страны. Приведенные примеры важны для целей моего анализа прежде всего тем, что демонстрируют ненужность и своего рода искусственность использования термина «диаспора» при изучении многих проблем этничности и национализма; его способность уводить в сторону и затемнять суть дела.

Но вернемся к вопросу, заданному в начале этой главки. Видимо, и термин «национальное меньшинство» не совсем адекватен для характеристики современных переходных русскоязычных сообществ, поскольку фиксирует **конечную точку реализации «автохтонного проекта»**. Не случайно П. Колсто, определяя вектор эволюции «укореняющихся диаспор», использует слово «национальное меньшинство» очень осторожно: «...между коренными жителями и диаспорой — не пустое пространство, а континуум промежуточных состояний, и русские могут постепенно сдвигаться по этой оси от полюса диаспоры по направлению к центру. Там располагается довольно аморфная категория, называемая национальным меньшинством»¹⁹.

Более нейтральным и «открытым», а потому подходящим для наших целей мог бы стать термин «этническое меньшинство», не фиксирующий внимания на том, «кто на чьей земле живет» и предполагающий развитие по любым сценариям — «**диаспорному**», «**автохтонному**», **а также, для небольшого числа русскоязычных — ассимиляционному**. Однако добавка «этническое» тут совсем некстати, поскольку русскоязычные являются по этническому составу конгломератной группой, объединенной исторической судьбой, прежними социальными ролями, единой базовой культурой и особенностями своего нынешнего положения в новых независимых государствах. Более того, они никак не могут считаться обычной культурно-отличительной группой из-за своей **особой роли в прежней, «имперской» системе**.

На последнее обстоятельство, разумеется, обращалось внимание. По мнению Эмиля Паина, например, после распада СССР русские из «имперского меньшинства», т. е. нестандартного (*unusual*), превратились в обычное (*ordinary*) «этническое меньшинство»²⁰. При этом в качестве определения последнего Э. Паин использует набор критериев, предложенных Франческо Капоторти (*Francesco Capotorti*), считая их «наиболее приемлемыми». Речь идет о группе, которая: 1) является в данном государстве численным меньшинством; 2) не доминирует политически; 3) отличается от основного населения по своим этническим, языковым, конфессиональным и прочим характеристикам; 4) связана чувством внутригрупповой солидарности, направленным на сохранение своей культуры, языка и традиций»²¹.

Действительно, как минимум три первых характеристики вполне приложимы к изучаемой группе (хотя и с некоторыми оговорками,

поскольку далеко не во всех постсоветских странах наблюдается ее монополия на русский язык и культуру). Но этих критериев недостаточно. Русскоязычные и сейчас не являются обычным меньшинством. Дело в том, что, на мой взгляд, соотнесение «имперскости» лишь с прошлым принципиально неверно, и потому предложила бы называть их **«постимперскими меньшинствами»**. Этим вариантом, кстати, пользуется У. Кимлика при описании различий между национальными меньшинствами «старой» и «новой» Европы²². Однако для меня постимперскость — нечто более сложное, чем просто «история», и более пестрое по своим проявлениям и воздействию на отношения «меньшинства» и «большинства», чем стремление последнего как-то отомстить первому за прошлые обиды. Мысль, которая является для меня принципиально важной — **за русскоязычными тянется широкий постимперский «шлейф», причем расписанный разными красками, не только черными**. Особенности колонизации различных частей постсоветского пространства до сих пор оказывают влияние на положение русскоязычных, характер стоящих перед ними задач и выбор путей их решения; на отношение к ним титульного населения и элит; специфику «укоренения» и, в конечном итоге, на уклон в сторону «диаспорности» или «автохтонности». Эта мысль была «вплетена» в наш анализ динамики межгрупповых отношений и статуса русского языка; далее я еще раз вернусь к ней на примере «русских» Балтии и Центральной Азии.

Предлагая свой терминологический вариант, независимо от его достоинств и недостатков, я исхожу из того, что он **изобретается исключительно для нужд научного сообщества и не нуждается в одобрении самим объектом изучения**. Когда приходится читать или слышать о том, что русские в такой-то стране считают (или не считают) себя национальным или иным (или просто) меньшинством, диаспорой и т. д., у меня как у социолога тут же возникает вопрос: а в какой форме их об этом спрашивали? Если с предъявлением для «опознания» и примеривания на себя этих самых клише, то результаты вряд ли подлежат осмысленному использованию. Читая разнообразную литературу, я обратила внимание на то, как путано, противоречиво и субъективно понимаются и интерпретируются эти термины, особенно «меньшинства» в различных словосочетаниях, причем это относится и к ученым, и к так называемому экспертному сообществу (журналистам, политикам, правозащитникам, лидерам «русских» организаций). В частности, даже специалисты-этнологи часто используют термины «этническое» и «национальное меньшинство» как синонимы, чего же тогда ожидать от всех остальных?

«Диаспоре» повезло несколько больше, это сугубо научный термин, да еще и иностранного происхождения, а потому его обычно употребляют люди, имеющие определенный набор знаний и какие-то,

пусть полуинтуитивные, но адекватные представления о предмете. Что касается понятий «(национальное/этническое) меньшинство», они не только научные и правовые, но еще и широко используемые в бытовой речи, причем чаще всего с негативным оттенком — вспомним малоприятное и отнюдь не изжитое клише «нацмен». Да и само слово «меньшинство» ассоциируется с чем-то маленьким и бесправным, хотя по европейским правовым нормам и сложившейся практике группы, называемые национальными меньшинствами, не только претендуют на самоуправление или участие в управлении на основе соучредительства (это то, что у нас любят называть «государственнообразующим народом»), но и реально имеют такого рода права, хотя и в разном объеме. Совершенно необходима, на мой взгляд, разъяснительная работа среди тех, кто обладает привилегией «называть» и формировать таким образом общественное мнение (журналисты, политики, работники «третьего сектора»).

А в социологических исследованиях важно следовать золотому правилу разделения «исследовательского языка» и того языка, на котором мы общаемся с респондентами. В противном случае как можно содержательно интерпретировать, например, данные о том, что русские Прибалтики гораздо чаще, в сравнении с русскими Казахстана, соглашались с тем, что они относятся к национальному меньшинству?²³ На мой взгляд, первые просто начинают привыкать к соответствующему лексикону международных организаций, занимающихся проблемами национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. Однако эти результаты **сами по себе** отнюдь не свидетельствуют о радикальных различиях в идентичности русскоязычных двух регионов и в потенциале реализации ими «автохтонного проекта».

Наконец, последнее замечание о терминологии. Европейское и международное законодательство о (национальных) меньшинствах является, по общему признанию, несовершенным и требует, в частности, универсализации подхода с позиции всеобщих прав человека к представителям различных групп меньшинств, в том числе и иммигрантских, а также к негражданам²⁴. В среде правозащитников, а также политиков с правозащитным уклоном считается поэтому неприличным, дискриминационным делить меньшинства на «старые» и «новые», «пришлые» и «коренные» и т. п. В рамках правового дискурса подобный подход вполне закономерен и заслуживает понимания, но не тогда, когда он переносится на дискурс академический. Мне не раз приходилось ловить на себе недоумевающие взгляды и выслушивать замечания о том, что все люди должны пользоваться равными правами (конечно, должны!), когда на конференциях или во время кулуарных бесед я излагала свои идеи о «диаспорном» и «автохтонном проектах» с использованием исторических и современных параллелей. На мой

взгляд, смешение научного и правозащитного подходов фактически лишает ученых возможности заниматься такой естественной для них функцией, как сравнительное изучение этно-, социо- и культурно-отличительных групп — другой вопрос, что наличие у людей чувства групповой общности/инакости должно быть выведено из анализа их самооощущений, а не приписываться им *a priori*.

Голос титульной интеллигенции

По логике вещей, титульное население (включая и элиты) постсоветских государств, которые принято называть национализирующимися, идею «автохтонности» должно отвергать, что называется, «с порога». В Эстонии и Латвии подобное отношение выразилось в первые постсоветские годы в принятии практических шагов (законодательство о языке и гражданстве), направленных на освобождение территории от «нежелательных пришельцев». Поскольку «одной рукой в ладоши не похлопаешь», реализация русскоязычными «автохтонного проекта», с соответствующим его правовым оформлением, не может состояться без нужного настроя в головах хотя бы части титульного населения и его элит.

И все же в кажущейся столь надежной обороне находятся солидные бреши, в виде расколотости, раздробленности элит по отношению к русскоязычным жителям своих стран. Интересные материалы на эту тему я нашла, изучая киргизстанскую прессу начала 1990-х гг. Речь идет прежде всего об уже известной читателям газете «Res Publica». В первые постсоветские годы — период радикальных и далеко не всегда радостных перемен, затронувших все группы населения и вызывавших бурный общественный резонанс и, соответственно, активную дискуссию в печати, «Res Publica» предоставляла возможность высказаться буквально всем, в том числе и людям диаметрально противоположных взглядов.

Именно в тот период (1992–1994 гг.) «этническая» тематика занимала на страницах киргизстанской прессы довольно заметное место, что резко контрастирует с последующим периодом стабилизации (середина десятилетия и позже), когда найти статью по этим сюжетам стало редкой удачей. Действительно, первые годы независимости дали много материала для размышлений — о судьбах русских в Киргизии; о том, как складывались отношения двух народов в течение почти полутора веков и почему они пришли к такому нерадостному итогу; о причинах массового выезда «европейцев»; о значении для киргизов русского языка и о том, нужно ли было отказывать ему в официальном статусе. Естественно, печатались авторы разных национальностей, но

нас сейчас будут интересовать именно выступления киргизской интеллигенции — ученых, писателей, журналистов и политиков.

Полярность их позиций видна невооруженным взглядом, чему способствовало само время — именно для начала 1990-х гг. была характерна наиболее высокая активность киргизских национал-радикалов. О противоречиях в лагере титульной интеллигенции и накале антирусских/антироссийских настроений свидетельствует, например, отрывок из интервью с писателем и филологом Салиджаном Джигитовым. Когда последний назвал себя русофилом, корреспондент спросил, легко ли быть им в «наше время». И вот ответ: «Я бы не сказал. Надо иметь мужество быть сторонником русской культуры, русского языка. Тем не менее, слава Богу, среди киргизов много таких. Когда я выступил против всех этих разорительных юбилеев, меня публично объявили врагом киргизского народа. Мне ничего не оставалось, как парировать, что лучше, если у киргизского народа будет хоть один враг из своих. Готов им быть»²⁵.

Среди доброжелательных статей выделяются те, авторы которых рассуждают о роли России в истории страны и народа, о многолетнем опыте существования киргизов и русских плечом к плечу, о значимости русского языка как окна в мировую культуру и т. п. В «усредненном» виде такая позиция представлена, в частности, в только что упомянутом интервью с С. Джигитовым. Вот некоторые отрывки из него: «Российская поддержка могла бы оставаться еще долгое время в лице русскоязычного населения с его культурой, языком, техническими знаниями. Через него мы могли бы продолжать европеизироваться — а нам непременно надо европеизироваться — и все-таки прорваться к прогрессу, держась за русских, как за локомотив. Но ведь и этим мы не воспользовались! Зачем-то начали воевать с языком... Не будь 70-летнего присутствия России, Средняя Азия ныне ничем бы не отличалась от Афганистана... Если бы мы нашли согласие в решении проблемы языков, если киргизская интеллигенция, отвечающая за народ, проявила бы великодушие и тем самым смогла бы сделать союзником русскоязычную среду, Россию привлечь в качестве союзницы... Мыслящая часть киргизского народа уже давно трубит о необходимости сохранения всей многонациональной палитры республики...»²⁶, и т. п.

Во многом противоположная позиция выражена, например, председателем Центрального совета партии «Асаба» Джамилем Анарбековым: «Мы защищаем права нации, а потом — права человека! Мы партия национального возрождения, представляем и защищаем интересы кыргызского народа. И мы не боимся слова “националист”, мы им гордимся. Сейчас идет процесс становления и роста национального самосознания, и говорить о демократии пока не приходится... В резуль-

тате проводимой с 1861 г. политики колонизации со стороны России кыргызский народ стал утрачивать свой язык, культуру, обычаи, забывать свою историю, отчуждаться от своей земли. Должна быть восстановлена историческая справедливость...»²⁷, и т. д.

Подобная пикировка явно демонстрирует расхождение взглядов в стане киргизской интеллигенции, но аргументы сторон все же достаточно стандартны — по крайней мере, для человека, знакомого с публичным дискурсом во многих постсоветских странах в первые годы их независимости. С точки зрения наших целей гораздо познавательнее полемика, затрагивающая тему «земли» и «территории» в контексте дихотомии «свои» — «чужие». Обращение к ней в газетной дискуссии является отражением жгучего интереса к «корням» на бытовом уровне, выражавшегося в начале 1990-х гг. в уличных, транспортных и магазинных перебранках типа: «Езжай в свою Россию! — «А ты езжай на своей Енисей!».

На одной стороне баррикады — носители вполне традиционных взглядов титульной элиты постсоветского государства, смыкающихся с позицией прибалтов. Вот авторы делятся впечатлениями о семинаре по экономическим и политическим реформам, проведенном в Бишкеке весной 1993 г. По их мнению, «для разрешения межэтнических и языковых проблем в Кыргызстане можно использовать опыт Малайзии. Сходства много. Другие этносы республики должны понять, что Кыргызстан — это страна кыргызов прежде всего и с этим фактором нужно считаться. Они должны способствовать поднятию уровня жизни до выравнивания со своим уровнем и удовлетворения их потребностей. Так как кыргызы составляют большинство населения страны, то другие этносы должны согласиться с тем, что государственный язык должен быть кыргызский». Поясню в двух словах, что эти выводы базируются на далеко не бесспорной с точки зрения истории трактовке начального периода независимости Малайзии: экономически более процветающие китайцы, не желая уезжать в коммунистическую КНР, поняли, что страна принадлежит малайцам и с этим нужно смириться. Соответственно, они признали, что «и большая часть ВВП должна принадлежать коренному населению, что надо поднять их уровень жизни и удовлетворить их потребности, чтобы не вызывать с их стороны экстремизма». Комментируя же опыт решения языковой проблемы в Индии на основе ее федерального устройства, авторы статьи отметили, что он «...совершенно непригоден для наших условий, потому что в Индии во всех штатах проживают аборигены, а у нас — эмигранты»²⁸.

Позиция Казата Акматова, одного из лидеров «Демократического движения Кыргызстана», по сути сходная, но есть нюансы. Если, по логике предыдущих авторов, «другим этносам» (читай — русским)

уготована миссия подъема уровня жизни «коренного населения», иначе экстремизма не избежать, и они оказываются загнанными в своего рода ловушку, то К. Акматов явно сочувствует русским. Однако смысл в том, что «каждому — свое», а потому русских, которые не «у себя дома», объективно ждет незавидная судьба: «Народ попал под такой интернационализм, что дело дошло до дискриминации. Необходимо восстановить материальное равноправие. Но мы не за то, чтобы делать это путем ущемления других. Но вещи нужно называть своими именами. У каждой нации своя родина. Ведь не случайно планета в равной степени разделена между нациями. Я понимаю и русских. Сегодня они попали в идиотское положение. К примеру, вопрос о государственном языке... В данной ситуации им придется либо уехать, либо окиргизиться, изучив национальный язык. Вот такая судьба их ждет...»²⁹.

Интересно, что редакция вскоре опубликовала отклик на интервью с К. Акматовым преподавателя Л. Ромасевича (имя не указано), где в четком виде представлена, по сути, идея «автохтонного проекта», но так, как она воспринимается на личностном уровне: «У каждой нации своя родина. Это, конечно, так. Но ведь своя родина есть и у каждого отдельно взятого человека. А он, как правило, считает своей родиной ту землю, где родился и вырос, или где живет длительное время... И почти в каждой стране мира обычно живут разные народы, а один и тот же народ часто живет в разных странах»³⁰. Кстати, по последней фразе видно, насколько очевидна для обычного «русского» из республики — не специалиста-этнолога, хотя, видимо, человека образованного, та истина, которую В. Тишков уже давно пытается внедрить в сознание многочисленных российских поборников воссоединения «разделенного народа»³¹.

На другой стороне баррикады — люди, которые придерживаются принципиально иных взглядов на проблему «земли» и «корней». В отличие от публикаций, названных выше «доброжелательными» и написанных нейтральным тоном (например, русские именуются просто «русскоязычным населением»), здесь заметно присутствие эмоций и нетривиальных аргументов (по крайней мере, для своего времени).

Политолог Т. Осмонов (имя не указано) вводит в оборот уже знакомое нам понятие национального меньшинства: «Будущее Кыргызстана видится не только в национальном возрождении кыргызского народа, но и в реализации специфических интересов национальных меньшинств». Причем автор проводит прямую аналогию между теми, что проживают в Киргизии, и басками в Испании, корсиканцами во Франции, немцами в бывшей Чехословакии, венграми в Румынии, курдами в Турции и пр. Названы группы отнюдь не иммигрантские, хотя именно те, вокруг статуса которых в Европе существует много

нерешенных проблем: «говорить о полной идеализации положения национальных меньшинств в европейских странах еще рано».

Хотя автор и выдвигает идею о «советской» специфике, когда русскоязычное население «занимало доминирующее положение, находилось в наиболее комфортных этнокультурных условиях не только по сравнению с другими национальными меньшинствами, но и с коренным населением» (неизбежный постимперский «шлейф», о котором я писала выше), выход предлагается (в 1992 г.!) более чем цивилизованный и удовлетворяющий самому взыскательному правозащитному вкусу: «...создание законодательства о национальных меньшинствах, признание их прав на самоорганизацию, подписание международных конвенций о защите меньшинств и участие в такой защите через сети общественных и правительственных организаций — вот необходимая ступень той эволюции, которую еще предстоит пройти новым политическим силам Кыргызстана и новых государств Содружества». Другой вопрос, что реализовать эти меры немыслимо трудно не только в Киргизии, но и, как показывает опыт всех постсоветских лет, даже в Эстонии и Латвии, где в процесс активно включены развитые европейские демократии.

Более того, Т. Осмонов завершает свою статью призывом, сильно опережающим то время, когда интерес к этничности, по понятным причинам, был чрезвычайно обострен: «Со временем “осядет пыль” бурного нынешнего процесса, все проблемы и вопросы будут решаться цивилизованным путем, когда приоритет прав человека будет превыше всего, когда каждый гражданин Кыргызстана будет гордо называть себя “Я — кыргызстанец”»³².

Кандидат философских наук М. Джанузаков (имя не указано) размышляет о том, как трудно определить «хозяина» той или иной территории в современном мире, история которого постоянно сопровождалась передвижениями народов, да и стоит ли это делать, порождая конфликты? Позволю себе пространную цитату на эту тему: «Несомненно, нет земли, от природы принадлежащей только одному народу. Как правило, в ту или иную историческую эпоху с данной земли один народ вытеснялся другим, а тот третьим и т. д. Но верно и то, что в данную конкретную историческую эпоху, измеряемую многими столетиями, тот или иной регион населялся преимущественно одним народом и, получая его имя, назывался, например, русской или грузинской землей, туркменской или киргизской. Земля эта для этого народа становилась священной, затрагивала самый глубокий его нерв, его тревогу за свою собственную судьбу. Таковы факты истории. Но нельзя не видеть и не считаться и с такой необратимой тенденцией современной истории, как массовое переселение людей различных национальностей, в результате чего многие районы приобрели много-

национальный характер. Тем временем в мире уже утвердился демократический и гуманистический принцип, признающий за человеком право на свободный выбор места проживания, а затем и права возникших в ходе переселения национальных меньшинств на собственное культурное развитие. В этих условиях притязания одного народа на монопольный контроль над территорией без учета прав других народов и в нарушение прав человека было бы не только недемократическим по своему характеру, но и безрассудным авантюризмом, способным породить острую конфликтную ситуацию»³³.

Материал интересен и тем, что, в отличие от публикаций, доброжелательных к русским и одновременно к России, здесь последние явно противопоставляются. Ориентируясь на нормы международного права, автор отказывает России в монополии на защиту русскоязычного населения, считая, что за это ответственно прежде всего то государство, где они живут. Комментируя «грозные напоминания» из Кремля, он пишет: «Защита прав человека, национальных меньшинств — дело прежде всего граждан данной независимой страны, ее демократических государственных органов и общественных организаций. Но если дела складываются так, что российскому правительству и парламенту приходится выражать свою заинтересованность, свою заботу о судьбе русскоязычного населения, то они, следуя современному демократическому принципу, должны обращаться к мировому общественному мнению, к международным правовым организациям, к ООН, обладающей эффективными средствами защиты прав человека и национальных меньшинств». Таким образом, «русские» явно видятся «своими», хотя и не идеальными (автор упоминает о «пережитках имперской психологии» у некоторой их части, неуважение к языку и культуре других народов и пр.). Именно в таком ключе завершается статья: «Кыргызстан — республика не только кыргызской части ее населения. Она в равной степени республика и для русских, узбеков и других населяющих ее народов. И каждый из них должен внести весомый вклад в формирование подлинного демократического правового государства»³⁴.

В антиколониальной статье юриста Жениша Магимова Россия и русские, которых он называет «наши», тоже не воспринимаются как нечто единое и видятся союзниками киргизов в противодействии Москве. Автор, озабоченный тем, что они активно выезжают из республики («Что ждет наших русских в России?»), предупреждает их о тамошней тяжелой экономической ситуации и приглашает «...вместе с другими народами Республики Кыргызстан начать борьбу за экономическое выживание, за жизнь сегодняшнюю и завтрашнюю. На родной и для русских земле Кыргызстана». Заканчивается статья призывом: «Русские Кыргызстана, Средней Азии и Казахстана! Объеди-

няйтесь со всеми народами своих республик и боритесь против провокаций и диктата бывшего центра! Как испанцы и англичане Нового Света, отстаивайте суверенитет вместе с народами Средней Азии и Казахстана!»³⁵

Наконец, хочу упомянуть и отмеченную вниманием общественности эмоциональную статью известного журналиста Кубана Мамбеталиева, целиком посвященную сверхактуальной для периода подъема миграционной волны теме отношений киргизов и русских. Автор с большим волнением говорит о том, как многое их связывает — и исторически, и даже генетически, и что эта прочная основа поможет пережить тяжелые времена: «Проявим великотерпимость друг к другу... Так многое нас объединяет, такой огромный пласт времени за нами... Не надо разбивать нашу совместную лодку о быт. Нам еще плыть и плыть на ней по волнам истории. Мы просто обречены на дружбу и родство друг с другом. В генофонде киргизов есть славянский элемент, в генофонде русских есть тюркский элемент... Россия — это праздник для нас, и мы для нее тоже праздник...».

Объединительно-примирительная линия рассуждений автора завершается прямым обращением к президенту и к местным русским — не тем, кто пакует чемоданы, а к тем, кто чувствует свое родство с землей Киргизии: «Нельзя делать ставку на “варягов” и “гостей”. Ставку надо делать на тех, у кого четко выражено чувство “сохозяина”. И таких славян у нас немало. Их корни здесь, и кровь их пуповины пролилась на этой земле. Вот почему они не гости и не варяги, они — сохозяева. Нашему президенту надо делать ставку на них... Братья-славяне! Проявите терпение и благоразумие! Переживите вместе с нами нынешний хаос и чертовщину! Мы с вами сохозяева на этой древней земле. Вся эта грязь, в конце концов, пройдет бесследно... Придет и к нам праздник. Мы его встретим вместе»³⁶.

Разные подходы, разные аргументы, разные идеологические позиции, но объединяет приведенные высказывания то, что русские видятся киргизами, по словам К. Мамбеталиева, «неотъемлемой частью народа Кыргызстана». Конечно, речь не идет поголовно о всех киргизах и всех представителях титульных элит. Но сам факт их мировоззренческой неоднородности — далеко не случайность, а одно из важнейших проявлений того, как по-разному проходило «переваривание» российской/советской «империей» присоединенных к ней в различные периоды территорий — от Туркестана до Прибалтики. И вопрос этот неотделим от судеб русскоязычных в прошлом, настоящем и в будущем, поскольку главным инструментом «переваривания»-освоения были именно русские и иные колонисты-переселенцы, потомки которых после распада СССР и ощущают на себе влияние темных и светлых пятен имперского «шлейфа».

«Русские» Балтии и Центральной Азии: попытка сопоставления

Вернусь на более высоком уровне обобщения к начатому ранее разговору о том, что исторически эти два региона представляют собой две во многом **отличные друг от друга модели освоения новых территорий и, соответственно, взаимодействия русскоязычных с проживавшим там населением.** Отмечу самое, на мой взгляд, главное. В Центральной Азии вмешательство извне послужило очевидным и безусловным стимулом развития народов региона — их включили в руло научно-технического прогресса, дали многие созвучные эпохе знания и навыки; приобщили их к одному из ведущих мировых языков и созданной на его основе высокой культуре. Однако плата за вхождение в цивилизацию оказалась немалой — сильно пострадали национальная самобытность, язык, традиции. В случае Балтии, когда речь идет о народах, проживавших в течение столетий в европейском окружении, принесенные с востока «цивилизация» и «развитие» уже не могут интерпретироваться столь однозначно; уже нельзя говорить о безальтернативности приобщения именно к русской культуре, а «развитие» (особенно в советскую эпоху) было скорее таким, каким его понимал Центр, а не тем, в котором действительно нуждалось население региона.

Отталкиваясь от этих положений, я попробую кратко, в постановочном плане, очертить возможные траектории интеграции русскоязычных на двух означенных территориях. Сразу отмечу, что, хотя «диаспорный проект» и там, и там имеет свой потенциал в виде ориентированной на Россию «русскости», для «пробуждения зерен» в наших условиях необходима активизация России как родины, причем на уровне реальных дел, а не деклараций. Поскольку пока все это дело будущего, я сосредоточусь на особенностях реализации русскоязычными именно «автохтонного проекта».

В Центральной Азии он в значительной степени **лишен важнейшей этнокультурной составляющей** — необходимости бороться за сохранение русскоязычной культурной среды. Иными словами, «укореняющиеся» русские и другие «дети империи» вряд ли окажутся в положении, когда поддержание своего языка и культуры является сугубо частным делом группы, которая пытается, с разной степенью успеха, транслировать свою озабоченность обществу и государству. Особенности колонизации обернулись в регионе плюсом для русскоязычных, превратив язык бывшей метрополии в предмет эмоционального и, что гораздо важнее, прочного прагматического интереса и титульных групп, включая их элиты, и остальных населяющих ту или иную страну народов³⁷. В наибольшей степени описанная ситуация характерна для Казахстана и Киргизии (при том, что обратной стороной медали оказалась

особенно сильная русификация киргизов и казахов). Дело тут не только в более либеральном языковом законодательстве этих стран (особенно второй) по сравнению, скажем, с Узбекистаном или в более пророссийской ориентации Нурсултана Назарбаева или Аскара Акаева. Куда важнее глубокие, объективные исторические предпосылки, сближающие с Россией и с заложенным в ней европейским началом именно представителей ранее кочевых народов региона³⁸.

Ослаблению этнической составляющей сплочения русскоязычных способствует и политико-социальная обстановка в странах региона. Проще говоря, узкие, «этнические» раздражители остаются намного более слабыми, чем общенациональные — сползание режимов к авторитаризму, угрозы свободе слова, коррупция, а в Киргизии и Узбекистане еще и постоянное ухудшение экономической ситуации, а также, в самые последние годы, политическая нестабильность. Подобная иерархия «раздражителей» свидетельствует о том, что, при прочих равных условиях, развитие вряд ли пойдет по линии формирования «стандартного» (без «имперского шлейфа») национального меньшинства.

А что касается «укоренения» как такового, то в самоощущениях русскоязычных Центральной Азии есть важный дополнительный компонент, «работающий» в данном направлении — кроме восприятия родины, чувства особости и т. п. Я имею в виду **осознание значимости своего огромного вклада в развитие региона**. Подобные чувства можно трактовать и как пресловутый комплекс старшего брата, который на начальном этапе высокой эмиграции и этнизации массового сознания в республиках сыграл деинтеграционную, выталкивающую роль (формула: «Мы для вас все сделали, а вы нас прогоняете...», и т. д.). Но возможна и иная трактовка. Эту мысль великолепно выразил в беседе со мной историк Владимир Мокрынин. По сути, это было не стандартное экспертное интервью, а разговор двух хорошо понимающих друг друга коллег, размышляющих вслух о том, что их очень занимает:

«В. М. Знаете, даже португальцы исчезли, это меня очень волнует; ну почему исчезли диаспоры, которые, казалось бы, обосновались там на века?»

Н. К. Да возьмите Родезию...

В. М. Да, но Южноафриканская Республика не исчезла.

Н. К. Но там немножко другая ситуация. У них историческая родина все-таки не Британия, у них ее как бы и нет. Они считают, что там их историческая родина, их оттуда не “выковырять”.

В. М. Совершенно верно, и поэтому я Вам говорю, историческая родина наших основных туркестанцев здесь. Вот здесь родина моего сына, родина моей дочери, и “ВЫКОВЫРИТЬ” нас очень-очень сложно.

Н. К. То есть Вы считаете, что эти связи ментальные, психологические более прочны, чем у англичан, которые сидели в Индии и благополучно оттуда съехали?»

В. М. Они прекрасно знали, что они там временные. Ну, посмотрите Киплинга: “Запад есть Запад, Восток есть Восток”. И потом, они очень резко ограничили себя этнически, очень резко...

Н. К. То есть два мира как бы?

В. М. Да.

Н. К. А здесь не существует этих двух миров?

В. М. Я не чувствую этого совершенно. И киргизы так же несчастны, как и мы. И потом, я не чувствую ордынского, понимаете, давления, нет тут никакого...

Н. К. То есть для Киргизии это не актуально?

В. М. Ну, Вы, наверное, сами видите.... Понимаете, что стучало в сердцах русских переселенцев в Туркестане — “Это наш Туркестан! Это наш Туркестан!”

Н. К. А что, это разве не является той великодержавностью... это что-то другое, да?

В. М. Это что-то другое...

Н. К. Это не то, что мы здесь хозяева?

В. М. Нет, нет, нет.

Н. К. А что за этим стоит, как Вы считаете?

В. М. Вспомните у Салтыкова-Щедрина, “Господа ташкентцы”... Вот какое-то такое чувство, что это мое, что эта моя земля, от предков мне досталась... У Вас, наверное, возникает вопрос: “И как это способствует межнациональному миру?”

Н. К. Да, действительно...

В. М. Но я же не выдвигаю этих требований, я же не хожу на площадь и не кричу — киргизы, марш в южную Сибирь, марш в Хакасию, эта земля не ваша! Конечно, это земля киргизов, но в то же время и русских [ср. с идеей К. Мамбеталиева о “сохозяевах”. — Н. К.].

Н. К. То есть это как бы на равных, идея паритета?

В. М. Абсолютно, абсолютно так. Ведь она же стала такой землей, потому что сюда пришли русские. Иначе она была бы совершенно другой.

Н. К. А, вот эта мысль... Я поняла. А киргизы это понимают, хотя бы наиболее образованные?

В. М. Понимают, понимают прекрасно, потому что у них еще в годы советской власти появилась такая фраза — “посмотрите, кем мы были и кем мы стали”.

Н. К. В позитивном смысле?

В. М. Сознание быстрого экономического и культурного роста нации, страны, народа...».

На мой взгляд, именно пониманием русскоязычными Центральной Азии значимости своей роли в индустриальном и культурном развитии края можно объяснить тот странный на первый взгляд момент, что в

1996 г., при очень сильных миграциях «русских» из Казахстана и явно меньшей их нацеленности на интеграцию, чем, скажем, в Латвии, доля ощущающих гордость за страну была почти идентичной. Так, в первой 36,4% русских, 50% украинцев, 34,1% немцев, 46,9% татар и 46,7% корейцев «постоянно» или «время от времени» испытывали гордость от мысли, что они казахстанцы; в Латвии таких было 38% среди опрошенных русских, 31,3 — среди украинцев и 32,0% — среди белорусов³⁹.

Хочу отметить еще и то обстоятельство, что «диаспорный материал» наиболее интенсивно выносился миграционными волнами первой половины 1990-х гг. именно из Центральной Азии, в лице сравнительно недавних переселенцев в регион и людей, имеющих родственников, а также деловые, профессиональные и иные «зацепки» и интересы в России. В сочетании с отмеченной спецификой «укоренения», мы могли бы трактовать его в духе большей вероятности развития русскоязычных сообществ по пути «автохтонизации»⁴⁰. Однако надо иметь в виду, что интегрирующий эффект чувства «сохозяина», возможно, особенно значим в первую очередь для средних и старших возрастных групп; эта «укорененность» питается прошлым. Поведение более молодых и мобильных когорт, их «отзывчивость» к зову прошлого, важность для них чувства принадлежности — уже! — к третьему, четвертому и более поколению, живущему на «своей» земле, будет зависеть, при прочих равных условиях, от наличия (и силы) выталкивающих факторов. В современной Центральной Азии к ним относятся прежде всего **экономика и безопасность**⁴¹.

А что мы наблюдаем в Балтии? На фоне отсутствия только что отмеченных факторов как реальных угроз населению вступление стран региона в Европейский Союз и связанные с ним перспективы способствуют **затуханию этничности, в том числе и в диаспоральной, ориентированной на Россию форме**, за счет усиления **чувства принадлежности к западному миру и его ценностям**. Это относится прежде всего к молодежи и демонстрирует зарождение особой для русскоязычных Балтии «укорененности», устремленной в будущее и раздвигающей рамки «своей» земли за пределы страны и даже региона — до размеров всей объединенной Европы⁴². Данный процесс стимулирует экономическую, культурную и лингвистическую интеграцию, что, впрочем, совсем не означает, что русскоязычные стремятся стать эстонцами, латышами или литовцами.

Постимперскость в отношениях русскоязычных Балтии (особенно в Латвии и Эстонии) с местными обществами проявляет себя, в отличие от Центральной Азии, в стойком и консолидированном отторжении титульным населением и элитами всего русского (российского), в восприятии русского языка и культуры в качестве символов тяжелого прошлого. Это обстоятельство, видимо, будет **актуализировать этно-**

культурную составляющую в идентичности русскоязычных — не только в широком смысле, привлекая их внимание к своей миссии носителей ценностей русской культуры, но и в более узком, обостряя их озабоченность сохранением своей «самости» именно как русских. Дело в том, что, по некоторым данным, иные нетитульные группы, обычно относимые к русскоязычным, начинают в сложившихся условиях проявлять большой интерес к возрождению именно своих культур параллельно с лингвистической интеграцией⁴³. Потому проблема удовлетворения базовых этнокультурных прав (в первую очередь — возможность получать среднее и высшее образование на родном языке) имеет шанс превратиться в сугубо частное дело прибалтийских русских как национального меньшинства. Переложат ли они часть этой ноши на европейские структуры и местные нерусские партии с достаточно широкой программой, ориентирующейся на нужды всего общества, а не только титульного населения, оставив для себя интеграцию на личностном уровне и участие в разовых акциях протеста? Произойдет ли возврат к опоре на «свои» партии? В какой мере и в каких формах в решение этой проблемы может быть вовлечена Россия? И вообще — есть у нее еще шансы вскочить в несущийся на всех парах на Запад поезд под названием «прибалтийские русские» и как-то поучаствовать в их судьбе? От ответов на эти вопросы во многом будет зависеть их будущее как крупной культурно-отличительной группы обновленной Европы.

И в заключение препарируем сказанное с точки зрения **исследовательских приоритетов второго постсоветского десятилетия**. При изучении балтийского «случая» продолжает сохранять актуальность прежний, сложившийся в 1990-е гг. селективный подход к русскоязычным ближнего зарубежья — как **особой группе**, поскольку сложившаяся после распада СССР в Эстонии и Латвии система доступа к власти и ресурсам значимым своим сегментом, в том числе и юридически закрепленным (в виде института безгражданства) направлена именно против данной части населения. В этом же состоит и **региональная общность** двух стран, что позволяет, с определенными оговорками, подходить к проблемам тамошних «русских» с едиными мерками.

Иное в странах Центральной Азии (имеются в виду те, где русскоязычные все еще сохраняют значимые демографические позиции: Казахстан, Узбекистан, Киргизия). Во-первых, социальная динамика обретает здесь все более яркую **страновую специфику** — и не только из-за различий «имперской» предыстории, о чем пунктирно упоминалось выше (тут Киргизия с Казахстаном противостоят Узбекистану). Не в последнюю очередь эта специфика связана с накопившимся за время независимости багажом потерь и достижений, с прорастанием посеянного в начале пути либо в виде наметившейся экономической и

политической стабилизации, либо бурных проявлений общественно-го недовольства на фоне все более глубокого кризиса власти (и тут Киргизия с Узбекистаном, несмотря на многое их разделяющее, смотрят вслед идущему «в отрыв» Казахстану).

Во-вторых, система доступа к власти в Центральной Азии, хотя и со своим «лицом» в каждой из трех стран, постепенно оформилась как многофакторная и направленная **против различных категорий граждан**, куда включены и «русские» (но не по признаку «голой» этнической принадлежности!), а груз своих многочисленных трудностей они несут не в одиночку⁴⁴. Отсюда — назревшая необходимость отказаться от **традиционного группоцентричного подхода к русскоязычным**, в рамках которого развитие самих этих стран и политика их властей рассматривались лишь в **суженном проблемном коридоре намерений и действий национализирующегося государства**.

Изложенное в книге подводит к тому, что на повестке дня — изучение конкретной группы **через анализ состояния общества в целом**: существующих в нем трений, линий социокультурного, экономического и политического размежевания, источников конфликтов и видов депривации, а также подвижных низовых лояльностей и складывающихся на разных уровнях социальных коалиций. И хотя хронологически и тематически анализ «революции» 2005 г. в Киргизии и ее последствий выходит за рамки исследования, не могу удержаться от соблазна перекинуть мостик между двумя периодами. Помещенные в Приложении письма людей разных национальностей, комментирующих события страшной ночи с 24 на 25 марта в Бишкеке, являются живым свидетельством того, как зачастую «дремлющее» или слабо осознанное чувство общности со страной и ее людьми заявляет о себе словом и поступком в часы социальной смуты. Кстати, на мой взгляд, книга намечает будущее через прошлое и иным образом, через выявление и анализ многих из тех процессов, что побудили весной 2005 г. выйти на поверхность исподволь копившуюся энергию социального недовольства — **не отдельных групп, а всего киргизстанского общества**.

Хочется надеяться на то, что исследования с новым ракурсом, основанные на «погруженности» в страну, но одновременно и с сильным компаративистским компонентом, не замедлят появиться, равно как и на то, что мне посчастливится принять в них посильное участие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Россия и новые диаспоры: приоритеты и направления политики. Стенограмма семинара в Московском Центре Карнеги. М., 31 января 1997 г. С. 13.

² *Тишков В. А.* Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. М., 2000. № 2. С. 59.

³ См. главу 2 настоящего раздела, с. 481–494, 498–499.

- ⁴ Мальгин А. «Русский Крым» в поисках себя // Диаспоры. М., 2003. № 4. С. 127.
- ⁵ Соколовский С. В. Корни и крона (мистика и метафизика в конструировании статуса «коренных народов») // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 6–7.
- ⁶ См.: Степанов В. В. Современное русское население Крыма // Российский этнограф. Альманах. М., 1993. № 20. С. 106.
- ⁷ См.: Kolsto P. Territorialising Diasporas: The Case of Russians in the Former Soviet Republics // Millennium. Journal of International Studies. L., 1999. Vol. 28. № 3. На русском языке см. в журнале «Диаспоры», 2001, № 1.
- ⁸ Колсто П. Укореняющиеся диаспоры: русские в бывших советских республиках // Диаспоры. 2001. № 1. С. 10.
- ⁹ Kolsto P. The New Russian Diaspora — An Identity of Its Own? Possible Identity Trajectories for Russians in the Former Soviet Republics // Ethnic and Racial Studies. L., 1996. Vol. 19. № 3.
- ¹⁰ См.: Kuzio T. «Nationalizing States» or Nation-Building? A Critical Review of the Theoretical Literature and Empirical Evidence // Nations and Nationalism. L., 2001. Vol. 7. № 2.
- ¹¹ Ibid. P. 143, 150.
- ¹² Ibid. P. 145–146.
- ¹³ См.: *ibid.*, p. 149.
- ¹⁴ Кимлика У. Федерализм и сецессия: Восток и Запад // Ab Imperio. Казань, 2000. № 3–4.
- ¹⁵ Там же. С. 273.
- ¹⁶ Там же. С. 284.
- ¹⁷ Там же. С. 274–275.
- ¹⁸ Подр. см.: там же, с. 286–304.
- ¹⁹ Колсто П. Укореняющиеся диаспоры... С. 31.
- ²⁰ Payin E. The Disintegration of the Empire and the Fate of the «Imperial Minority» // The New Russian Diaspora. Russian Minorities in the Former Soviet Republics. Ed. by V. Shlapentokh, M. Sendich & E. Payin. N. Y., M. E. Sharpe, 1994. P. 21–25.
- ²¹ Цит. по: *ibid.*, p. 22.
- ²² См., напр.: Кимлика У. Федерализм и сецессия: Восток и Запад... С. 276.
- ²³ Такие данные приведены, в частности, в: Колсто П. Укореняющиеся диаспоры... С. 32.
- ²⁴ Подр. см., напр., в: Цилевич Б. Права меньшинств: кто носитель этих прав? // Балтийские дилеммы: выступления по вопросам этнополитики. Таллин, 2003.
- ²⁵ Отсталость идет от изолированности, или кому выгодно, чтобы киргизы и русские забыли многолетний опыт совместного проживания. Интервью Э. Тарановой с С. Джигитовым // Слово Кыргызстана (газета). Приложение «В конце недели». Бишкек, 1993, 26 июня.
- ²⁶ Там же. См. также: Тойчубеков Ю. У культуры нет границ // Res Publica (газета). Бишкек, 1993, 15 апреля; Расулов К. Между нами тесное родство // Там же, 1993, 27 марта.
- ²⁷ Славянские вести (газета). Бишкек, 1992. № 4 (перепечатка из газеты «Свободные горы»).
- ²⁸ Турсунбай Бакир уулу, Мамытов С. Три дня, потрясшие не только нас // Res Publica, 1993, 10 апреля.
- ²⁹ Интервью З. Сыдыковой с К. Акматовым // Res Publica, 1992, 7 августа.
- ³⁰ Ромасевич Л. Без вины виноватые // Res Publica, 1992, 28 ноября.
- ³¹ Вот пример из недавнего прошлого. Один из участников семинара, организованного Московской исследовательской программой по миграции, спросил В. Тишкова, «почему идея воссоединения народа — это мифология». Ответ: «Мифология лежит в самой изначальной метафоре разделенного народа, потому что я как этнограф не знаю неразделенных народов» (см.: Трудовая миграция в России и проблемы толерантности. Открытый форум МОМ. Информационная серия. Вып. 6. Декабрь 2003 г. С. 9).
- ³² Осмонов Т. Новый виток развитого межнационального вопроса // Res Publica, 1992, 7 августа.
- ³³ Джсанузаков М. Национальная демократия или клановая община? // Res Publica, 1993, 25 сентября.
- ³⁴ Там же.

- ³⁵ *Магзимов Ж.* Надо ли спешить в Россию? // Славянские вести. 1992, № 9.
- ³⁶ *Мамбеталиев К.* Русские и кыргызы // Свободные горы. Бишкек, 1993, № 53.
- ³⁷ Напомню, что, по данным моего исследования, киргизы очень высоко оценивают культурный вклад «русских» в развитие своей республики и народа — выше, чем принесенные ими же индустриальные достижения (см. главу 2 разд. III «Чем мы были друг для друга?»). См. также анализ роли русского языка в главе 2 разд. I.
- ³⁸ Именно это обстоятельство позволило Георгию Ситнянскому выдвинуть и обосновать интересную идею о том, что настоящий «Восток» на территории бывшего СССР начинается ниже южной границы Казахстана и Киргизии, отделяющей Россию и тяготеющие к ней евразийские государства от «настоящей» и цивилизационно более далекой от нас «Средней Азии». Соответственно, из пяти стран региона именно в двух упомянутых (в Киргизии в первую очередь в северной ее части) русскоязычные с большой вероятностью останутся и сохраняют свою демографическую, экономическую и культурную значимость (подр. см.: *Ситнянский Г. Ю.* Русские в СНГ — «здесь» или «там». По поводу нового закона «О гражданстве Российской Федерации». Институт этнологии и антропологии РАН. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2003. № 160).
- ³⁹ См.: *Malkova I., Kolsto P., Melberg H. O.* Attitudinal and Linguistic Integration in Kazakstan and Latvia // Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Societies. An Investigation of Latvia and Kazakstan. Ed. by P. Kolsto. Boulder, Westview Press, 1999. P. 237.
- ⁴⁰ Как совершенно правильно отметил П. Колсто, «обычно первыми уезжают люди, приехавшие в страну сравнительно недавно и не питающие к ней особых чувств. Будут идти годы, и те, кто остался, будут все сильнее ощущать свою связь с этой землей, хотя бы потому, что в ней похоронены их близкие» (*Колсто П.* Укореняющиеся диаспоры... С. 32).
- ⁴¹ В наибольшей степени это актуально для Узбекистана и Киргизии и, судя по поступающим данным, в меньшей — для Казахстана последних лет, где быстрый экономический рост и внутривнутриполитическая стабильность могут, на волне формирования гражданской нации, способствовать передаче чувства гордости «старого разлива» и молодым поколениям
- ⁴² По мнению Ренальда Симоняна, эта группа составляет даже «особый субэтнос», который он называет «еврорусскими» (см.: *Симонян Р.* Россия и страны Балтии. М., 2003. С. 158–184). Как показывают социологические исследования в Эстонии, прежде всего молодые люди являются носителями так называемого глобального типа самоопределения, для которого характерно «стремление приобщиться одновременно к эстонской и англоязычной европейской культуре» (подр. см.: *Вихалемм Т., Массо А.* Динамика идентичности русских Эстонии в период постсоветских трансформаций // Диаспоры. 2003. № 2. С. 249, 252).
- ⁴³ По данным, приведенным в статье Владислава Волкова, в Латвии сформировались традиции образования в школах таких меньшинств, как украинцы, евреи, поляки; уроки там ведутся на титульном и родном языках. Они не настаивают, подобно русским, чтобы на последнем шло все обучение, считая, что введение лишь нескольких предметов — уже «явный прогресс по сравнению с системой образования, господствовавшей в советское время» (*Волков В.* Русские в постсоветской Латвии сквозь призму лингвистической идентичности (1992–2000 г.) // Диаспоры. 2002. № 2. С. 75).
- ⁴⁴ К аналогичному выводу на примере Узбекистана пришел Евгений Абдуллаев: «Сама традиционализирующаяся система, а не политика или курс, стала выталкивать наименее интегрированные в нее элементы, каковыми, в том числе, были и функционеры, предприниматели, студенты и т. д. нетитульной национальности» (*Абдуллаев Е.* Русские в Узбекистане 2000-х гг.: идентичность в условиях демодернизации // Диаспоры. 2006. № 2 (в печати)).